

ISSN 2076-2577 (print)
ISSN 2541-982X (online)

Финно-угорский мир

Finno-Ugric World

Том 12, № 4 2020

Журнал основан в 2008 г.

Выходит ежеквартально

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Свидетельство ПИ № ФС77–70644 от 3 августа 2017 г.

Территория распространения журнала – Российская Федерация, зарубежные страны

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 42059

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Учредитель и издатель:

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва».
430005, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевикская, 68

Адрес редакции:

430005, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевикская, 68
Тел./факс: +7 8342 474423, +7 8342 478220
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>
E-mail: journal@csfu.mrsu.ru

Главный редактор *Н. П. Макаркин*

Заместитель главного редактора *А. В. Родняков*
Научные редакторы: *Н. И. Бояркин,*
Н. М. Мосина, Г. А. Корнишина
Редактор *Е. С. Руськина*
Верстка и дизайн *Л. В. Калачина*
Корректор *Н. И. Ершова*
Перевод *О. С. Сафонкина*

Рукописи не возвращаются.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей

Перепечатка материалов, размещенных в журнале, допускается только с разрешения редакции

Дата выхода 25.12.2020.

Формат 70 x 108 1/16. Усл. печ. л. 12,0.

Тираж 1000 экз. (1-й завод – 150 экз.)

Цена свободная. Заказ № 1552

Отпечатано в типографии Издательства федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва».
430005, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Советская, 24

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2020

The journal was founded in 2008.

Published quarterly

Registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media
Certificate ПИ № ФС77–70644 August 3, 2017

Distributed In Russian Federation and foreign countries

Subscribe index: 42059,
Catalog "The Press of Russia".

The journal is included in the list of Russian peer-reviewed journals to publish research results of the dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences

Founder and publisher:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Ogarev Mordovia State University"
68 Bolshevistskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia

Editorial board:

68 Bolshevistskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia.
Tel./fax: +7 8342 474423, +7 8342 478220.
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>
E-mail: journal@csfu.mrsu.ru

Editor in Chief *N. P. Makarkin*

Assistant Editor *A. V. Rodniakov*
Editorial Board:
N. I. Boiarkin,
N. M. Mosina,
G. A. Kornishina
Editor *E. S. Ruskina*
Layout design *L. V. Kalachina*
Correction by *N. I. Ershova*
Translation by *O. S. Safonkina*

The Editorial board reserves the right not to return manuscripts.

Editorial opinion may not coincide with the views of the authors of articles

Articles reprinting is allowed only with the permission of the Editors

Released on December 25, 2020.

Format 70 x 108 1/16. Press sheets 12.0.

Circulation 1000 copies. (1st – 150 copies).

Free price. Order No. 1552

Printed in the Publishing House of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Ogarev Mordovia State University"
24 Sovetskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia

© National Research Mordovia State University, 2020

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Макаркин Николай Петрович,
председатель совета, доктор экономических наук, профессор, президент ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения (Мордовия, РФ), makarkin@mrsu.ru

Бахлова Ольга Владимировна,
доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (Мордовия, РФ), olga.bahlova@gmail.com

Бояркин Николай Иванович,
доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (Мордовия, РФ), bojarkin_ni@mail.ru

Братчикова Надежда Станиславовна,
доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорской филологии ФГБОУ ВО «МГУ имени М. В. Ломоносова» (г. Москва, РФ), n.bratchikova@mail.ru

Вдовин Сергей Михайлович,
кандидат экономических наук, ректор ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (Мордовия, РФ), rector@adm.mrsu.ru

Вичинене Дайва,
доктор гуманитарных наук, профессор, заведующий кафедрой этномусикологии Литовской академии музыки и театра (Литва), daivarster@gmail.com

Глухова Наталья Николаевна,
доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и лингвистики Центра гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (Марий Эл, РФ), gluhnatalia@mail.ru

Жеребцов Игорь Любомирович,
доктор исторических наук, профессор, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Коми, РФ), zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

Илюха Ольга Павловна,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Карелия, РФ), iljuha@krc.karelia.ru

Кауппала Пекка,
доктор философии (PhD), доцент Центра изучения России и Восточной Европы Хельсинкского Университета (г. Хельсинки, Финляндия), pekka.kauppala@saunalahti.fi

Кондратьева Наталья Владимировна,
доктор филологических наук, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (Удмуртия, РФ), nataljakondratjeva@yandex.ru

Корнишина Галина Альбертовна,
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (Мордовия, РФ), kornihina@rambler.ru

Кудрявцева Раисия Алексеевна,
доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорской и сравнительной филологии ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» (Марий Эл, РФ), kudsebs@rambler.ru

Nikolay P. Makarkin,
Chairman of the Board, Doctor of Economics, Professor, President of National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies (Mordovia, Russia), makarkin@mrsu.ru

Olga V. Bahlova,
Doctor of Political Sciences, Professor, Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (Mordovia, Russia), olga.bahlova@gmail.com

Nikolay I. Boyarkin,
Doctor of Arts, Professor, Lead Research Fellow, Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (Mordovia, Russia), bojarkin_ni@mail.ru

Nadezhda S. Bratchikova,
Doctor of Philology, Head of the Department of Finno-Ugric Philology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), n.bratchikova@mail.ru

Sergey M. Vdovin,
Cand. Sc. {Economics}, Rector of National Research Mordovia State University (Mordovia, Russia), rector@adm.mrsu.ru

Daiva Vyčiniėnė,
Doctor of Arts, Professor, Head of the Department of Ethnomusicology, Lithuanian Academy of Music and Theater (Lithuania), daivarster@gmail.com

Natalia N. Glukhova,
Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages and Linguistics, Center for Humanitarian Education, Volga State University of Technology, (Mari El, Russia), gluhtalia@mail.ru

Igor L. Zherebtsov,
Doctor of History, Professor, Director of the Institute of Language, Literature and History of Komi, Research Center of Ural Branch of the Russian Academy of Science (Komi, Russia), zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

Olga P. Ilukha,
Doctor of History, Lead Research Fellow, History Section, Institute of Language, Literature and History, Karelia Scientific Center of Russian Academy of Science (Karelia, Russia), iljuha@krc.karelia.ru

Pekka Kauppala,
Ph. D., Associate Professor, Center for the Study of Russia and Eastern Europe, Helsinki University (Helsinki, Finland), pekka.kauppala@saunalahti.fi

Natalia V. Kondratieva,
Doctor of Philology, Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics Udmurt State University (Udmurtia, Russia), nataljakondratjeva@yandex.ru

Galina A. Kornishina,
Doctor of History, Professor, Department of History of Russia, National Research Mordovia State University (Mordovia, Russia), kornihina@rambler.ru

Raisia A. Kudryavtseva,
Doctor of Philology, Professor, Department of Finno-Ugric and Comparative Philology, Mari State University (Mari El, Russia), kudsebs@rambler.ru

EDITORIAL BOARD

- Луутонен Йорма**,
доктор философии, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания Туркуского университета (Финляндия), luutonen@utu.fi
- Мишанин Юрий Александрович**,
доктор филологических наук, профессор, председатель Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа (Мордовия, РФ), mordvarf@mail.ru
- Мосина Наталья Михайловна**,
доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорской филологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (Мордовия, РФ), natamish@rambler.ru
- Муллонен Ирма Ивановна**,
доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Карелия, РФ), mullonen@krc.karelia.ru
- Нуриева Ирина Муртазовна**,
доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (Удмуртия, РФ), nurieva-59@mail.ru
- Попов Александр Александрович**,
доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Коми, РФ), doctor_popov@mail.ru
- Пустаи Янош**,
доктор филологии, профессор, директор NH «Collegium Fenno-Ugricum» (Венгрия), janos_pusztay@hotmail.com
- Ракин Анатолий Николаевич**,
доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Коми, РФ), anatolij.rakin@mail.ru
- Родняков Алексей Викторович**,
секретарь совета, заместитель руководителя Межрегионального научного центра финно-угроведения (Мордовия, РФ), aleviro@mail.ru
- Сейленталь Тыну**,
доктор филологии, заведующий финно-угорским отделением Тартуского университета, Председатель Программы родственных народов (Эстония), seilu@ut.ee
- Тултаев Петр Николаевич**,
председатель президиума Совета ООД «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» (Мордовия, РФ), afunrf@yandex.ru
- Тулуз Ева**,
доктор философии, профессор Центра исследований Европы и Евразии Национального института восточных языков и цивилизации (Франция), evatoulouze@gmail.com
- Шаланки Жужанна**,
доктор филологии, доцент кафедры финно-угроведения Университета им. Этвеша Лоранда (Венгрия), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Шкалина Галина Евгеньевна**,
доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культуры и искусств ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» (Марий Эл, РФ), gshkalina@mail.ru
- Jorma Luutonen**,
Ph. D., Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, University of Turku (Finland), luutonen@utu.fi
- Yuri A. Mishanin**,
Doctor of Philology, Professor, Chairperson of Interregional Public Organization of Mordovian (Moksha and Erzya) People (Mordovia, Russia), mordvarf@mail.ru
- Natalya M. Mosina**,
Doctor of Philology, Professor, Department of Finno-Ugric Philology, National Research Mordovia State University (Mordovia, Russia), natamish@rambler.ru
- Irma I. Mullonen**,
Doctor of Philology, Senior Research Fellow, Institute of Language, Literature and History, Karelia Research Center of Russian Academy of Science (Karelia, Russia), mullonen@krc.karelia.ru
- Irina M. Nurieva**,
Doctor of Arts, Lead Research Fellow, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of Russian Academy of Science (Udmurtia, Russia), nurieva-59@mail.ru
- Alexander A. Popov**,
Doctor of History, Professor, Senior Research Fellow, Sector of Domestic History, Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Komi, Russia), doctor_popov@mail.ru
- János Pusztay**,
Ph. D. {Philology}, Professor, Director of the Collegium Fenno-Ugricum (Hungary), janos_pusztay@hotmail.com
- Anatoly N. Rakin**,
Doctor of Philology, Senior Research Fellow, Language Sector, Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of Russian Academy of Science (Komi, Russia), anatolij.rakin@mail.ru
- Aleksei V. Rodniakov**,
Secretary of the Board, Deputy Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies (Mordovia, Russia), aleviro@mail.ru
- Tõnu Seilental**,
Ph. D. {Philology}, Head of the Finno-Ugric branch of the University of Tartu, Chairperson of the Kindred Peoples Programme (Estonia), seilu@ut.ee
- Pyotr N. Tultaev**,
Chairperson of the Presidium of the Council of Association of Finno-Ugric peoples of the Russian Federation (Mordovia, Russia), afunrf@yandex.ru
- Eve Toulouse**,
Doctor of Philosophy, Professor, Center for European and Eurasian Studies, National Institute of Oriental Languages and Civilizations (France), evatoulouze@gmail.com
- Zsuzsanna Salánki**,
Ph. D. {Philology}, Associate Professor, Department of Finno-Ugric Studies, Eötvös Loránd University (Hungary), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Galina E. Shkalina**,
Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Culture and Arts, Mari State University (Mari El, Russia), gshkalina@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Н. В. БЕЛЕНОВ (г. Самара, РФ). Географическая лексика шиланского говора эрзя-мордовского языка	358
В. П. ГРИШУНИНА, Н. И. ЕРШОВА (г. Саранск, РФ). Структурно-семантические особенности названий построек и их частей в говорах Республики Мордовия	368
Е. М. ДЕВЯТКИНА (г. Москва, РФ). Перевод «Евангелия от Луки» на эрзянский язык (1821): некоторые особенности именной морфологии	379
Н. В. КОНДРАТЬЕВА, Т. А. КРАСНОВА (г. Ижевск, РФ). Отражение языковой картины мира в удмуртской фразеологии (на материале тематической группы «Небесная сфера»)	389
Ф. М. ЛЕЛЬХОВА (г. Ханты-Мансийск, РФ). Лексико-семантические особенности наименований травянистых растений в диалектах хантыйского языка	400

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Е. Н. КАСАРКИНА, А. А. АНТИПОВА (г. Саранск, РФ). Влияние социокультуры на брачные установки современной молодежи Мордовии (на примере г. Саранска)	411
А. Н. ПАВЛОВА (г. Йошкар-Ола, РФ). Костюм в погребальной обрядности марийского народа ...	423
М. Н. КАЗАКОВА, И. Г. НАПАЛКОВА (г. Саранск, РФ). Формирование патриотического сознания и гражданско-патриотическое воспитание как основа укрепления общероссийской гражданской идентичности: опыт Республики Мордовия (2012–2020 гг.)	430

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

О. Г. БЕЛОМОЕВА, Ю. А. КОНДРАТЕНКО (г. Саранск, РФ). Этнокультурная традиция в современном мире: функциональный аспект	447
Г. Е. ШКАЛИНА (г. Йошкар-Ола, РФ). Марийский праздник Пеледыш Пайрем: перекресток духовных традиций	457

СОБЫТИЯ, ЛЮДИ, КНИГИ

В. Н. МАКСИМОВ (г. Йошкар-Ола, РФ). Галине Никитьевне Бояриновой – 60	468
В. К. АБРАМОВ (г. Саранск, РФ). Арво Валтону – 85	470
А. М. КОЧЕВАТКИН (г. Саранск, РФ). Памяти «народного министра» А. С. Лузгина	475
А. Г. ОШАЕВ, Р. И. ЧУЗАЕВ (г. Йошкар-Ола, РФ). Светлой памяти профессора К. Н. Санукова	477

PHILOLOGY

N. V. BELENOV (<i>Samara, Russia</i>). Geographical vocabulary of the Shilan dialect of the Erzya-Mordovian language	358
V. P. GRISHUNINA, N. I. ERSHOVA (<i>Saransk, Russia</i>). Structural-semantic features of buildings' names and their parts in the subdialects of the Republic of Mordovia	368
E. M. DEVIATKINA (<i>Moscow, Russia</i>). Translation of the “Gospel of Luke” (1821) into Erzya: some features of noun morphology	379
N. V. KONDRATIEVA, T. A. KRASNOVA (<i>Izhevsk, Russia</i>). Reflection of the linguistic picture of the world in Udmurt phraseology (on the material of the “Celestial sphere” theme group)	389
F. M. LELKHOVA (<i>Khanty-Mansiysk, Russia</i>). Lexical and semantic features of the names of herbaceous plants in dialects of the Khanty language	400

HISTORICAL STUDIES

E. N. KASARKINA, A. A. ANTIPOVA (<i>Saransk, Russia</i>). Influence of socio-cultural attitudes on marriage of modern youth in Mordovia (on the example of Saransk)	411
A. N. PAVLOVA (<i>Yohkar-Ola, Russia</i>). A costume in the funeral rituals of the Mari people	423
M. N. KAZAKOVA, I. G. NAPALKOVA (<i>Saransk, Russia</i>). Patriotic education as a basis for strengthening Russian national civic identity: experience of the Republic of Mordovia (2012–2020)	430

CULTURAL STUDIES

O. G. BELOMOEVA, Yu. A. KONDRATENKO (<i>Saransk, Russia</i>). Ethnocultural tradition in the modern world: functional aspect	447
G. E. SHKALINA (<i>Yohkar-Ola, Russia</i>). Mari holiday of Peledysh Payrem: crossroads of spiritual traditions	457

EVENTS, PEOPLE, BOOKS

V. N. MAKSIMOV (<i>Yohkar-Ola, Russia</i>). Galina N. Boyarinova is celebrating 60th anniversary	468
V. K. ABRAMOV (<i>Saransk, Russia</i>). Arvo Valton – 85	470
A. M. KOICHEVATKIN (<i>Saransk, Russia</i>). To the memory of “People's Minister” A. S. Luzgin	475
A. G. OSHAEV, R. I. CHUZAEV (<i>Yohkar-Ola, Russia</i>). To the blessed memory of Professor K. N. Sanukov	477

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ШИЛАНСКОГО ГОВОРА ЭРЗЯ-МОРДОВСКОГО ЯЗЫКА

Беленов Николай Валерьевич,

кандидат педагогических наук, доцент

кафедры информационно-коммуникационных технологий в образовании

ФГБОУ ВО «Самарский государственный

социально-педагогический университет»

(г. Самара, РФ), belenov82@gmail.com

Введение. В статье представлены результаты исследований географической лексики одного из эрзя-мордовских говоров Самарской области – шиланского, бытующего в среде эрзянского населения с. Шилан Красноярского района. Данный говор относится к редким для Самарского Поволжья мордовским говорам, сформировавшимся в регионе в середине XIX в., в связи с чем его исследование представляет дополнительный интерес.

Материалы и методы. Методы исследования обусловлены целью и задачами работы. Анализ географической лексики шиланского говора проводится с привлечением соответствующих материалов других мордовских говоров Самарской области, смежных территорий соседних регионов, а также иных территорий расселения мордвы. Данные по географической лексике указанного говора впервые вводятся в научный оборот. Основным источником материалов для статьи послужили полевые исследования автора в Шилане в 2017 и 2020 гг., а также в других эрзя-мордовских и мокша-мордовских селах Самарской области и прилегающих территориях в 2015–2020 гг.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследование показало, что географическая лексика шиланского говора эрзя-мордовского языка существенно отличается от соответствующих лексических кластеров других мордовских говоров региона, что можно объяснить как особенностью природно-географических условий окрестностей Шилана, так и исходным составом данного лексического кластера у эрзянских переселенцев, основавших село.

Заключение. Анализ географической лексики шиланского говора позволил выявить, с одной стороны, особенности данного кластера, отличающие его от соответствующих материалов других мордовских говоров региона, а с другой – общие изоглоссы между ним и рядом эрзя-мордовских говоров Самарского Поволжья.

Ключевые слова: географическая лексика; мордва; эрзя-мордовский язык; топонимика; Самарская область.

Для цитирования: Беленов Н. В. Географическая лексика шиланского говора эрзя-мордовского языка // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 4. С. 358–367.

Введение

Географическая лексика отдельно взятого говора того или иного языка является важнейшей составляющей его топонимной лексики, участвует в генезисе географических названий. Географическая лексика мордовских языков обладает значительным своеобразием в ряду подобных лексических кластеров других финно-угорских языков, кроме того, она существенно различается в отдельных говорах даже в рамках одного мокша-мордовского или эрзя-мордовского диалекта. Вместе с тем именно этот лексический кластер, отражающий характеристики того или иного мордовского говора, историю языковых контактов его носителей, особенности восприятия ими своего ландшафтного и хозяйственного окружения, во многом формирует топонимическую номенклатуру соответствующего этнокультурного пространства.

Географическая лексика мордовских языков и отдельных мордовских говоров неоднократно становилась объектом исследования как отечественных, так и зарубежных ученых. Первые списки мордовских слов, среди которых значительную часть составляли географические термины, известны со второй половины XVII столетия [13]. Активная и плодотворная работа в данном направлении в Республике Мордовия ведется с середины XX в., тесно переплетаясь с топонимическими исследованиями¹.

На территории Самарского Поволжья такие исследования специально не прово-

¹ См.: Инжеватов И. К. Топонимический словарь Мордовской АССР: Названия населенных пунктов. Саранск, 1987; Цыганкин Д. В. Память, запечатленная в слове: Словарь географических названий Республики Мордовия. Саранск, 2005.

дились. Между тем изучение мордовских говоров региона имеет солидную историографию. На рубеже XIX–XX вв. здесь работала экспедиция финского лингвиста Х. Паасонена, собиравшая лексический материал и образцы фольклора в ряде мордовских сел, которые согласно современному административному делению территориально относятся к Самарской области. В фундаментальном словаре Х. Паасонена имеются ссылки на материалы из Старого Вечканова (ныне в Исаклинском районе Самарской области), Алешкина (ныне в Похвистневском районе Самарской области), Мордовской Селитьбы (ныне в Сергиевском районе Самарской области), Грачевки (ныне в Красноярском районе Самарской области)². В работе имеется ряд неидентифицируемых материалов, территориальная привязка которых неясна, однако прямых указаний на посещение исследователем Шилана нет. В начале XX в. в мордовских селах, располагавшихся на территории современных Шенталинского, Клявлинского и Ставропольского районов Самарской области, работал М. Е. Евсевьев, описывая и систематизируя местные мордовские говоры³. Географической лексике самарской и оренбургской мордвы значительное внимание уделено в статье Д. В. Цыганкина «Ойконимия мордовского Заволжья» [11]. Особенности вокализма и консонантизма шиланского говора подробно рассмотрены в работах Е. М. Девяткиной [4; 5].

Шиланский говор эрзя-мордовского языка является редким для Самарского Поволжья образцом эрзянских говоров, сложившихся на территории региона в середине XIX в. Большая часть мордовского населения Самарской области пришла сюда либо ранее (до конца XVIII в.), либо позднее – в первой трети – середине XX в. По лексическому составу мордовские говоры региона можно разделить на две основные группы. Первая включает говоры тех мордовских сел, основание которых относится ко времени до начала XVIII в., –

они характеризуются значительной лексической архаикой, в том числе в кластере географической лексики. Вторая группа охватывает мордовские говоры сел, основанных в период с начала XVIII в. до настоящего времени, их географическая лексика ближе к таковой в литературно-письменных мордовских языках, хотя также имеет особенности. Шиланский говор принадлежит ко второй группе, что подтверждает данное деление по хронологическому признаку. Также надо отметить, что носители шиланского говора проживают в относительной изоляции от носителей других эрзя-мордовских говоров, в окружении русскоязычного и тюркоязычного населения.

В связи со всеми перечисленными обстоятельствами изучение географической лексики указанного говора представляет значительный научный интерес, что и обусловило цель настоящей статьи: введение в научный оборот и анализ элементов данного лексического кластера шиланского говора эрзя-мордовского языка.

Материалы и методы

Материалы исследования были получены в ходе сбора топонимической номенклатуры Шилана и его окрестностей, топонимических преданий и топонимной лексики, бытующей в шиланском говоре эрзя-мордовского языка, во время полевых сезонов 2017 и 2020 гг. На протяжении полевых сезонов 2015–2020 гг. аналогичные исследования были проведены нами в эрзянских и мокшанских селах Самарского Поволжья и прилегающих территорий, что дало материал для ареального и сравнительно-сопоставительного анализа географической лексики шиланского говора с соответствующими лексическими кластерами других мордовских говоров региона.

Методы исследования были обусловлены его целью и задачами.

Анализ географической лексики шиланского говора выполнялся на основе методов и принципов исследования,

² См.: Paasonen H. *Mordwinisches Wörterbuch*. Helsinki, 1990–1996. Bd. 1–4.

³ См.: Евсевьев М. Е. Отчет о командировке в Самарскую и Казанскую губернии для изучения говоров мордовского языка. Казань, 1914.

сформулированных в работах ведущих специалистов в данной области: И. К. Инжеватова⁴, Г. М. Керта [6], М. В. Мосина [7], О. Е. Полякова [9], А. Н. Ракина [10], Д. В. Цыганкина⁵.

Результаты исследования и их обсуждение

История

Село Шилан было основано в середине XIX в., поэтому его история в отличие от истории большинства мордовских населенных пунктов региона хорошо документирована. В 1852 г. выходцами из четырех сел Симбирской губернии – Сайнеле, Пылеево, Радаевка и Трокшкужо – была основана деревня, получившая название Шиланский Ключ, видимо из-за небольшой речки, на которой она возникла.

Из перечисленных сел однозначной идентификации сегодня подлежит только одно, Сайнеле (русское название – Сайнино). Основанное в начале XVII в. и упоминавшееся в «Книге бортовых ухажав Алатырского уезда» [3], а также в описании Д. Пушечникова и А. Костяева⁶, оно существует до настоящего времени (108 постоянных жителей). Остальные населенные пункты, упоминаемые в архивных документах, сегодня, по всей видимости, уже не существуют. Так, известно несколько урочищ с названиями Трокшкужо и Радаевка на территории современных Ульяновской области и Республики Мордовия. Села с названием Пылеево в настоящее время также нет, однако нельзя исключать неточность при разборе почерка писца: в архивных документах, возможно, упомянуто не Пылеево, а Помаево (Сурского района Ульяновской области), в котором на сегодняшний день постоянных жителей официально не числится.

Таким образом, для проведения дальнейших сравнительно-сопоставительных исследований шиланского говора эрзя-

мордовского языка надежным ориентиром может являться только эрзя-мордовское село Сайнеле (Сайнино) с говором его жителей.

Начальная история Шилана позволяет предположить, что жители Сайнеле и Трокшкужо если не преобладали численно в составе переселенцев, то во всяком случае являлись более организованными и сплоченными. На новом месте они поставили дома в том порядке с соседями, в котором проживали до переселения, – эти районы Шилана до настоящего времени носят названия Сайнеле и Трокшкужо.

Современное эрзя-мордовское население Шилана уже не помнит, выходцами из какого именно села были его предки. Сохранились списки фамилий жителей Шилана по районам расселения, зафиксированные в ходе переписи 1856 г., по которым можно судить, носители каких фамилий являются выходцами из Трокшкужо и Сайнеле, благодаря указанным выше особенностям расселения. Из Сайнеле происходят Лиходкины, Сыресины, Шестеркины, Синегубовы, Алешкины, Афонины, Шишковы, Куприяновы, Догадкины, Прокаевы, Горбуновы, Ерошкины, Гарькины, Зольниковы; из Трокшкужо – Корневы, Сусликовы, Кондратьевы, Сыркины, Янтюжины, Фомины, Глазуновы, Шакшины, Сафроновы, Логиновы, Конновы⁷.

Спустя 12 лет после основания села, в 1864 г., в Шилане была построена церковь во имя Михаила Архангела. Храм, сгоревший в 1937 г., располагался напротив здания современного ДК «Витязь», который вместе с прилегающим участком находится на территории старейшего шиланского кладбища.

В настоящее время мордва-эрзя составляет около половины жителей села, также здесь проживают русские, чуваша, армяне и представители других национальностей.

⁴ См.: Инжеватов И. К. Указ. соч.

⁵ См.: Цыганкин Д. С. Указ. соч.

⁶ См.: Мордовский фронт в зеркале приказной статистики (первая четверть XVII века) / под ред. В. А. Юрченко. Саранск, 2017. С. 162–163.

⁷ См.: Корнева О., Пьянзина Е. Очерки по истории села Шилан. Самара, 2001. С. 5.

Характеристика шиланского говора эрзя-мордовского языка

Шиланский говор эрзя-мордовского языка был подробно исследован Е. М. Девяткиной [4; 5]. По ее мнению, шиланский говор принадлежит к говорам позднего периода формирования и предварительно может быть отнесен к западному диалекту эрзянского языка. Территориально говоры западного диалекта бытуют в эрзянских селах, расположенных по р. Пырме, в нижнем течении Инсара и среднем течении Алатыря.

Для вокализма шиланского говора, по Е. М. Девяткиной, характерны следующие закономерности: меньше всего подвергаются изменениям гласные первого слога; в первом слоге гласный [а] не может употребляться между мягкими согласными; в первом слоге эрзянских слов редко встречается лабиализованный гласный [u] [4, 49]. Консонантизм шиланского говора ближе всего находится к консонантизму центрального диалекта эрзянского языка, распространенного в Атяшевском районе Республики Мордовия [5, 38].

Добавим, что жесткая эрзянская аффриката [ч] в шиланском говоре перешла в мягкую аффрикату, близкую русскому [ч']. Подобные фонетические переходы в эрзянских говорах Самарского Поволжья редки, наблюдаются лишь в говоре сильно обрусевшего эрзянского населения с. Большая Каменка Красноярского района Самарской области, а также в степношенталинском говоре эрзя-мордовского языка: люди старшего поколения произносят аффрикату [ч] жестче, чем среднего и молодого, у которых она практически идентична русскому [ч']⁸.

Географическая лексика шиланского говора

Сказанное выше относительно общей характеристики шиланского говора эрзя-мордовского языка в полной мере можно распространить на его географическую терминологию, в которой все указанные

особенности находят отражение. Рассмотрим последовательно элементы географического лексикона шиланского говора.

Веле

Термин служит для обозначения села, деревни. Иногда, как правило, в случаях, когда требуется уточнение, о каком именно географическом объекте идет речь, термин присоединяется к ойкониму – *Шилан веле*. При этом в ряде устойчивых словосочетаний, а также в разговорной речи в шиланском говоре термин *веле* часто заменяет адаптированное заимствование из русского языка – *села*. Например: *села тарка* ‘место бывшего села’, ‘урочище’, где *села* ‘село’ + *тарка* ‘место’.

Вирь

Данный термин в шиланском говоре эрзя-мордовского языка имеет значение ‘лес’. Термин встречается во всех без исключения мордовских говорах Самарского Поволжья, однако редко является топонетическим в них. В топонимии его заменяют заимствования из русского языка – *лес* и *колка*. В топонимической номенклатуре окрестностей Шилана используется лексема *лес*.

Грезь прудась

Данным термином обозначаются болота. Надо отметить, что настоящих болот в окрестностях Шилана нет, поэтому собственно мордовские географические лексемы с данным значением здесь отсутствуют, как и в большинстве мордовских говоров региона. Адаптированное заимствование из русского языка *грезь* употребляется в значении ‘болото’ также в новоеремкинском и ряде похвистневских эрзя-мордовских говоров Самарского Поволжья. Термин *прудась* заимствован из русского языка, а финаль *сь* в нем является общемордовским аффиксом определенности.

Калмо ланго

Устойчивое словосочетание служит для обозначения кладбищ. Для эрзянских говоров Самарского Поволжья нами отмечены два наиболее распространенных термина с этим значением: *калмо ланго* и *калмозырь* – оба варианта являются литературно-письменными в эрзянском языке. В шиланском говоре вообще очень ча-

⁸ Полевой материал автора: Самарская область, Кошкинский район, с. Степная Шентала, запись 2020 г. (далее – ПМА).

сто встречается элемент *ланго* в составе устойчивых словосочетаний, в том числе в географической лексике, например: *ки ланго* ‘дорога’, *сэдь ланго* ‘мост’.

Калужина

Данным термином обозначаются лужи, при этом сам термин *лужа* в говоре также присутствует. Термин *калужина* традиционно связывается с термином *калуга*, происхождение которого неясно. Есть некоторые основания видеть в данной лексеме, фиксируемой в русских говорах на обширной территории от Вологодской области до Восточной Сибири, заимствование из финно-угорских языков, в частности из вепского [12], что, впрочем, подвергается аргументированной критике [8]. С другой стороны, имеются примеры бытования подобных терминов в сходных значениях в других славянских языках, для которых заимствование из финно-угорских языков маловероятно⁹. Наконец, в части мордовских говоров бытует географический термин *каль*, ряд значений которого близок тем, что встречаются в русских говорах у термина *калуга*. В шиланском говоре, насколько можно судить по его лексическому составу, термин является заимствованием из русского языка, так как лексема *каль* здесь имеет только одно значение – ‘ива’.

Ки ланго

Термин используется для обозначения дорог. Данный термин является примером частотности элемента *ланго* в составе географических лексем рассматриваемого говора. В эрзя-мордовских говорах Самарского Поволжья для обозначения дорог нами повсеместно фиксируется вариант *ки*. Отметим, что устойчивое словосочетание, аналогичное шиланскому, встречается в указанном значении в ряде эрзянских говоров, распространенных на территории Республики Мордовия.

Колка

Это один из самых распространенных транснациональных географических терминов в Самарском Заволжье –

в различных фонетических вариациях он встречается у мордвы, чувашей и татар. Термин заимствован из русского языка, где *колок* – ‘участок леса в безлесной местности’. В шиланском говоре он бытует в значениях ‘роща’, ‘небольшой лес’, при этом топогенетичным в отличие от подавляющего большинства других эрзя-мордовских говоров региона не является. Интересно, что для обозначения роц и перелесков в шиланском говоре отсутствует термин *помра*. Между тем, согласно описанию Д. Пушечникова и А. Костяева, этот термин бытовал у мордвы Сайнина в первой четверти XVII в., о чем свидетельствуют топонимы *Утешева помра*, *Ки помра*¹⁰.

Куринка

Термин служит для обозначения улиц. Особенность в его бытовании здесь заключается в том, что он не является топогенетичным, как в большинстве мордовских говоров региона.

Куро

Данный термин имеет значения ‘ягодная поляна’, ‘грибная поляна’. Тождественное значение для данного термина отмечено Х. Паасоненом для баганского говора эрзя-мордовского языка¹¹. В ряде мордовских сел региона встречается термин *кунчка куро*, имеющий значение ‘центр села’, при этом сам термин *куро* в них дестимологизирован и как самостоятельная лексическая единица не используется (например, в клявлинском говоре эрзя-мордовского языка). В шиланском говоре центр села (и вообще центр) обозначается лексемой *кунчкс*, сформированной с помощью аффикса превратительного падежа *-кс*.

Латко

Термин может использоваться для обозначения оврагов, однако сами информанты отмечают некоторую неточность подобного перевода. По их мнению, в настоящее время термин *латко* точнее было бы перевести на русский язык как ‘яма’, ‘котловина’, ‘углубление на

⁹ См.: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. Москва, 1983. Вып. 9. С. 125–126.

¹⁰ См.: Мордовский фронт в зеркале приказной статистики. С. 163.

¹¹ См.: Paasonen H. Op. cit. Bd. 2. S. 97.

ровной местности'. Собственно же овраги здесь обозначаются русским термином *овраг*. Сравним в составе топонимов: *Сухой овраг*, *Каменный овраг*, *Березовый овраг* (теперь на его месте *Березовый пруд*), *Неяловский овраг*.

Лей

Один из наиболее топогенетичных терминов фиксируется в значении 'река', но в топонимии применяется и к незначительным ручьям. Также отмечается факт добавления термина *лей* в качестве топоформанта к русским гидронимам, например: *Хорошенька-лей* (русский вариант потапонима – *река Хорошенькая*). Данный факт выделяет шиланский говор из мордовских говоров Самарского Поволжья, поскольку в большинстве из них термин *лей* отсутствует в каком бы то ни было значении, в ряде эрзянских говоров – является синонимом более распространенных и топогенетичных терминов. Отметим, что термин *лей* отсутствует прежде всего в географических лексиконах мордовского населения сел, основанных до начала XVIII в., говоры которых характеризуются общей архаичностью лексического состава (за исключением клявлинского говора эрзя-мордовского языка, где термин *лей* фиксируется, топогенетичен, но выступает синонимом более распространенного в значении 'река' термина *пандалкс*). Также обращает на себя внимание тот факт, что в мордовских говорах немногочисленных для Самарского Поволжья сел, основанных, как и Шилан, в XIX в., термин *ляй/лей* присутствует и является топогенетичным. Это относится, например, к мокша-мордовскому говору с. Благодаровка Борского района Самарской области [2].

Лисьма

Термин служит для обозначения родников и колодцев. Известное устойчивое словосочетание эрзянской географической лексики *лисьма пря* в значении 'родник' в шиланском говоре не встречается. Термин *лисьма* является здесь одним из наиболее топогенетичных, что обусловлено характером окружающей местности, богатой родниками. Названия родников в окрестностях

села часто связаны с названиями близлежащих полей, причем названия родников, судя по семантике, первичны.

Озеро

Этим заимствованным из русского языка термином обозначаются озера. В шиланском говоре полностью отсутствует термин *эрьке*, что составляет редчайшую для мордовских говоров Самарского Поволжья ситуацию. Согласно данным наших полевых исследований, во многих мордовских говорах региона термин *эрьке* в значении 'озеро' в настоящее время также не используется – в основном ввиду вытеснения заимствованием из русского языка. При этом, однако, лексема *эрьке* в исследованных говорах сохраняется, изменяя семантику. Так, в шелехметском говоре мокша-мордовского языка *эрьке* – определенный тип озер [1], в эрзянских говорах похвистневской мордвы лексема *эрьке* (вариация – *эрькине*, также встречается в составе устойчивого словосочетания *чуди эрьке*) имеет значение 'ручей' или 'небольшая река', в большекаменском говоре эрзя-мордовского языка – 'река'¹². Объяснение данного обстоятельства лишь тем фактом, что в окрестностях Шилана нет значительных озер, не будет исчерпывающим, поскольку, например, в окрестностях эрзянских сел Похвистневского района значительных озер также не имеется, а термин *эрьке* в лексиконе местных говоров фиксируется. По-видимому, здесь сказывается также фактор наличия и топогенетичности в шиланском говоре географического термина *лей* в значении 'река', который в большинстве мордовских говоров региона отсутствует.

Пакся

Лексема бытует в значении 'поле'. Подобные лексемы с указанным значением зафиксированы нами во всех без исключения мордовских говорах Самарского Поволжья, с фонетическими вариациями *пакся/паксе*, причем во всех эрзя-мордовских – *пакся*. В шиланском говоре данный термин топогенетичен, хотя в топонимической

¹²ПМА: Самарская область, Красноярский район, с. Большая Каменка, запись 2020 г.

номенклатуре активно вытесняется русским заимствованием *поле*. Указанная ситуация позволяет предполагать, что топонимичность термина *пакся* в шиланском говоре в недавнем прошлом была выше. Также надо отметить, что в большинстве мордовских говоров Самарского Поволжья данный термин, при наличии в географическом лексиконе, топонимичным не является.

Пандо

Термин служит для обозначения холмов, небольших возвышенностей. Вероятно, он является родственным термину *панде*, бытующему в некоторых мокша-мордовских говорах Самарской Луки в значении ‘небольшое всхолмление’, ‘грядка’¹³. Возвышенности, которых в окрестностях Шилана немало, в том числе господствующая над окружающей местностью *Шиланская Шишка*, считающаяся местными жителями самой высокой точкой в Заволжье (что, впрочем, ошибочно и может рассматриваться как часть местного фольклора), называются здесь по-русски – *гора*. Ряд возвышенностей в окрестностях Шилана в настоящее время имеют два названия, бытующих параллельно, – русское и эрзянское, причем термин *гора* присутствует в обоих вариантах. Сравним русский и эрзянский варианты названия одной и той же возвышенности: *Поклонная гора* и *Казна гора*.

Пе

Данным термином обозначаются ‘конец села’, ‘улица’, ‘конец улицы’, ‘часть села’. Рассматриваемый термин употребляется в основном по отношению к тем частям села, для которых в прошлом была характерна архаичная гнездовая застройка, являвшаяся основным типом застройки в мордовских селениях до начала XX в. Для улиц, изначально формирововавшихся как улицы в классическом понимании, в шиланском говоре используется термин *куринка*, в настоящее время вытесненный из топонимической номенклатуры русским заимствованием. Есть основания полагать, что термин *пе* (с раз-

личными фонетическими вариациями и аффиксацией) ранее имел в мордовских языках более широкий спектр значений. На это, в частности, указывает ряд мордовских гидронимов с неясной этимологией, а также материалы географической лексики других финно-угорских языков.

Песа

Термин бытует в значении ‘окраина села’, ‘околица’. В данном значении распространен в подавляющем большинстве эрзянских говоров Самарского Поволжья. Термин является двусоставным: *пе* ‘конец’, ‘район села’ + *-са* – аффикс местного падежа в мордовских языках.

Прудась

Данным адаптированным заимствованием из русского языка обозначаются пруды. При этом в разговорной речи, как и в топонимической номенклатуре, чаще используется русский вариант термина – *пруд*, сравним: *Березовый пруд*, *Гусиный пруд*.

Села тарка

Устойчивое словосочетание служит для обозначения урочищ, мест, где когда-то располагалось поселение – село, хутор, деревня. Первая часть (с ударением на первый слог) является адаптированным в эрзя-мордовской этноязыковой среде заимствованием из русского языка, эрзя-мордовская лексема *тарка* имеет значение ‘место’: *села тарка* ‘место села’.

Чудикерьке

Данным термином обозначаются ручьи, что соответствует семантике литературно-письменного эрзя-мордовского термина. В большинстве эрзя-мордовских говоров Самарского Поволжья термин имеет именно такую форму и, как и в шиланском говоре, топонимичным не является. В окрестностях Шилана водотоки любых размеров обозначаются термином *лей*, что и отражается в топонимической номенклатуре.

Заключение

Обзор географической терминологии шиланского говора эрзя-мордовского языка позволил выявить в нем ряд общих изоглосс с эрзя-мордовскими и мокша-мордовскими говорами Самарского По-

¹³ ПМА: Самарская область, Волжский район, с. Торное, запись 2018 г.

волжья, прилегающих районов других регионов и Республики Мордовия. Вместе с тем значительное количество географических терминов, встречающихся в данном говоре, являются специфическими для мордовских говоров Самарского Поволжья – лексически, семантически и по форме бытования. Обращает на себя внимание существенное количество русизмов в рассматриваемом лексическом кластере шиланского говора; процесс замещения эрзянской географической лексики заимствованиями из русского языка в настоящее время продолжается – как в разговорной речи, так и в топонимической номенклатуре. Отметим также, что значительная доля географического лексикона говора находит лексические и семантические соответствия в литературно-письменном эрзя-мордовском языке.

В географической лексике шиланского говора нами не зафиксировано заимствований из тюркских языков, притом что значительная часть топонимической номенклатуры окрестностей Шилана восходит к тюркским языкам. Подобное наблюдение находит соответствия в других мордовских говорах Самарского Поволжья. Так, в клявлинском говоре эрзя-мордовского языка, несмотря на чересполосное проживание эрзян в Клявлинском районе с носителями татарского и чувашского языков, а также на фиксируемое в ряде случаев эрзянско-татарское или эрзянско-чувашское двуязычие, заимствованных из тюркских языков географических терминов нами также не выявлено¹⁴.

Географическая лексика шиланского говора, как позволило установить проведенное исследование, обладает специфи-

ческими для мордовских говоров Самарского Поволжья характеристиками:

– присутствие послелога *ланго* в составе устойчивых словосочетаний географической терминологии, таких как *ки ланго*, *сэдь ланго*, *калмо ланго* и т. д.;

– высокая топогенетичность лексемы *лей* в значении ‘река’. В топонимии она же фигурирует в составе названий ручьев, несмотря на присутствие в географическом лексиконе шиланского говора специального термина со значением ‘ручей’ – *чудикерькс*;

– отсутствие в составе географической лексики термина *эрьке*;

– использование термина *лисьма* в значении ‘колодец’ и ‘родник’. При этом устойчивое словосочетание *лисьма пря* в географическом лексиконе отсутствует;

– значительная русификация географической лексики, что проявляется прежде всего в замене русизмами основных мордовских маркеров географической лексики мордовских говоров региона – *пандо* и *латко*. Последние не вытеснены из лексикона совсем, но претерпели семантические изменения.

Своеобразие географической лексики шиланского говора можно объяснить как особенностями природно-географических условий окрестностей Шилана, так и исходным составом данного лексического кластера у эрзянских переселенцев, основавших село, – выходцев из разных населенных пунктов. Как показывают результаты наших полевых исследований, именно эти два фактора являются ведущими в эволюции географических лексиконов мордовских говоров Самарского Поволжья.

¹⁴ ПМА: Самарская область, Клявлинский район, запись 2019 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Беленов Н. В. Географические термины для обозначения озер в мокша-мордовских говорах Самарской Луки // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 2. С. 122–129. DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.02.122-129
2. Беленов Н. В. Топонимическое пространство мокша-мордовского села Благодаровка Борского района Самарской области // Этническая культура. 2020. № 1 (2). С. 14–20.

3. Гераклитов А. А. Алатырская мордва по переписям 1624–1721 г. Саранск: Мордгиз, 1936. 87 с.
4. Девяткина Е. М. Некоторые фонетические особенности шиланского говора эрзя-мордовского языка // Проблемы языка: сб. науч. ст. Москва, 2012. С. 40–52.
5. Девяткина Е.М. Особенности консонантизма шиланского говора эрзянского языка // Вестник Адыгейского государственного университета. 2018. Вып. 4 (227). С. 34–39.
6. Керт Г. М. Саамская топонимная лексика: моногр. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. 179 с.
7. Мосин М. В. Отражение общезинноугорской лексики в мордовских географических названиях // Ономастика Поволжья. Саранск, 1976. Вып. 4. С. 172–174.
8. Мызников С. А. Вепские этимологии в финно-угорском и славянском контекстах // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015. Т. 9, № 1. С. 9–13.
9. Поляков О. Е. Наши предки и их языки. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1991. 66 с.
10. Ракин А. Н. Проблемы изучения региональной ономастики (на материале гидронимической лексики Верхневьчегодского региона) // Интеграция образования. 2012. № 3. С. 122–127.
11. Цыганкин Д. В. Ойконимия мордовского Заволжья // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. № 3. С. 9–15.
12. Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915. 187 S.
13. Witsen N. Noord en oost Tartarie. Amsterdam, 1692. D. 2. 600 s.

Поступила 04.11.2020, опубликована 25.12.2020

GEOGRAPHICAL VOCABULARY OF THE SHILAN DIALECT OF THE ERZYA-MORDOVIAN LANGUAGE

Nikolai V. Belenov,

*Candidate Sc. {Pedagogy}, Associate Professor, ICTO Department,
Samara State University of Social Sciences and Education
(Samara, Russia), belenov82@gmail.com*

Introduction. The article presents the results of research of the geographical vocabulary of the Shilan dialect, one of the Erzya-Mordovian dialects of the Samara region, common among Erzya population of Shilan village in Krasnoyarsk region. The dialect belongs to rare Mordovian dialects of the Samara Volga region that were formed in the region since the middle of the XIX century, and therefore its research is of extra interest.

Materials and Methods. The research methods are determined by the purpose and objectives of the study. The analysis of the geographical vocabulary of the Shilan dialect is carried out with the involvement of relevant items made in other Mordovian dialects of Samara region, adjacent territories of neighboring regions, as well as other territories of settlement of the Mordovians. Data on geographical vocabulary of the dialect introduced into research for the first time. The main source materials for the article is based on field studies in Silane village during the field seasons in 2017 and 2020, as well as in other Erzya-Mordovian and Moksha-Mordovian villages of Samara region and adjacent territories in 2015 – 2020.

Results and Discussion. The study showed that the geographical vocabulary of the Shilan dialect of the Erzya-Mordovian language is significantly different from the corresponding lexical clusters in other dialects of the Mordovian region, which can be explained by natural geographical conditions surrounding Shilan village and the original composition of this lexical cluster of Erzya immigrants who founded this village.

Conclusion. The analysis of the geographical vocabulary of the Shilan dialect allowed, on the one hand, to identify specific features of this cluster that distinguish it from the corresponding materials of other Mordovian dialects of the region, and, on the other hand, to identify common isoglosses between it and a number of the Erzya-Mordovian dialects of the Samara Volga region.

Key words: geographical vocabulary; Mordovia; Erzya-Mordovian language; toponymy; Samara region.

For citation: Belenov NV. Geographical lexicon of the Shilan dialect of the Erzya-Mordovian language. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020; 12; 4: 358–367. (In Russian)

REFERENCES

1. Belenov NV. Geographical terms used in reference to the lakes in Moksha-Mordovian dialects of the Samara Bend. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020; 12; 2: 122–129. DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.02.122-129 (In Russian)
2. Belenov NV. Toponymic space of the Moksha-Mordovian village of Blagodarovka in the Bor district of the Samara region. *Etnicheskaja kul'tura* = Ethnic culture. 2020; 1 (2): 14–20 (In Russian)
3. Geraklitov AA. Mordvinians of Alatyry in the census of 1624–1721. Saransk; 1936. (In Russian)
4. Devjatkina EM. Some phonetic features of the shilansky dialect of the Erzya-Mordovian language. *Problemy iazyka: sb. nauch. st.* = Problems of language. Collection of scientific articles. Moskva; 2012: 40–52. (In Russian)
5. Devjatkina EM. Features of consonantism of the shilan dialect of the Erzya language. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Adygeya state University. 2018; 4 (227): 34–39. (In Russian)
6. Kert GM. Toponymy lexicon of Saami language. Petrozavodsk; 2009. (In Russian)
7. Mosin MV. Reflection of Finno-Ugric lexicon in the Mordovian geographical names. *Onomastika Povolzh'ia* = Onomastics of the Volga Region. Saransk; 1976; 4: 172–174. (In Russian)
8. Myznikov SA. Vepsian etymologies in Finno-Ugric and Slavic contexts. *Ezhegodnik finno-ugorskikh* = Yearbook of Finno-Ugric studies. 2015; 9; 1: 9–13. (In Russian)
9. Poljakov OE. Our ancestors and their languages. Saransk; 1991. (In Russian)
10. Rakin AN. Problems of study of regional onomastics (based on the schedule vocabulary of Verkhnevjatskaya region). *Integratsiia obrazovaniia* = Integration of education. 2012; 3: 122–127. (In Russian)
11. Cygankin DV. Oikonymy of the Mordovian Transvolga region. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* = Yearbook of Finno-Ugric studies. 2010; 3: 9–15. (In Russian)
12. Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors; 1915. (In German)
13. Witsen N. North and East Tartarie. Amsterdam; 1692; 2. (In Dutch)

Submitted 04.11.2020, published 25.12.2020

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАЗВАНИЙ ПОСТРОЕК И ИХ ЧАСТЕЙ В ГОВОРАХ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Гришунина Валентина Петровна,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры мордовских языков
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ), grishunina.64@mail.ru*

Ершова Наталья Игоревна,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ), tascha80@mail.ru*

Введение. В статье приводятся названия жилых построек и их частей, функционирующие в говорах разных районов Республики Мордовия. Предмет анализа составляют их родо-видовые отношения, особенности функционирования. Цель исследования – представить структурно-семантическую характеристику диалектных названий построек и их частей в говорах Мордовии.

Материалы и методы. Для достижения поставленной цели используются различные методы исследования, основным из которых является описательный. Кроме того, применяются элементы метода лингвистического эксперимента, дистрибутивного и компонентного анализа. Языковым материалом послужили диалектные лексемы со значением построек и их частей, извлеченные путем сплошной выборки из Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия.

Результаты исследования и их обсуждение. В результате аналитического рассмотрения диалектного материала установлено, что лексико-семантическая группа «Названия построек и их частей» включает имена существительные и имеет иерархическое строение, организованное семантическими отношениями гиперонимов, которые организуют ее структуру. Постройки наряду с другими предметами материальной культуры (одежда, пища, орудия труда) составляют важный источник информации о повседневной жизни и деятельности человека, относясь к значимым и древним компонентам материальной культуры любого этноса. Соответствующие диалектные наименования, функционирующие в говорах Республики Мордовия, характеризуются исключительным богатством и многочисленностью и отличаются от лексем литературного языка большей детализацией, связанной с материалом для изготовления, размером, предназначением построек. Данное явление отмечается и на территориях проживания мордвы (мокши и эрзи), соседствующей с русскими диалектоносителями.

Заключение. Исследование имеет практическое значение, его результаты могут быть использованы при написании учебно-методических пособий по русской диалектологии, в вузовской практике преподавания курса «Русская диалектология», «Диалектология мокшанского языка», «Диалектология эрзянского языка» и соответствующих спецкурсов для студентов гуманитарных направлений подготовки.

Ключевые слова: имя существительное; родо-видовые отношения; гипероним; гиперсема; значение; говоры; русская диалектология; мокшанская диалектология; эрзянская диалектология; постройка.

Для цитирования: Гришунина В. П., Ершова Н. И. Структурно-семантические особенности названий построек и их частей в говорах Республики Мордовия // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 4. С. 368–378.

Введение

С обострением в последнее время проблемы исчезновения ряда не только русских, но и мокшанских, эрзянских говоров изучение словарного состава диалектов как системы, элементы которой связаны между собой разного рода отношениями, представляется весьма актуальным. Преимущества подобного изучения лексики стали очевидными для многих исследова-

телей. От внимания диалектологов, пока они ограничивались фиксацией изолированных словарных отличий, ускользали многие существенные черты лексико-семантического своеобразия изучаемых говоров. Проблема тождества и отдельности слова, его семантической структуры, синонимических, антонимических связей, т. е. проблема системной организа-

ции лексики, имеет важное значение для решения общих вопросов лексикологии, характерных как для литературного, так и для диалектного языка. Территория распространения ряда слов несравнимо шире распространения русских и мордовских диалектов, имеющих особое слово для названия той или иной реалии. Авторы статьи считают, что это обстоятельство важно иметь в виду, так как «наличие определенного слова в одном говоре и отсутствие соответствующего слова в другом говоре объясняются этническими или природными особенностями той или иной территории» [6, 93].

Особенности слов в диалектах могут быть полнее проанализированы, если будут учитываться парадигматические связи между отдельными единицами лексических групп; связи, определяющие собственное значение каждой единицы. В. Д. Черняк отмечает, что «углубленное изучение характера системных отношений привело к выявлению нескольких «постоянно действующих сил», которые в своем столкновении и взаимодействии определяют не только судьбу отдельных слов, но и целое их группы» [18, 24]. В более конкретном преломлении системные отношения в словарном составе местных говоров обнаруживаются в объединении слов по тематическим, лексико-семантическим группам и семантическим полям, в явлениях синонимии, антонимии, омонимии и полисемии, в родо-видовых отношениях и связях, намечаемых в кругу диалектной лексики, в стилистической дифференциации и т. д.

Несмотря на значительный интерес к изучению лексики в семантическом плане, ряд вопросов нуждается в дальнейшем исследовании, например сравнительное структурно-семантическое описание имен существительных, обозначающих постройки и их части и функционирующих в русских и мордовских говорах. В Мордовии, где соседствуют языки разных групп, в состав русской лексики жилища кроме собственно русских или славянских могут входить и заимствованные из мордовских языков термины. Интересно было бы проследить, как русские терми-

ны приспособлялись к новым условиям функционирования в окружении мордовских диалектов, хотя по причине позднего проникновения на мордовские земли русского населения из различных русских регионов такое соседство не было длительным. Что же касается комплексного структурно-семантического анализа названий построек и их частей в говорах Мордовии, то он вообще не был предметом специального рассмотрения. При этом соответствующие диалектные наименования в говорах Республики Мордовия характеризуются исключительным богатством и многочисленностью. Сказанным определяется актуальность принятого нами исследования.

Объектом исследования являются диалектные названия построек и их частей в русских говорах Мордовии, предмет анализа составляют их родо-видовые отношения, особенности функционирования. Цель исследования – представить структурно-семантическую характеристику диалектных названий построек и их частей в говорах Мордовии.

Обзор литературы

Русская диалектология в настоящее время располагает большим количеством работ, посвященных исследованию диалектной лексики по тематическим группам и лексико-семантическим объединениям. Начало такому изучению диалектного словаря было положено Ф. П. Филиным (см., например, [16]). С тех пор многие лексико-семантические группы диалектов становились объектом научного анализа в работах П. Н. Денисова [7], Е. А. Нефедовой [13], В. Д. Черняка [18], что позволяет рассмотреть русский диалектный словарь в самых различных аспектах.

Исследование наименований жилых и хозяйственных построек в литературном и диалектном языке также имеет длительную историю и проводится, как правило в лингвокультурологическом, этнографическом и номинативном аспектах, А. К. Байбуриным [2], Е. А. Батурчевой [4], В. Е. Гольдиным [5], Л. Г. Невской [12], Н. Г. Шубиной [20] и др.

В аспекте рассматриваемой нами проблемы особо значимыми являются труды лингвистов, занимающихся структурно-семантическим описанием диалектной лексики, но они единичны и выполнены на материале отдельных говоров (см., например, [1]).

Теоретической базой исследования послужили: 1) учебники и учебные пособия по современному русскому языку и диалектологии Е. Н. Иваницкой¹, А. С. Малахова², В. И. Трубинского³, М. А. Харламовой⁴, под редакцией Е. И. Дибровой⁵ и др.; 2) работы отечественных диалектологов Л. И. Баранниковой [3], Г. П. Клепиковой [8], Л. А. Климковой [9], Т. С. Коготковой [10], Ф. П. Сороколетова [15], а также отечественных и зарубежных лингвистов-финно-угроведов М. В. Мосина [11], О. Е. Полякова [14], Д. В. Цыганкина [17], Х. Паасонена⁶ и др. Именно говоры включают в себя богатейшие запасы лексического материала, в связи с чем широкое и углубленное изучение диалектных лексических особенностей говоров в настоящее время приобретает особое значение. По мнению Д. В. Цыганкина, «именно на этой отставшей области теперь и нужно сосредоточить исследовательские силы» [17, 80].

Материалы и методы

В решении поставленных задач используются разные методы исследования, основным из которых является описательный. Кроме того, применяются элементы метода лингвистического эксперимента, дистрибутивного и компонентного анализа.

Языковой материал составили имена существительные со значением построек и их частей, извлеченные путем сплошной выборки из Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия. Карточка включает около 150 языковых единиц.

Родо-видовые отношения включаются в состав парадигматических и структурируют практически всю лексическую систему языка. «Гиперо-гипонимическая (родо-видовая) парадигма характеризуется наличием слова – родового понятия и слов – видовых понятий»⁷.

В рамках данной статьи родо-видовые отношения мы приравняем к отношениям включения, или импликации, которые, отражают, с одной стороны различные по степени обобщенности названия реалий и их классов в языке (*нож – стилет*), а с другой – названия объектов и их частей, т. е. целого и части (*рука – пальцы*). Исследования подобной направленности актуальны, поскольку, как справедливо отмечает А. И. Шеин, «описывая гипонимию, мы фактически задаем определенную таксономию, иными словами, классифицируем соответствующие объекты. Гипонимическая иерархия лексем по существу представляет собой категоризацию фрагмента мира. Таким образом, гипонимия в языке отражает иерархическую структуру объектов, характерную для конкретной картины мира» [19, 17].

Родо-видовые отношения являются одним из многочисленных вариантов семантических отношений между лексемами, на основе которых происходит структурализация различных семантических группировок, в частности лексико-семантических групп. Лексико-семантическую группу мы рассматриваем как систему, т. е. целое, представляющее собой единство закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи частей, совокупность составляющих ее элементов или единиц и связей между

¹ См.: Иваницкая Е. Н. Русская диалектология: учеб. Москва, 2013.

² См.: Малахов А. С. Русская диалектология: теория и практика: учеб. пособие. Владимир, 2012.

³ См.: Трубинский В. И. Русская диалектология: говорит бабушка Марфа, а мы комментируем: учеб. пособие. Москва; Санкт-Петербург, 2004.

⁴ См.: Харламова М. А. Русская диалектология: учеб.-метод. пособие. Омск, 2017.

⁵ См.: Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: учеб.: в 2 ч. / под ред. Е. И. Дибровой. Москва, 2002. Ч. 1.

⁶ См.: Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki, 1990–1998. Bd. 1–5.

⁷ Современный русский язык. С. 251.

ними. Родо-видовые отношения внутри группы – способ упорядочивания лексических единиц в систему.

Объектом изучения в настоящей статье выступает лексико-семантическая группа названий построек и их частей в русских говорах Мордовии. Гиперонимом, или «инвариантом», данной лексико-семантической группы является семантический комплекс «жилая или хозяйственная постройка». Учитывая положение этого комплекса в значении слов – компонентов группы, определим их место внутри анализируемой структуры и опишем таким образом семантическую организацию последней.

Отметим, что гипероним обобщает несколько различных гиперсем (родовых сем, но видовых по отношению к самому гиперониму), обозначая класс предметов, признаков, процессов, отношений. Базовый семантический компонент лексико-семантической группы представляет собой обобщающую гиперсему-1, включающую несколько однородных, более конкретных по значению гиперсем-2. В этом случае лексико-семантическая группа имеет иерархическое строение.

Гиперонимом-1 будем считать имена существительные, имеющие значение «дом со всеми хозяйственными постройками». Таких слов в говорах Мордовии представлено четыре.

Дворьё ‘изба и все надворные постройки’: *Дварьја*-ть у нас мнозь (Кучкаево, Большеигнатовский район) (СРГРМ⁸, с. 172);

Поместье ‘2. Дом со всеми хозяйственными постройками’: *Паместья*-ть у тибя, кум, хорошья (Хлебино, Теньгушевский район) (СРГРМ, с. 903);

Построй ‘1. Дом со всеми строениями около него’: *Пастрой* у ние стали плахи, нужнь дельть што-ть (Новоникольское, Ельниковский район); У няво згарел *пастрой* (Яковщина, Рузаевский район) (СРГРМ, с. 931–932);

Потомство ‘2. Дом со всеми хозяйственными постройками’: Она фсе по-

томствъ брату утказаль (Рождовка, Ичалковский район) (СРГРМ, с. 936).

Гиперонимами-2 в данной лексико-семантической группе являются понятия «жилые постройки и их части» и «хозяйственные постройки и их части». Таким образом, рассматриваемая лексико-семантическая организация слов состоит из двух крупных сегментов, на первом из которых остановимся более подробно.

В сегменте «Жилые постройки и их части» можно выделить группы слов как с более общим значением (целое), так и с более частным значением (разновидности или части целого).

К первой группе относятся единицы со значением «изба» (деревянный крестьянский дом (СОШ, с. 237)) или «сруб» (2. Четырехугольное сооружение из венцов (СОШ, с. 760)) (гиперонимы-2).

Вьюшка ‘сруб дома’: В Пятрофьки у зятя *вьюшкь* высокь была, дь продъл, чюмной (Елизаветинка, Большеберезниковский район) (СРГРМ, с. 124);

Домовье ‘изба, жильё’: Мая *дымавья* ни лучи твайво (Тазино, Большеберезниковский район) (СРГРМ, с. 193);

Дым ‘изба, жильё’: Драва-ть возют на *дым*, а ни каждому чилавеку (Тазино, Большеберезниковский район) (СРГРМ, с. 214);

Перт ‘изба’: Фсю жызнь жывем ф *пирту* (Покасы, Zubovo-Полянский район) (СРГРМ, с. 862);

Струб ‘сооружение из четырехугольных венцов бревен, сруб’: *Струн* у них хорошый, пачти весь дубовый (Усыскино, Инсарский район) (СРГРМ, с. 1256).

Как видим, названия деревянных построек, функционирующие в русских говорах Мордовии, исключительно богаты, многообразны и в большинстве своем являются исконно русскими. Однако следует подчеркнуть, что русские диалектоносители, проживающие в соседстве, а также совместно с мокшей и эрзей, из их языков заимствовали названия национальной одежды, обрядов, напитков, еды, предметов быта, утвари, посуды, слова из области промыслов, которые отражают особенности быта и культуры мордовского народа. Так, в русских говорах Мордовии

⁸ Здесь и далее ссылки на словари приводятся в круглых скобках в соответствии со списком условных сокращений.

функционируют диалектизмы *калда* и *калдус* 'загон для скота', заимствованные из мокшанского языка, где слово *калдас* употребляется в значении «хлев». Например: На *калде* каровы щас (Большие Поляны, Ардатовский район); На *калдъс* скатину выгани (Кайбичево, Краснослободский район) (СРГРМ, с. 350). В Этимологическом словаре русского языка М. Фасмера также указывается, что формы на *-ас*, *-ус* получены через посредство мордовского эрзянского *kardas* 'двор' наряду с мордовским мокшанским *karda* 'хлев'⁹.

Некоторые названия жилых построек, представленные в русских говорах Мордовии, не заимствованы непосредственно из мордовских (мокшанского и эрзянского) языков, но имеют родственные связи со словами из финно-угорских языков. Так, указанное выше диалектное слово *перт* 'изба' родственно финскому *pirtti* 'баня, курная изба' и марийскому *pört* 'дом'¹⁰.

Следовательно, финно-угорские, в частности мордовские, языки сыграли определенную роль в формировании лексики русских говоров, в частности Поволжья. Картотека Словаря русских говоров на территории Мордовии включает более 100 слов мордовского происхождения, к которым относятся, например, *кавал* 'коршун' – м., э. *кавал*; *пор* 'мел' – э. *пор* и др. К сожалению, мордовское влияние в русских говорах до сих пор практически не изучено, что относится и к группе наименований построек, представленной в говорах Республики Мордовия.

В родо-видовые отношения со словами в значении «изба» / «сруб» вступают, в частности, диалектизмы, имеющие в своей семантике различные конкретизаторы.

Кильдим '1. Ветхая, почти развалившаяся изба': Ф том *кильдими* я жыла с доцкый (Атемар, Лямбирский район) (СРГРМ, с. 362);

Кильдинка 'небольшая изба': Убралась ф *кильдинки* дъ на пецку палезль (Новый Ковьялай, Ельниковский район) (СРГРМ, с. 362);

Придел '2. Сруб в три стены': Жывем в *придели* (Ведянцы, Ичалковский район) (СРГРМ, с. 956);

Пятерица 'пятистенный дом': *Питирицу-ть* он у цэркви выстрыйл (Трофимовщина, Ромодановский район) (СРГРМ, с. 1026);

Пятистенник 'деревянный дом, разделенный на две части деревянной стеной': Спирва мы жыли ф киньёни, а таперь ф *пятистенники* (Пушкино, Ромодановский район) (СРГРМ, с. 1027);

Флигерь '1. Изба в одну комнату': Малиньку избу *флигири*м завут (Куракино, Ардатовский район); '2. Пятистенный дом': *Фригири* ана сибепаставиль (Подверниха, Старошайговский район) (СРГРМ, с. 1411);

Хоромины 'большой дом': Он багатый чилавек, ф *харомини* какой живет! (Атемар, Лямбирский район) (СРГРМ, с. 1435);

Шалашик 'ветхая изба, покрытая соломой': Жыли фсе ф *шалашыкъх*, дамоф бальшых не былъ (Атемар, Лямбирский район) (СРГРМ, с. 1495);

Шурушник 'маленькая ветхая изба, покрытая соломенной крышей': Я ранышы ф *шурушники* жыла (Монастырская, Лямбирский район) (СРГРМ, с. 1539).

Рассмотренные здесь слова обладают более узким значением по сравнению с теми, значения которых тождественны гиперониму-2. В качестве конкретизаторов выступают семы, указывающие на размер дома, избы («большой» или «маленький»), ветхость, качество или состав покрытия («соломенная крыша»), а также способ постройки («в три стены», «пятистенный»). Значения данных слов, содержащих те или иные конкретизаторы, можно считать гиперонимами-3.

Другую группу слов, обозначающих части целого (в данном случае – жилого дома) и состоящих со словами, значения которых тождественны гиперониму-2, в родо-видовых (гиперо-гипонимических) отношениях, можно разделить на несколько рядов (гиперонимов-3).

⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд., стер. Москва, 2007. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 01.09.2020).

¹⁰ Там же.

1. «Карниз» (1. Продольный выступ над окном, дверью вдоль верхней части стены (СОШ, с. 267)).

Обтяжка ‘карниз дома’: У мѣиво шабра харошъя *аптяшкь* у домъ (Новое Баево, Большеигнатовский район) (СРГРМ, с. 696);

Подшив ‘карниз’: У домъ новый *патшыф* (Ефаево, Краснослободский район) (СРГРМ, с. 869).

2. «Комната» (1. Отдельное помещение для жилья в квартире, доме, гостинице (СОШ, с. 287–288)).

Передняя ‘чистая половина крестьянской избы’: Кавер купили, ф *пиредний* павесим (Болтино, Ромодановский район) (СРГРМ, с. 796);

Придел ‘1. Кухня’: Изба у них с *придельм* (Башкирцы, Теньгушевский район) (СРГРМ, с. 956).

3. «Крыльцо» (наружный настил перед входной дверью дома, обычно под навесом, со ступенькой или лесенкой (СОШ, с. 311)).

Бурундук ‘крыльцо под навесом’: Раншшы на силе *бурундуки*-та высоки дъ ризный дельги (Дмитриев Усад, Атюрьевский район) (СРГРМ, с. 54–55);

Мостки ‘крыльцо’: *Маски*-тъ згнили, новы надъ (Хилково, Торбеевский район) (СРГРМ, с. 545);

Порог ‘3. Крыльцо’: Стань нъ *парок*, с няво видней (Русские Поляны, Краснослободский район) (СРГРМ, с. 917);

Порожек ‘крыльцо’: *Порожък*-тъ мой софсем развалили (Грибоедово, Кочкуровский район) (СРГРМ, с. 917);

Сенка ‘крыльцо’: Ну *сенкъ* – этъ значит крыльцо (Апраксино, Чамзинский район) (СРГРМ, с. 1135).

В данную группу также можно включить слова, вступающие с рассмотренными в родо-видовые отношения и обозначающие «часть крыльца»; их значение, следовательно, тождественно гиперониму-4.

Переступок ‘ступенька, порожек’: Рабяты, садитись нъ *приступък* (Русские Поляны, Краснослободский район) (СРГРМ, с. 804);

Балясы ‘перила’: Ну-ка дяржысь зъ *балясы* (Подлесная Ивановка, Торбеевский район) (СРГРМ, с. 17);

Ручень ‘перила’: *Ручинь* я пакарасиль (Каменный Брод, Ельниковский район) (СРГРМ, с. 1099).

В этой же группе находится слово *балясинка* ‘одна из двух перекладин, образующих перила крыльца’: Я пайду, а ты сятъ нъ *балясинку* и сматри, куда я иду (Апраксино, Чамзинский район) (СРГРМ, с. 16–17). Значение данного слова тождественно гиперониму-5.

4. «Крыша» (верхняя, покрывающая часть строения (СОШ, с. 311)).

Поветь ‘1. Соломенная крыша, кровля’: Нъ *павети* грибы-тъ сушилы (Болотниково, Лямбирский район); ‘2. Плоская крыша над скотным двором, навес’: Гани карову пѣтъ *паветь* (Киржеманы, Большеигнатовский район) (СРГРМ, с. 833–834).

5. «Подоконник» (доска или плита, вделанная в нижнюю часть оконного проема (СОШ, с. 540)).

Плотно ‘подоконник’: Нады *платны* вымытъ (Кользивианово, Краснослободский район) (СРГРМ, с. 824).

6. «Печь» (1. Сооружение (из камня, кирпича, металла) для отопления помещения, приготовления горячей пищи (СОШ, с. 516)).

Грубка ‘кирпичная печь для отопления, иногда с лежанкой’: Зѣтапить бы *групку* што ли (Говорово, Старошайговский район) (СРГРМ, с. 161);

Очаг ‘комнатная печь с плитой’: *Ачяк* у нас удобный, нибальшой и греит (Саловка, Лямбирский район) (СРГРМ, с. 771);

Перша ‘недавно положенная русская печь, освобожденная от горячих углей, золы’: На *першу* лесъ (Стрелецкая Слобода, Рузаевский район) (СРГРМ, с. 806);

Подтопка ‘комнатная печь, голландка’: Многъ дроф надъ: и печку зимой топим, и *паттопки* (Софьино, Ельниковский район) (СРГРМ, с. 866).

В данной группе находится и слово *ствола* ‘печная труба’: Из *ствалы* дым валил (Московка, Торбеевский район) (СРГРМ, с. 1237); его значение тождественно гиперониму-5, поскольку диалектизм называет лишь часть того, что обозначают вышерассмотренные имена существительные.

7. «Прихожая» (то же, что передняя (СОШ, с. 602)).

Придел '3. Прихожая': Пришли плотники, пьмагли нам *придел* достроить (Киржеманы, Большеигнатовский район) (СРГРМ, с. 956);

Собачник '2. Маленький коридор, который пристраивается к террасе дома, прихожая': Штобы сипугъ тирасу ни мяла, мы *сабашиник* пристроили (Ефаево, Краснослободский район) (СРГРМ, с. 1194).

8. «Сени» (в деревенских избах и в старину в городских домах: помещение между жилой частью дома и крыльцом (СОШ, с. 711)).

Всходы 'сени': Сени у нас *фсходьми* нъзывают (Московка, Торбеевский район) (СРГРМ, с. 106);

Мост '3. Сени': Избу-ть срубили, а *моста* пака нету (Ефаево, Краснослободский район) (СРГРМ, с. 545);

Предызбица 'сени': Питро, куды в грязных съпагах идеш! Пади ф *придызбицы* сними (Мельцаны, Старошайговский район) (СРГРМ, с. 949–950);

Сенки 'коридор, сени': Вы не стойти ф *сенкьх*, пръхадити ф дом (Красные Поляны, Ардатовский район) (СРГРМ, с. 1135).

9. «Терраса» (1. Летняя открытая (без стен) пристройка к дому, зданию) [1, 796]; «веранда» (то же, что терраса (СОШ, с. 74)).

Галёрка 'веранда': Иди спать нъ *галёрку* (Елизаветинка, Большеберезниковский район) (СРГРМ, с. 130);

Приделок 'пристроенное помещение, терраса': *Придельк* типерь у избы есть (Манадыши, Атяшевский район) (СРГРМ, с. 956);

Приделушка 'пристроенное помещение, терраса': В зиму мьлатили рош цапами ф *приделушки* к нарыги (Куликово, Теньгушевский район) (СРГРМ, с. 956);

Пристен '1. Пристройка к дому, терраса': Летъм в жару спали ф *пристени* (Чеберчино, Дубенский район) (СРГРМ, с. 971).

10. «Фундамент» (1. Основание, служащее опорой для стен здания, для машин, сооружений (СОШ, с. 858)).

Подборник 'фундамент здания': Двaтри бривна у зимли – вот этъ и есть *под-*

борник (Суподеевка, Ардатовский район) (СРГРМ, с. 843);

Заборник 'фундамент дома': На каминнъм *заборники* дом-тъ луччи ставить (Кочкари, Ичалковский район) (СРГРМ, с. 244).

11. «Чердак» (помещение между потолком и крышей дома (СОШ, с. 880)).

Балкон 'чердак': Лет двацъть назат я сама на *балкон* лазиль (Вырыпаево, Ромодановский район) (СРГРМ, с. 16);

Вышка '1. Чердак': Приниси с *вышки* валинки (Смольково, Лямбирский район) (СРГРМ, с. 123);

Горище 'чердак': Соль нъ *гарищи* слажьли (Ирсеть, Старошайговский район) (СРГРМ, с. 152);

Истовка 'чердак': Карову можнъ диржать, вить пално травы нъ *истьфки* (Желтоногово, Краснослободский район) (СРГРМ, с. 329);

Истронка 'чердак': Лазиль нъ *истронку*, дастать муку (Медаево, Чамзинский район) (СРГРМ, с. 330);

Петовка 'чердак': Зачем палес на *питофку*? Матри с *пятофки*-тъ ни упади (Русские Найманы, Большеберезниковский район) (СРГРМ, с. 809);

Потолок 'чердак': На *пъталке* весь хлам лижыт (Марьяновка, Большеберезниковский район) (СРГРМ, с. 936);

Свес 'чердак': *Свес* у нас пустой, там ничяво крамя сломътъвъ вилсипедъ нет (Гарт, Большеберезниковский район) (СРГРМ, с. 1120);

Сушник 'чердак': Ф *сушнике* висит билье (Спасовка, Ичалковский район) (СРГРМ, с. 1281).

12. «Чулан» (помещение в доме, служащее кладовой; клетъ или часть сеней в крестьянской избе (СОШ, с. 889)).

Биндежка 'чулан': Сходи в *биндешку*, принеси мьлаток (Спасовка, Ичалковский район) (СРГРМ, с. 31);

Подклетъ '3. Чулан': Аткрой дверь ф *патклетъ* дъ пьглиди сам (Солдатское, Ардатовский район) (СРГРМ, с. 852);

Пристен '2. Чулан': Ф *пристени* фсе храним (Енгальчево, Дубенский район) (СРГРМ, с. 971);

Горница '1. Небольшой чулан для хранения продуктов и домашней утвари':

Калошы, навернь, в *горницъ*, там фся старья абуфкъ лижыт (Большое Чуфарово, Ромодановский район) (СРГРМ, с. 153).

Заключение

Таким образом, родо-видовые (гиперогипонимические) отношения – это отношения, при которых значение одной единицы либо полностью включает в себя значение другой и совмещает его с дополнительной информацией о предмете речи, либо называет его часть или целое. Рассмотренная лексико-семантическая группа включает в себя имена существительные с инвариантным значением «жилая или хозяйственная постройка» и имеет два сегмента (две семантические области) со значениями «жилые постройки и их части» и «хозяйственные постройки и их части». Она имеет иерархическое строение, организованное семантически отношениями гиперонимов, которые составляют структуру лексико-семантической группы названий построек и их

частей в говорах Мордовии. Наибольшее семантическое разнообразие наблюдается при анализе гиперонимов третьей степени, вокруг которых группируются слова со сходными значениями. Данный факт связан с тем, что в семантике диалектных слов отображается внеязыковая действительность, но отображается она по-разному в зависимости от степени конкретизации носителями говора (за счет упоминания каких-либо признаков предметов, привычных в диалектной среде). Именно говоры являются одной из форм выражения национальной культуры, так как в народной речи отражается жизнь ее создателя и носителя – народа.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- СОШ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. Москва, 1999. 944 с.
- СРГРМ – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: в 2 ч. Санкт-Петербург, 2013. Ч. 1. С. 1–672; Ч. 2. С. 673–1560.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреев В. К. Названия построек и их частей в псковских говорах (номинативный аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 1993. 17 с.
2. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. 192 с.
3. Современные процессы в русских народных говорах: сб. ст. / редкол.: Л. И. Баранникова и др. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. 140 с.
4. Батурчева Е. А. Из истории названий жилища // Русский язык в школе. 1999. № 3. С. 82–84.
5. Гольдин В. Е. О языковом выражении тематических связей названий построек и их частей в русских говорах // Вопросы теории и методики изучения русского языка. Саратов, 1965. С. 282–290.
6. Гришунина В. П. Различия лексического характера в говорах мокшанского языка (на материале наименований предметов домашнего обихода, утвари) // Финно-угорские языки народов России в условиях взаимодействия с языками разных систем: материалы Междунар. симп., посвящ. юбилеям финно-угроведов Хейки Паасонена (150 лет), Пауля Аристэ (110 лет) и Б. А. Серебренникова (100 лет) (г. Саранск, 21–22 мая 2015 г.). Саранск, 2016. С. 92–98.
7. Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. Москва: Русский язык, 1980. 253 с.
8. Клепикова Г. П. Изучение лексико-семантических явлений в единичности и в совокупности языковых систем // Советское славяноведение. 1980. № 2. С. 34–51.
9. Климкова Л. А. Общие проблемы топонимики // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: моногр. / науч. ред. В. И. Супрун, С. В. Ильясова. Майкоп, 2017. С. 111–139.
10. Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология (состояние и перспектива). Москва: Наука, 1979. 274 с.
11. Мосин М. В. Мордовские языки: настоящее и будущее: сб. ст. и докл. Саранск, 2010. 336 с.
12. Невская Л. Г. Семантика дома и смежных представлений в погребальном фольклоре // Балто-славянские исследования: ежегодник. Москва, 1982. С. 106–121.

13. Нефедова Е. А. О гипонимических отношениях в группе микологической лексики // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1976. Москва, 1978. С. 186–204.
14. Поляков О. Е. Об адаптации русских аффрикат и сибилантов в мордовских (мокша и эрзя) диалектах // Проблемы межъязыкового контактирования. Саранск, 1981. С. 136–140.
15. Сороколетов Ф. П. К вопросу о системных отношениях в лексике народных говоров // Диалектная лексика. 1975. Ленинград, 1978. С. 14–24.
16. Филин Ф. П. О лексико-семантических группах // Езиковедски изследования в чест на академик Стефан Младенов. София, 1957. С. 50–61.
17. Цыганкин Д. В. Мордовские языки глазами ученого-лингвиста. Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2000. 315 с.
18. Черняк В. Д. О связи слов в диалектной лексической системе (каузативные глаголы и их лексико-системные связи (на материале брянских говоров) // Диалектное слово в лексико-системном аспекте: межвуз. сб. науч. тр. Ленинград, 1989. С. 24–35.
19. Шеин А. И. К проблеме гипонимических преобразований при переводе // Филологические науки. 2008. № 2. С. 17–22.
20. Шубина Н. Г. Наименования жилых и хозяйственных построек в говоре села Городище Старооскольского района Белгородской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2004. 24 с.

Поступила 03.09.2020, опубликована 25.12.2020

STRUCTURAL-SEMANTIC FEATURES OF BUILDINGS' NAMES AND THEIR PARTS IN THE SUBDIALECTS OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA

Valentina P. Grishunina,

*Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor, Department of Mordovian Languages,
National Research Mordovia State University
(Saransk, Russia), grishunina.64@mail.ru*

Natalia I. Ershova,

*Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor, Russian Language Department,
National Research Mordovia State University
(Saransk, Russia), tascha80@mail.ru*

Introduction. The article presents the names of buildings and their parts presented in the subdialects of different districts of the Republic of Mordovia. The subject of the analysis is their gender-aspect relations, and certain features of their functioning. The goal of the research is to present the structural-semantic characteristics of dialect names of buildings and their parts in the subdialects of Mordovia.

Materials and Methods. To achieve this goal, various research methods are used, with the descriptive method as the main one. In addition, it uses the elements of the method of linguistic experiment, distributive and component analysis. The language material is dialect lexemes (lexical items) with the meaning of residential buildings and their parts, selected by continuous sampling from the Dictionary of Russian subdialects on the territory of the Republic of Mordovia.

Results and Discussion. As a result of the analysis of dialect material, it found that the lexical-semantic group "Names of buildings and their parts" includes nouns and has a hierarchical structure organized by semantic relations of hyperonyms that organize its structure. Buildings along with other items of material culture (clothing, food, tools) are an important source of information about everyday life and human activities, and they are important and ancient components of the material culture of any ethnic group. The corresponding dialect names that function in the subdialects of the Republic of Mordovia are characterized by exceptional richness and numerosity and differ from the corresponding lexemes of the literary language in greater detail related to the material for manufacturing, size, and purpose of buildings. This phenomenon is also observed on the territories of Mordovia (Moksha and Erzya), adjacent to Russian dialect speakers.

Conclusion. The research is of practical importance; the results can be used in writing of study guides on Russian dialectology, for University courses such as "Russian dialectology", "Dialectology of the Moksha language", "Dialectology of the Erzya language" and corresponding courses for students of degree programmes in Arts and Humanities.

Key words: noun; gender-aspect relations; hyperonym; hyperseme; meaning; subdialects; Russian dialectology; Moksha dialectology; Erzya dialectology; building.

For citation: Grishunina VP, Ershova NI. Structural-semantic features of buildings names and their parts in the subdialects of the Republic of Mordovia. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020; 12; 4: 368–378. (In Russian)

REFERENCES

1. Andreev VK. Names of buildings and their parts in Pskov subdialects (nominative aspect). Abstract of dis. ... Cand. of Philol. Sci. Sankt-Peterburg; 1993. (In Russian)
2. Baiburin AK. Housing in ceremonies and understanding of the Eastern Slavs. Leningrad; 1983. (In Russian)
3. Modern processes in Russian folk dialects. Collection of articles. Saratov; 1991. (In Russian)
4. Baturcheva EA. From the history of names of housing. *Russkii iazyk v shkole* = Russian language at school. 1999; 3: 82–84. (In Russian)
5. Gol'din VE. On the language expression of thematic connections of names of buildings and their parts in Russian subdialects. *Voprosy teorii i metodiki izucheniia russkogo iazyka* = Questions of theory and methods of studying the Russian language. Saratov; 1965: 282–290. (In Russian)
6. Grishunina VP. Differences of lexical character in the subdialects of Moksha language (based on the material of names of household items, utensils). *Finno-ugorskie iazyki narodov Rossii v usloviakh vzaimodeistviia s iazykami raznykh sistem: materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma*. Saratov; 2018: 10–15. (In Russian)

- nar. simp., posviashch. iubileiam finno-ugrovedov Kheiki Paasonena (150 let), Paulia Ariste (110 let) i B. A. Serebrennikova (100 let) = Finno-Ugric languages of the peoples of Russia in the conditions of interaction with languages of different systems: materials of Intern. symposium, dedicated to the anniversaries of Finno-Ugric scholars Heiki Paasonen (150 years), Paul Ariste (110 years) and B. A. Serebrennikov (100 years). Saransk; 2016: 92–98. (In Russian)*
7. Denisov PN. Vocabulary of Russian language and the principles of its description. Moskva; 1980. (In Russian)
 8. Klepikova GP. Study of lexical and semantic phenomena in unicity and set of language systems. *Sovetskoe slavianovedenie = Soviet Slavic studies*. 1980; 2: 34–51. (In Russian)
 9. Klimkova LA. General problems of toponymics. *Teoriia i praktika onomasticheskikh i derivatologicheskikh issledovaniï: monogr.* = Theory and practice of onomastic and derivatological studies. Monograph. Maikop; 2017: 111–139. (In Russian)
 10. Kogotkova TS. Russian dialect lexicology (state and perspective). Moskva; 1979. (In Russian)
 11. Mosin MV. Mordovian languages: present and future. Collection of articles and reports. Saransk; 2010. (In Russian)
 12. Nevskaya LG. Semantics of house and related understanding in funeral folklore. *Balto-slavianskie issledovaniia: ezhegodnik = Balto-Slavic studies. Yearbook*. Moskva; 1982: 106–121. (In Russian)
 13. Nefedova EA. On hyponymic relations in the group of mycological vocabulary. *Obshch斯拉vianskii lingvisticheskii atlas. Materialy i issledovaniia. 1976 = General Slavic linguistic Atlas. Materials and research*. 1976. Moskva; 1978: 186–204. (In Russian)
 14. Polyakov OE. On the adaptation of Russian affricates and sibilants in Mordvin (Moksha and Erzya) dialects. *Problemy mezh"iazykovogo kontaktirovaniia = The problems of interlingual contacts*. Saransk; 1981: 136–140. (In Russian)
 15. Sorokoletov FP. On the issue of system relations in the vocabulary of folk subdialects. *Dialektnaia leksika. 1975 = Dialect vocabulary. 1975*. Leningrad; 1978: 14–24. (In Russian)
 16. Filin FP. On lexical-semantic groups. *Ezikovedski izsledovaniia v chest na akademik Stefan Mladenov = Linguistics studies in the honor of Academic Stefan Mladenov*. Sofiia; 1957: 50–61. (In Russian)
 17. Tsygankin DV. Mordovian languages through the eyes of linguist. Saransk; 2000. (In Russian)
 18. Chernyak VD. On the connection of words in the dialect lexical system (causative verbs and their lexical-system communication (on the material of the Bryansk subdialects). *Dialektnoe slovo v leksiko-sistemnom aspekte: mezhvuz. sb. nauch. tr. = Dialect word in lexical-aspect system. Interacademic collection of scientific works*. Leningrad; 1989: 24–35. (In Russian)
 19. Shein AI. To the problem of hyponymic transformations in translation. *Filologicheskie nauki = Philological Sciences*. 2008; 2: 17–22. (In Russian)
 20. Shubina NG. Names of residential and household buildings in the subdialect of Gorodische village of Starooskolsky district of the Belgorod region. Abstract of dis. ... Cand. of Philol. Sci. Elets; 2004. (In Russian)

Submitted 03.09.2020, published 25.12.2020

ПЕРЕВОД «ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ЛУКИ» НА ЭРЗЯНСКИЙ ЯЗЫК (1821): некоторые особенности именной морфологии

Девяткина Екатерина Михайловна,

кандидат филологических наук,

старший научный сотрудник отдела урало-алтайских языков

ФГБУН Институт языкознания РАН

(г. Москва, РФ), devyatkinaem@gmail.com

Введение. В настоящем исследовании рассматриваются некоторые особенности морфологии имени существительного в переводе на эрзянский язык «Евангелия от Луки» (1821) – показатели грамматических категорий существительного: числа, падежа, а также особенности категорий притяжательности и определенности. Необходимость анализа письменных источников вызвана тем, что они дают важную информацию при реконструкции языка и помогают определить хронологию языковых явлений.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили текст перевода на эрзянский язык «Евангелия от Луки», полевые материалы эрзянских говоров, собранные автором в экспедициях 2011–2012 гг. в Самарской области, а также имеющиеся в литературе данные о диалектных особенностях говоров эрзянского языка. При работе с материалом проводилось сопоставление морфологических парадигм в опубликованной части конкорданса «Евангелия от Луки» на сайте lingvodoc.ispras.ru и материала, полученного методом сплошной выборки, с данными современных диалектов эрзянского языка.

Результаты исследования и их обсуждение. Установлено, что показатели категории числа существительного в тексте памятника соответствуют аффиксам центрального диалектного типа и употребляются по тем же правилам. Падежная система, нашедшая отражение в переводе, отлична от падежной системы литературного языка: семантика некоторых падежей выражается иными падежными формантами, послелогоми и другими синтаксическими конструкциями. Указательное склонение представлено формантом *-s'ŋ*. В притяжательном склонении отчетливо прослеживается числовое различие обладаемого при обладателе в 1-м и 3-м лице единственного числа.

Заключение. Анализ языкового материала позволяет сделать вывод о том, что текст перевода относится к говору центрального диалектного типа, имеющему отличительные черты. При этом окончательное решение вопроса о диалектной принадлежности памятника должно основываться на комплексном учете не только рассмотренного нами материала, но и, как минимум, результатов дальнейшего подробного анализа особенностей фонетики, морфологии и лексики.

Ключевые слова: мордовские языки; эрзянский язык; диалект; диалектология; памятники письменности; перевод; существительное; число; падеж.

Для цитирования: Девяткина Е. М. Перевод «Евангелия от Луки» на эрзянский язык (1821): некоторые особенности именной морфологии // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 4. С. 379–388.

Введение

Начиная с XVIII в. в связи с распространением христианства на территории, занимаемой народами Поволжья, предпринимаются попытки создания письменности на мордовских языках. Помимо составления списков мордовских слов (самая ранняя известная запись списков мокшанской лексики относится к XVII в.) организуется обширная деятельность, направленная на переводы богослужебной литературы на мордовские языки.

Исследуемый перевод на эрзянский язык «Евангелия от Луки» издан Россий-

ским библейским обществом в 1821 г.¹ Авторство перевода приписывается священнику из с. Напольного Алатырского уезда (ныне с. Напольное Поречского района Чувашской Республики) Андрею Охотину [11, III]. Текст переводного памятника имеет ряд диалектных особенностей как на фонетическом, так и на морфологическом уровне.

В переводе использован дореволюционный кириллический алфавит. Для обозна-

¹ Текст издания доступен в сканированном виде на сайте Российской национальной библиотеки.

чения фонем, свойственных говору памятника, введены дополнительные графемы, в тексте отмечено словесное ударение [5].

В статье рассматриваются особенности морфологии имени существительного памятника «Евангелие от Луки» – показатели грамматических категорий существительного: числа, падежа, а также особенности категорий притяжательности и определенности.

Обзор литературы

Исследованием становления письменности на мордовских языках занимались Н. С. Адушкина [1; 2], И. А. Кубанцева [9; 10], А. П. Феоктистов [15; 16] и другие ученые. Подробный лингвистический анализ переводов богослужебной литературы на финно-угорские языки представлен, в частности, в работах М. П. Безеновой [3; 4; 13], Е. М. Девяткиной [5], Е. В. Кашкина [8], Н. В. Кондратьевой [4], И. М. Молдановой [17], Ю. В. Норманской [12; 13; 17].

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили текст перевода на эрзянский язык «Евангелия от Луки», полевые материалы эрзянских говоров, собранных автором в экспедициях 2011–2012 гг. в Самарской области, а также имеющиеся в литературе данные о диалектных особенностях говоров эрзянского языка. При работе с материалом проводилось сопоставление морфологических парадигм в опубликованной части конкорданса «Евангелия от Луки»² и материала, полученного методом сплошной выборки, с данными современных диалектов эрзянского языка.

Результаты исследования и их обсуждение

Имя существительное в эрзянском языке имеет грамматические категории числа, падежа, притяжательности, определенности. Показатели всех этих категорий представлены в тексте памятника. Данные

категории реализуются в формах трех типов склонения – основного (неопределенного), указательного и притяжательного. Рассмотрим их подробнее.

Категория числа

В современном эрзянском языке данная категория основана на количественном противопоставлении по признакам единичности – множественности. В «Грамматике мордовских языков» отмечается, что «единственное число... выступает как первый член оппозиции количественного отношения одного и более одного. Его морфологическим показателем является исходная (нулевая) форма имени»³.

Множественное число имеет показатели *-t/-t'*, *-n*, *-k*, причем *-t/-t'* употребляется в номинативе основного склонения и как составная часть сложного аффикса во всей парадигме указательного склонения, в притяжательном склонении; *-n*, *-k* – в притяжательном склонении.

В большинстве диалектов эрзянского языка суффикс *-t/-t'* выступает в двух реализациях – твердой и мягкой. В отдельных говорах (чрм., куз., нск., шуг.) обнаруживается только твердый вариант (ед. ч. *ki* ‘дорога’ – мн. ч. лит. *kit* ‘дороги’ – шуг. *kit* ‘дороги’)⁴.

Отметим, что в основном склонении множественное число имеет суффикс *-t/-t'* только в номинативе. В остальных падежах корреляция множественного числа не проявляется. Этим мордовские языки и их диалекты отличаются от других финно-угорских языков. Для выражения идеи множественности предметов используются формы множественного числа указательного склонения. В ряде случаев формы соответствующих падежей единственного числа основного склонения, несмотря на их немаркированность, могут в зависимости от контекста приобретать значение множественности.

В тексте памятника аффиксы множественного числа соответствуют аффиксам

² <http://lingvodoc.ispras.ru/> (дата обращения: 01.09.2020).

³ Грамматика мордовских языков: Фонетика, графика, орфография, морфология: учеб. / под ред. Д. В. Цыганкина. Саранск, 1980. С. 145.

⁴ См.: Цыганкин Д. В. Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка: учеб. пособие. Саранск, 1977. С. 6.

Таблица 1 / Table 1

Язык памятника / Language of the manuscript	Литературный язык / Literary Language	Глосса / Glossa	Значение / Meaning
эриця-ть	эрият	житель – PL	жители
прянь шныця-ть	прянь шныят	гордец – PL	гордцы
святой-ть	святойть	святой – PL	святы
чи-т-не-сте	читнестэ	день – PL-ID-EL	из этих дней
пялиця-т-не-нень	пелицятнень	боящийся – PL-ID-DAT	к боящимся

Таблица 2 / Table 2

Язык памятника / Language of the manuscript	Литературный язык / Literary Language	Глосса / Glossa	Значение / Meaning
эйка́кшъ	эйкакш	ребёнок	ребёнок
Иисусъ	Иисус	Иисус	Иисус
чи́	чи	день	день

Таблица 3 / Table 3

Язык памятника / Language of the manuscript	Литературный язык / Literary Language	Глосса / Glossa	Значение / Meaning
Пазо-нь	Пазонь	Бог – GEN	Бога
эйка́кше-нь	эйкакшонь	ребёнок – GEN	ребёнка
тявэ-нь	тевень	дело – GEN	дела
тэхтэре-нь	тейтерень	девочка – GEN	девочки
кирдима-нь	кирдемань	держание – GEN	здесь: правления

литературного языка и употребляются по тем же правилам (табл. 1)⁵.

Категория падежа

Эрзянский язык относится к многопадежным языкам, имея развитую падежную систему. Система склонения литературного эрзянского языка представлена 12 падежами, которые по выражаемым значениям и синтаксическим функциям можно разделить условно (по традиции) на три основные группы: 1) субъектно-объектные (номинатив, генитив, датив, аблатив); 2) местные (инессив, элатив, иллатив, латив, пролатив); 3) атрибутивные (компаратив, абессив, транслатив)⁶. В диалектах, где наблюдаются процессы двоякого рода – возникновение новых падежных форм из послелогов и замена падежных форм послеложными конструкциями, состав падежей неодинаков.

Фонетические варианты (или алломорфы) падежных окончаний зависят от качества конечного звука основы имени существительного: согласного или гласного; согласного парного или непарного; палатализованного или непалатализованного пар-

ного согласного; гласного заднего или переднего ряда и т. д. [14, 289].

Номинатив основного склонения в тексте рассматриваемого памятника имеет нулевой показатель, что соответствует литературному эрзянскому языку и его диалектам (табл. 2).

Генитив основного склонения в эрзянском литературном языке представлен формантом *-n'*, в диалектах – алломорфами *-n/-n'*. Формант *-n'* распространен в большинстве диалектов и охватывает в каждом из них основы существительных с любым конечным гласным и согласным.

Д. В. Цыганкин отмечает, что алломорфа *-n* ограничена и в отношении круга охватываемых слов, и территориально. Она фиксируется в ряде говоров у существительных с основой на твердый согласный с предшествующим гласным заднего ряда, со всеми другими конечными основами генитив в этих же говорах имеет, как и в литературном языке, алломорфу *-n'*⁷.

В исследуемом памятнике генитив выражен наиболее распространенным формантом (табл. 3).

⁵ См.: Грамматика мордовских языков. С. 145–148; Эрзянь кель. Морфемика, валонь теевема ды морфология: вузонь эрзянь ды финнэнь отделениянь тонавтицятнень туртов. Саранск, 2000. С. 75–76.

⁶ См.: Грамматика мордовских языков. С. 151.

⁷ См.: Цыганкин Д. В. Указ. соч. С. 56.

Язык памятника / Language of the manuscript	Литературный язык / Literary Language	Глосса / Glossa	Значение / Meaning
Елисава́та-не́нь	Елизаветанень	Елизавета – DAT	Елизавете
кудо́-ст-е́нь	кудонте́нь	дом – ID-DAT	дому
ава́н-ст-е́нь	аванте́нь	мать – ID-DAT	матери
пяли́ця-т-не-не́нь	пелиця́тнене́нь	боящийся – PL-ID-DAT	к боящимся
тя́тя-т-не-не́нь	тетя́тнене́нь	отец – PL-ID-DAT	отцам

Таблица 5 / Table 5

Язык памятника / Language of the manuscript	Литературный язык / Literary Language	Глосса / Glossa	Значение / Meaning
Па́з-до	Паздо	Бог – ABL	о Боге
пле́ма-до	племадо	племя, род – ABL	о роде
эйка́кш-до	эйкакшто	ребёнок – ABL	о ребёнке
иди́ма-до	идемадо	спасение – ABL	о спасении
чи́-де	чиде	день – ABL	о дне

Таблица 6 / Table 6

Язык памятника / Language of the manuscript	Литературный язык / Literary Language	Глосса / Glossa	Значение / Meaning
о́йм-се	оймея́лтсо	дух – IN	в духе
ля́м-се	лемсэ	имя – IN	в имени
чи́ лисьме-се	чилисемасо	восток – IN	на востоке
че́кс-т-не-се	тешкстнесэ	знак – PL-ID-IN	в знаках

Наиболее употребительная морфема **дativa** основного склонения в эрзянском диалектном ареале представлена алломорфой *-n...n'* с гласным между согласными элементами суффикса. Хотя во многих говорах, относящихся к северо-западному типу, морфема дativa реализуется алломорфой *-nV*, в отдельных говорах за конечной гласной основы следует алломорфа *-jen'*. В некоторых говорах юго-восточного типа датив оформляется, как в мокшанском языке, алломорфой *-n'd'i*.

Формы дativa в памятнике соответствуют наиболее распространенной форме, также используемой в литературном языке (табл. 4).

Аблатив на всей территории распространения эрзянского языка реализуется суффиксами *-dV*, *-tV*, выступающими в виде нескольких фонетических вариантов, обусловленных характером основы имени существительного и диалектным типом. Как известно, в ряде эрзянских говоров, бытующих за территорией Республики Мордовия, аблатив представлен вариантами *-do/-to: v'e'l'e-do* 'о (от) деревне(и)', *p'iks-to* 'о (от) веревке(и)'

Данные рассматриваемого памятника показывают совпадение форм падежа с центральным диалектным типом (табл. 5).

В преобладающем большинстве диалектов **инессив** представлен формантом *-sV* (*-so*, *-su*, *-sa*, *-se*, *-si*). Менее частотны случаи использования алломорф *-snV*, *-nV*, которые в ряде говоров обусловлены характером основы (например, конечным *s* или *z*), в других такой регламентации не требуется⁸. Есть также ряд говоров, где формант *-snV* встречается после любой согласной и гласной конечной основы.

Данные памятника демонстрируют совпадение с центральным диалектным типом (табл. 6).

Элатив в диалектах эрзянского языка выражен формантом *-stV*. Качество гласного алломорфы зависит от характера основы и типа диалекта: центральный – *kudo-sto* 'из дома'; западный – *kudu-stu* 'из дома'; северо-западный – *kudo-sto* 'из дома'; юго-восточный – *kudi-sta* 'из дома'; западно-шокшанский – *kudi-sta* 'из дома'.

⁸ См.: Цыганкин Д. В. Указ. соч. С. 68.

Язык памятника / Language of the manuscript	Литературный язык / Literary Language	Глосса / Glossa	Значение / Meaning
чи-сте	чистэ	день – EL	из дня
чы-т-не-сте	читнестэ	день – PL-ID-EL	из этих дней
кудо-сто	кудосто	дом – EL	из дома
чамá-сто	чамасто	лицо – EL	от лица

Таблица 8 / Table 8

Язык памятника / Language of the manuscript	Литературный язык / Literary Language	Глосса / Glossa	Значение / Meaning
ошо-сь	ошос	город – ILL	в город
кудо-сь	кудос	дом – ILL	в дом
кирдема-сь	кирдemas	держание – ILL	в правление

Таблица 9 / Table 9

Язык памятника / Language of the manuscript	Литературный язык / Literary Language	Глосса / Glossa	Значение / Meaning
ни-ксь	никс	жена – TRNSL	женой

Формы элатива в памятнике соответствуют формам литературного языка и центрального диалектного типа (табл. 7).

Иллатив представлен формантом *-s*, использующимся во всех эрзянских диалектах. В притяжательном склонении иллатив имеет показатель *-z*, который в интервокальной позиции переходит из *-s*.

Данные рассматриваемого памятника показывают совпадение с центральным диалектным типом (табл. 8).

Латив имеет алломорфы, использующиеся в различных говорах диалектного ареала эрзянского языка: *-v*, *-j*, *-и*, *-η*. На большей части территории распространения эрзянского языка существительные на гласную и согласную основу оформляются алломорфой *-v*: *kudo-v*, *vele-v*. В некоторых говорах морфема латива представлена двумя алломорфами: *-v*, *-j*, употребление которых зависит от ряда гласных слова. Другая группа говоров имеет в лативе показатель *-η*. В отдельных говорах северо-западного диалектного типа вместо ожидаемого варианта *-v* в словах с конечной гласной заднего ряда выступает *-j*: *sat kudo-j* ‘придешь домой’.

В рассматриваемом памятнике мы не обнаружили употребления указанных формантов латива, вместо них прослежива-

ется использование форманта иллатива: Евангелие эрз. *И зърдо сынъ прядовтызь, вьсе Пазонъ закононъ кувалма, вялявцть Галилеа-сь есь ошо-сь Назарет-сь*⁹ – лит. эрз. *Зърдо Иосиф ды Мария теизь весементь истя, кода кармавть Азоронъ Ко-есь, сынъ велявцть Галилея-в, эсест Назарет ошо-в*¹⁰ ‘И когда они совершили всё по закону Господню, возвратились в Галилею, в город свой Назарет’¹¹.

На большей части территории эрзянского диалектного ареала морфема **пролатива** представлена тремя алломорфами: *-ka*, *-ga*, *-va*. Употребление вариантов в одном и том же диалекте обусловлено характером основы: *-va* – после гласной, *-ka* – после глухой согласной, *-ga* – после звонкой согласной основы.

Материал памятника показывает отсутствие употребления рассматриваемого суффикса. В тексте памятника прослеживается использование послеложных конструкций.

Морфема **транслатива** в эрзянском диалектном ареале оформляется одной алломорфой *-ks*, различия в говорах наблюдаются лишь в вокалическом элементе между основой и суффиксом¹².

Необходимо отметить, что в тексте памятника транслатив употребляется крайне редко (табл. 9).

⁹ Господань минек Иисусань Христань Святой Евангеля Евангелистань Лукасто. Санкт-Петербург, 1821.

¹⁰ Од Вейсэньлув. Саранск, 2006.

¹¹ Евангелие от Луки. URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/lk/> (дата обращения: 01.09.2020).

¹² См.: Цыганкин Д. В. Указ. соч. С. 86.

Язык памятника / Language of the manuscript	Литературный язык / Literary Language	Глосса / Glossa	Значение / Meaning
кóй-сть	коенть	обычай – ID-GEN	этого обычая
кудó-ст-ень	кудонть	дом – ID-DAT	этому дому
юфлгэзе-ст-ень	ёвтазенть	сказанное – ID-DAT	этому сказанному
соды́-т-не-нь	содыцятнень	знающий – PL-ID-GEN	этих знакомых
ломá-т-не-нь	ломантнень	человек – PL-ID-GEN	этих людей
чэкс-т-не-се	тешкстнесэ	знак – PL-ID-IN	в этих знаках

Морфема *компаратива* представлена в эрзянском диалектном ареале двумя алломорфами: *-ška, -čka*. Формант *-ška* наиболее употребителен, характерен практически для всех говоров эрзянского языка. Алломорфа *-čka* имеет ограниченную территориальную сферу распространения и группу охватываемых ею слов. Указанная форма компаратива не прослеживается в тексте памятника, значение выражается иными синтаксическими конструкциями.

Приведем пример соответствия перевода и литературного варианта Евангелия, использующего форму компаратива: Евангелие эрз. *Тé Исусъ ульць сясте колонгямень ййсе; и ульць, кодá арцесть, цюрá Юсифонь, Илйень*¹³ – лит. эрз. *Иисус-нэнь ульнесть колонгеменьшика иеть, зярдо Сон ушодызе Эсензэ теვენзэ. Сон – кода весе арцесть – ульнесть Иосифень цёрракс. Иосиф ульнесть Илиянь цёрракс*¹⁴ ‘Иисус, начиная Свое служение, был лет тридцати, и был, как думали, Сын Иосифов, Илиев’¹⁵.

В эрзянском диалектном ареале морфема *абессива* оформляется двумя алломорфами, реализующимися в виде нескольких вариантов. Каждая из алломорф выступает в одном и том же диалекте, и любая из них охватывает определенные классы существительных с соответствующим характером основ: *-vtomo/-vt'em'e, -tomo/-t'em'e, -ftomo/-ft'em'e*¹⁶. Форма абессива не прослеживается в тексте памятника.

Указательное склонение

В парадигме указательного склонения в литературном языке различаются десять

падежных форм (номинатив, генитив, датив, аблатив, инессив, элатив, иллатив (форма совпадает с дативом), пролатив, компаратив, абессив). Морфемы определенности в парадигме склонения единственного числа неодинаковы. Наиболее яркая изоглосса, нашедшая отражение в памятнике, такова: в тексте перевода прослеживается употребление форманта *-s'it'* в генитиве единственного числа, *-s'it'en'* в дативе единственного числа.

В диалектах существуют варианты: генитив *-n'it'*, датив *-n'it'en'* либо генитив *-t'*, датив *-t'i*.

Во всех падежных формах множественного числа присутствует одна морфема определенности *-n'e/-ne*, которая находится перед падежными суффиксами (табл. 10).

Таким образом, в тексте памятника в косвенных падежах указательного склонения существительных употребляется формант *-s'it'*, наиболее характерный для говоров северо-западного диалектного типа. Однако нельзя исключать возможное употребление форманта *-s'it'* в некоторых говорах центрального диалектного типа.

Притяжательное склонение

В притяжательном склонении эрзянского языка выражаются числовые отношения обладателя и обладаемого. Достаточно подробно диалектная система посессивных суффиксов описана Д. В. Цыганкиным¹⁷, особое внимание ей уделяется в работах Г. И. Ермушкина [6; 7] и др. Необходимо отметить, что в эрзянском диалектном ареале фиксируется

¹³ Господань минек Иисусань Христань Святой Евангелия Евангелистань Лукасто.

¹⁴ Од Вейсэнлув.

¹⁵ Евангелие от Луки.

¹⁶ См.: Цыганкин Д. В. Указ. соч. С. 89.

¹⁷ Там же. С. 86.

Язык памятника / Language of the manuscript	Литературный язык / Literary Language	Глосса / Glossa	Значение / Meaning
валó-нзо	валонзо	слово – GEN.PL.PD.3.SG	её слов
кепцѣ-нзе	кедьстэнзэ	рука – EL.PL.PD.3.SG	из его рук
милóсте-зе	седеймарямозо	милость – PD.3.SG	его милость
авá-зо	авазо	мать – PD.3.SG	его мать

варьирование парадигм притяжательного склонения. Одной из особенностей употребления диалектных форм выступает использование аффикса *-н* в качестве показателя числа обладаемых. Именно это явление мы наблюдаем в тексте памятника: в притяжательном склонении отчетливо прослеживается числовое различие обладаемого при обладателе в 1-м и 3-м лице единственного числа (табл. 11).

Заключение

Исследуемый текст переводного памятника «Евангелие от Луки» имеет ряд диалектных особенностей как на фонетическом, так и на морфологическом уровне. Было бы логично предположить, что автор перевода, священник из с. Напольного Алатырского уезда Андрей Охотин, осуществил перевод на говоре указанной местности. Анализ языкового материала позволяет сделать вывод о том, что текст перевода относится к иному говору – центрального диалектного типа, имеющего свои отличительные черты.

Безусловно, окончательное решение вопроса о диалектной принадлежности памятника должно основываться на ком-

плексном учете не только рассмотренного нами материала, но и, как минимум, результатов подробного анализа особенностей фонетики, морфологии и лексики.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

3 –	3-е лицо
ед. ч. –	единственное число
куз. –	говор с. Кузайкино (Альметьевский район Республики Татарстан)
лит. –	литературный язык
мн. ч. –	множественное число
иск. –	говор с. Наскафтым (Шемьшейский район, Пензенская область)
чрм. –	говор с. Черемшан (Черемшанский район Республики Татарстан)
шуг. –	шугуровский диалект эрзянского языка (Республика Мордовия)
эрз. –	эрзянский язык
ABL –	аблатив
DAT –	датив
EL –	элатив
GEN –	генитив
ID –	указательное склонение
ILL –	иллатив
IN –	инессив
NOM –	номинатив
PD –	притяжательное склонение
PL –	множественное число
SG –	единственное число
TRNSL –	транслатив

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Адушкина Н. С. Из истории становления мордовской письменности // Труды Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР. Саранск, 1967. Вып. 32. С. 144–159.
2. Адушкина Н. С. Кода шачь мокшэрзянь алфавитсь // Мокша. 1971. № 2. С. 82–85.
3. Безенова М. П. Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке (1891) (Зеч кылъёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кылъёсыз): глагольная морфология // Урало-алтайские исследования. 2018. № 1 (28). С. 7–22.
4. Безенова М. П., Кондратьева Н. В. К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: графика, орфография, фонетика // Урало-алтайские исследования. 2019. № 3 (34). С. 7–52.
5. Девяткина Е. М. Начальный этап возникновения мордовской письменности: к особенностям перевода «Евангелия от Луки» (1821) на эрзянский язык // Финно-угорские народы в контексте формирова-

- ния общероссийской гражданской идентичности и меняющейся окружающей среды: материалы Междунар. науч. конф. (г. Саранск, 8–9 октября 2020 г.). Саранск, 2020. С. 158–161.
6. Ермушкин Г. И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (эрзя-мордовский язык). Москва: Наука, 1984. 142 с.
 7. Ермушкин Г. И. О нулевой форме множественного числа обладаемого притяжательной конструкции в эрзя-мордовском языке // Вопросы финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1970. Вып. 5. С. 36–40.
 8. Кашкин Е. В. Памятник хантыйской письменности «Священная история»: некоторые морфологические особенности // Предложение как единица языка и речи: материалы Всерос. науч. симпозиума с междунар. участием, посвящ. 95-летию со дня рождения М. И. Черемисиной (г. Новосибирск, 8–11 октября 2019 г.). Новосибирск, 2019. С. 103–105.
 9. Кубанцева И. А. Переводные книги XIX в., используемые в просвещении мордвы // Интеграция образования. 2013. № 4 (73). С. 78–83.
 10. Кубанцева И. А. Переводческая комиссия Православного миссионерского общества при Братстве святителя Гурия: особенности деятельности по продвижению книг для мордвы // Румянцевские чтения – 2020: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 21–24 апреля 2020 г.). Москва, 2020. С. 444–447.
 11. Можаровский А. Ф. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев, с 1552 по 1867 год. Москва: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1880. 262 с.
 12. Норманская Ю. В. Новые полевые и архивные данные по мансийским диалектам и их значение для прамансийской реконструкции системы вокализма первого слога // Урало-алтайские исследования. 2015. № 4. С. 63–78.
 13. Норманская Ю. В., Безенова М. П. О важности первых миссионерских книг для изучения истории удмуртского языка. Дискуссионная заметка к статье В. В. Понарядова «О двойных огласовках удмуртских суффиксов» // Урало-алтайские исследования. 2018. № 1 (28). С. 78–88.
 14. Основы финно-угорского языкознания: Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. Москва: Наука, 1975. 347 с.
 15. Феоктистов А. П. Истоки мордовской письменности. Москва: Наука, 1968. 100 с.
 16. Феоктистов А. П. Очерки по истории формирования мордовских письменнo-литературных языков (ранний период). Москва: Наука, 1976. 260 с.
 17. Moldanova I., Normanskaja Ju. The Graphical Features of the first texts in the Khanty language // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018. P. 197–204.

Поступила 15.11.2020, опубликована 25.12.2020

TRANSLATION OF THE “GOSPEL OF LUKE” (1821) INTO ERZYA: some features of noun morphology

Ekaterina M. Deviatkina

*Candidate Sc. {Philology}, Senior Research, Department of the Ural-Altai Languages,
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia), devyatkinaem@gmail.com*

Introduction. This paper considers some features of noun morphology in the translation of the “Gospel of Luke” (1821) into the Erzya language, namely the indicators of such grammatical categories of the noun as number, case and the categories of possessiveness and definiteness. Analysis of old manuscripts is necessary, as it provides important information in the reconstruction of the language.

Materials and Methods. The text of the translation of the “Gospel of Luke” (1821) into Erzya, materials of the Erzya dialects were collected by the author during the expeditions to Samara region in 2011–2012. The analysis of the books on the topic of dialect features of the Erzya dialects were also used for the research. When working with the material, the morphological paradigms in the published part of the concordance of the “Gospel of Luke” (lingvodoc.ispras.ru) and the material obtained by the method of continuous sampling were compared with the data of modern dialects of the Erzya language.

Results and Discussion. It is shown that the indicators of the category of number of nouns in the text of the manuscript correspond to the affixes of the Central dialect and are used according to the same rules. The case system is different from the case system of the literary language, namely the semantics of some cases is represented by other case formants, postpositions, and other syntactic constructions. The index declension is represented by the formant *-s't'*, and the possessive declension shows the numerical difference between the possessors in 1 and 3 persons singular.

Conclusion. The analysis of the language material allows to conclude that the translated text belongs to the Central dialect, which has its own distinctive features. At the same time, the final solution of the dialectal affiliation of the manuscript should be based on a comprehensive account not only of the material considered in the paper, but also, at least, on the results of further detailed analysis of the features of phonetics, morphology and vocabulary.

Key words: Mordovian languages; Erzya; dialect; dialectology; manuscript; translation; noun; number; case.

For citation: Deviatkina EM. Translation of the “Gospel of Luke” (1821) into Erzya: some features of noun morphology. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020; 12; 4: 379–388. (In Russian)

REFERENCES

1. Adushkina NS. From the history of the formation of Mordovian writing. *Trudy Nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki pri Sovete Ministrov Mordovskoi ASSR* = Proceedings of the Research Institute of language, literature, history and economics under the Council of Ministers of the Mordovian ASSR. Saransk; 1967; 32: 144–159. (In Russian)
2. Adushkina NS. How the Mordovian alphabet appeared. *Moksha* = Moksha. 1971; 2: 82–85. (In Moksha)
3. Bezenova MP. The Christian admonition of St. Tikhon in the Votyak language (1891): verbal morphology. *Uralo-altaiskie issledovaniia* = Ural-Altai Studies. 2018; 1 (28): 7–22. (In Russian)
4. Bezenova MP, Kondratjeva NV. Some peculiarities of the Udmurt translation of “The law of the Lord” (1912): graphics, orthography, phonetics. *Uralo-altaiskie issledovaniia* = Ural-Altai Studies. 2019; 3 (34): 7–52. (In Russian)
5. Deviatkina EM. The initial stage of Mordovian writing: on the peculiarities of the translation of the “Evangelie of Luka” (1821) into Erzya. *Finno-ugorskii narody v kontekste formirovaniia obshcherossiiskoi grazhdanskoi identichnosti i meniaiushcheisia okruzhaiushchei sredy: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* = Finno-Ugric peoples in the context of the formation of the all-Russian civil identity and the changing environment. Materials of the International scientific conference. Saransk; 2020: 158–161. (In Russian)
6. Ermushkin GI. Areal research on Eastern Finno-Ugric languages (Erzya-Mordovian language). Moskva; 1984. (In Russian)
7. Ermushkin GI. On the null plural form of the possessive construction in the Erzya-Mordovian language. *Voprosy finno-ugrovedeniia* = Questions of Finno-Ugric studies. 1970; 5: 36–40. (In Russian)
8. Kashkin EV. Khanty manuscript “Sacred History”: some morphological peculiarities.

- Predlozhenie kak edinita iazyka i rechi: materialy Vseros. nauch. simpoziuma s mezhdunar. uchastiem, posviashch. 95-letiiu so dnia rozhdeniia M. I. Cheremisinoi.* = A sentence as a unit of language and speech. Materials of the all-Russian scientific Symposium with international participation dedicated to the 95th anniversary of the birth of M. I. Cheremisina. Novosibirsk; 2019: 103–105. (In Russian)
9. Kubantseva IA. Translated books of the XIX century, used in the education of the Mordovians. *Integratsiia obrazovaniia* = Integration of education. 2013; 4 (73): 78–83. (In Russian)
 10. Kubantseva IA. Translation Commission of the Orthodox Missionary Society under the Brotherhood of Saint Gurius: features of activities to promote books for Mordvins. *Rumiantsevskie chteniia – 2020: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* = Rummyantsev readings – 2020. Materials of the International scientific and practical conference. Moskva; 2020: 444–447. (In Russian)
 11. Mozharovskii AF. Summary of the course of missionary work to educate Kazan foreigners, from 1552 to 1867. Moskva; 1880. (In Russian)
 12. Normanskaya JV. New field and archive data on the Mansi dialects and their meaning for the Proto-Mansi reconstruction of the first syllable vowel system. *Uralo-altaiskie issledovaniia* = Ural-Altaiic Studies. 2015; 4 (19): 63–78. (In Russian)
 13. Normanskaya JV, Bezenova MP. On the importance of the first missionary books for studies of the Udmurt language history. A discussion article on V. V. Ponaryadov's paper "On alternate suffix vowels in Udmurt". *Uralo-altaiskie issledovaniia* = Ural-Altaiic Studies. 2018; 1 (28): 78–88. (In Russian)
 14. Fundamentals of Finno-Ugric linguistics: Baltic-Finnish, Sami and Mordovian languages. Moskva; 1975. (In Russian)
 15. Feoktistov AP. The origins of Mordovian writing. Moskva; 1968. (In Russian)
 16. Feoktistov AP. Essays on the history of the formation of Mordovian written and literary languages (early period). Moskva; 1976. (In Russian)
 17. Moldanova IM, Normanskaja JV. The Graphical Features of the first texts in the Khanty language. *5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018*: 197–204. (In English)

Submitted 15.11.2020, published 25.12.2020

ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В УДМУРТСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (на материале тематической группы «Небесная сфера»)

Кондратьева Наталья Владимировна,

доктор филологических наук,

профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

(г. Ижевск, РФ), nataljakondratjeva@yandex.ru

Краснова Татьяна Александровна,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры лингвистической типологии и лингводидактики

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

(г. Ижевск, РФ), tanja-krasnova@bk.ru

Введение. Фразеологический фонд любого языка отражает особенности культурно-национального представления об окружающей среде, а каждый фразеологизм вносит свой вклад в формирование общей языковой картины мира. Воздействие этого источника придает языку яркие черты национального характера. В фокусе данной статьи оказываются все типы фразеологических единиц (от идиом до пословиц и поговорок), содержащие в качестве ключевого слова лексемы, относящиеся к тематической группе «Небесная сфера» (включая воздушную сферу) и имеющие параллели в фольклорной традиции удмуртского народа.

Материалы и методы. Основным источником исследования послужили материалы из лексикографического труда «Средства образного выражения в удмуртском языке» (1996), а также фразеологические единицы, зафиксированные в изданиях «Удмурт кылтэчетъёс люканъя ужъюрттос» (2003) и «Ингур: удмурт фольклоръя лыдзет» (2004). В работе использовался комплекс исследовательских методов: описательный, метод сплошной выборки, метод контекстуального и ситуативно-контекстуального анализа, учитывающий ситуативно-детерминированные связи паремий и паремических выражений. Применение указанных методов позволяет рассмотреть на конкретном материале соотношение системно-языкового и когнитивного аспектов изучаемых единиц.

Результаты исследования и их обсуждение. В системе удмуртского языка в качестве основных единиц исследуемой группы выделяются статичное *ин* 'небо', где все имеет свое место и порядок, и динамичное *тёл* 'ветер', характеризующее стихию, мощный поток, обладающий как созидательной, так и разрушительной силой. Набор ключевых фразеологических единиц с компонентами *шунды* 'солнце', *пилем* 'туча', *толзё* 'луна', *кизили* 'звезда', *гудьри* 'гром' позволяет выявить национальную специфику и мировосприятие удмуртского народа.

Заключение. Наиболее широкий спектр значений представлен лексемой *тёл* 'ветер'. Самой низкой дистрибутивной нагрузкой обладает компонент *гудьри* 'гром', что можно объяснить спецификой природного явления. В ряде случаев семантическая нагрузка исследуемых единиц имеет прямые параллели с образами и мотивами, присутствующими в отдельных жанрах удмуртского фольклора. Особенностью вербализации фразеологизмов выступает использование переносных значений.

Ключевые слова: удмуртский язык; финно-угорские языки; фразеологизмы; языковая картина мира; тематическая группа «Небесная сфера».

Для цитирования: Кондратьева Н. В., Краснова Т. А. Отражение языковой картины мира в удмуртской фразеологии (на материале тематической группы «Небесная сфера») // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 4. С. 389–399.

Введение

В языке любого этноса важную роль играют фразеологические сочетания – лексически неделимые, воспроизводимые единицы языка, устойчивые по составу и структуре и целостные по значению. В них отражаются история, народные представления о тех или иных предметах и явлениях, национально обусловленные сте-

реотипы восприятия окружающего мира. При этом в качестве одной из необходимых первооснов формирования и функционирования этноса как такового и всего комплекса его культуры выступает природная среда, поскольку «культурно-цивилизационное развитие человечества свидетельствует о том, что этнос, нация

и окружающая среда всегда представляли собой взаимосвязанную этнокультурную экологическую систему» [9].

Основной целью данной статьи стало изучение фразеологических единиц (ФЕ), в том числе паремий, содержащих в качестве ключевого слова лексему, относящуюся к тематической группе «Небесная сфера» (включая воздушную сферу), а также выяснение их роли в репрезентации языковой картины мира удмуртского народа.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи: а) выявить представленность ФЕ исследуемой тематической группы в лексикографических изданиях; б) определить их семантическое наполнение; в) выделить культурно-языковые особенности ФЕ, сохранивших архетипические основания и обеспечивающих построение общего, идентичного для носителей языка культурного пространства.

Тематическая группа «Небесная сфера» является одной из малоизученных в удмуртской лингвистике, что обуславливает актуальность исследования. Между тем набор ключевых ФЕ с компонентами *ин* 'небо', *тӧл* 'ветер', *шунды* 'солнце', *пилем* 'туча', *толэзь* 'луна', *кизили* 'звезда', *гудыри* 'гром' позволяет определить особенности языковой картины мира удмуртского народа, которая рассматривается как «важная составная часть общей концептуальной модели мира в голове человека, т. е. совокупности представлений и знаний человека о мире, интегрированной в некое целое и помогающей человеку в его дальнейшей ориентации при восприятии и познании мира» [11, 169].

С учетом вышесказанного объектом исследования стали фразеологизмы тематической группы «Небесная сфера». Предмет исследования – семантическое содержание ФЕ указанной тематической группы в языковой и культурной проекциях.

Обзор литературы

Фиксация первых лексических материалов по удмуртскому языку относится ко второй половине XVII в. В это время через территории современной Удмуртии проходили экспедиции, целью которых были из-

учение географии, природных богатств, описание жизни и быта различных народов России. Первые записи удмуртских фразеологических единиц были осуществлены гораздо позже, в XIX в., эстонским ученым Ф. Й. Видеманом: *kyl pottyny* 'сказать что-то лишнее (букв.: высунуть язык)', *kwara pottyny* 'крикнуть (букв.: подать голос)', *ker potyny* 'стесняться' и др. [21, 286], а также венгерским исследователем Б. Мункачи: *durzä bastini* (дур бастыны 'заступаться за кого-то'), *péd d'èlam sèl'èné* (пед йылам сыллыны 'стоять на ногах'), *gèze-bèdsa murt* (гизы быдза мурт 'букв.: человек с ноготок (о невысоком человеке)') и др. [19, 240, 268, 608].

Традиции зарубежных исследователей XIX в. были продолжены в лексикографических изданиях XX в., в частности в словаре Т. К. Борисова «Удмурт кыллюкам»: *пунйез пуны уг сибь, кионэз кион уг кеся* 'собака собаку не укусит, волк волка не задерет', *пӧзем йыр* 'букв.: вареная головушка' и др.¹ Однако лишь в 1967 г. К. Н. Дзюиной был издан отдельный лексикографический труд, посвященный изучению удмуртских ФЕ, – «Краткий удмуртско-русский фразеологический словарь», включающий более 2 000 исследуемых единиц². В этом же издании исследователь, опираясь на труды В. В. Виноградова, предложила краткий экскурс в теорию удмуртской фразеологии и выделила три группы устойчивых словосочетаний: фразеологические сращения (*варгаз жазег*), фразеологические единства (*куко миндер*), фразеологические сочетания (*кыл вераны*). В 1996 г. данная работа была расширена и издана в книге «Средства образного выражения в удмуртском языке»³.

Теоретические изыскания в области удмуртской фразеологии и паремиологии были продолжены И. В. Таракановым:

¹ См.: Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам: Удмуртско-русский толковый словарь. Ижевск, 1932. С. 119, 137.

² См.: Дзюина К. Н. Краткий удмуртско-русский фразеологический словарь. Ижевск, 1967.

³ См.: Средства образного выражения в удмуртском языке / сост. К. Н. Дзюина. Ижевск, 1996. (Ссылки на это издание будут приводиться в тексте в круглых скобках с указанием сокращенного наименования – СОВУЯ.)

он выделил основные характеристики удмуртских фразеологизмов, а также проанализировал их с точки зрения составных частей [13, 73–74].

Важное значение для исследования удмуртской фразеологии имеют труды Г. Н. Лесниковой, которая в качестве основного признака ФЕ в удмуртском языке рассматривает «семантическое обновление» компонентов [12]; подготовленное ею учебно-методическое пособие «Удмурт кылтэчетъёс люканъя ужьюрттос» также говорит о богатой фразеосистеме удмуртского языка⁴.

Как можно заметить, все вышеперечисленные работы либо фиксируют фактические данные, либо раскрывают общие теоретические основания удмуртской фразеосистемы. Однако удмуртская система ФЕ гораздо богаче, чем она описана на сегодняшний день. К сожалению, из тематических групп научное осмысление получили лишь соматизмы [8]. Перед современными исследователями стоит задача описания и других тематических групп фразеологизмов.

Материалы и методы

Основным источником исследования послужили материалы из лексикографического труда «Средства образного выражения в удмуртском языке», а также фразеологические единицы, зафиксированные в учебно-методическом пособии Г. Н. Лесниковой «Удмурт кылтэчетъёс люканъя ужьюрттос», и пословицы и поговорки из хрестоматии по фольклору «Ингур: удмурт фольклорья лыдзет»⁵. Необходимо подчеркнуть, что тематическая группа «Небесная сфера» (включая воздушную сферу) представляет собой не самую большую группу фразеологизмов – методом сплошной выборки нами было выявлено

всего 68 относящихся к ней ФЕ. Однако они имеют большое значение для репрезентации национальной языковой картины мира.

Для решения поставленных задач был использован комплекс исследовательских методов: описательный, метод сплошной выборки, метод контекстуального и ситуативно-контекстуального анализа, учитывающий ситуативно-детерминированные связи паремий и паремических выражений. Применение указанных методов позволяет рассмотреть на конкретном материале соотношение системно-языкового и когнитивного аспектов изучаемых единиц.

Результаты исследования и их обсуждение

Фразеологический фонд любого языка отражает особенности культурно-национального представления о мире, а каждый фразеологизм вносит вклад в формирование общей языковой картины мира. Воздействие этого источника придает языку яркие черты национального характера.

Как подчеркивают ученые, фразеологической системе языка свойственны такие особенности, как традиционность, устойчивость, количественное и качественное постоянство состава ФЕ в языке (см., например, [17, 66]).

Фразеологические единицы, отражая длительный процесс становления культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки, они всегда обращены на субъект речи и возникают не столько для того, чтобы отображать мир [6; 7], сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и проявлять к нему субъективное отношение [4, 354; 15, 19–20; 18, 230; 20, 81–84]. Иными словами, национальная специфика в семантике языка обусловлена прежде всего экстралингвистическими факторами – «особенностями развития культуры и истории народа, его образа жизни, нормами поведения в том или ином обществе, идеологией» [7, 18]. Все это в совокупности формирует языковую картину мира конкретного этноса, которая в современной гуманитарной науке рассматривает-

⁴ См.: Лесникова Г. Н. Удмурт кылтэчетъёс люканъя ужьюрттос. Ижкар; Будапешт, 2003. (Ссылки на это издание будут приводиться в тексте в круглых скобках с указанием сокращенного наименования – Лесникова.)

⁵ См.: Ингур: удмурт фольклорья лыдзет / люказ, радяз но валэктонъёссэ гожтйз Т. Г. Владыкина. Ижевск, 2004. (Ссылки на это издание будут приводиться в тексте в круглых скобках с указанием сокращенного наименования – Ингур.)

ся как картина мира, репрезентирующая мировидение и миропонимание лингвокультурного сообщества, а также определяющая менталитет его членов, что проявляется в оценке ими состояния среды и возможности ее изменения, в позиции человека, его отношении к миру (природе, животным, самому себе, к другим людям) поведении (подробнее об этом см.: [5]). При этом важным фрагментом языковой картины мира становится именно фразеология. В. Н. Телия сравнивает фразеологический состав языка с зеркалом, в котором «лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [14, 83]. По мнению исследователя, всякий фразеологизм есть текст, вбирающий и хранящий культурную информацию: «...образы, лежащие в основе фразеологизмов-идиом и связанных значений слова, в основной массе прозрачны для данной лингвокультурной общности, так как отражают характерное для нее мировидение и миропонимание, что и позволяет говорить о культурно-национальной специфике фразеологического состава языка» [14, 91].

Фразеологизмы, выражающие природные явления, традиционно делятся на четыре группы:

- а) ФЕ с элементами небесной сферы (включая воздушную сферу);
- б) ФЕ с элементами огненной сферы;
- в) ФЕ с элементами земной сферы;
- г) ФЕ с элементами водной сферы.

Данная статья посвящена изучению фразеологических единиц с компонентами тематической группы «Небесная сфера» (включая воздушную сферу). В вышеназванных источниках были выделены ФЕ, относящиеся к указанной группе и отражающие мировосприятие удмуртского народа. Рассмотрим каждую из них подробнее.

1. Исходя из названия тематической группы «Небесная сфера» смыслообразующей для исследуемой группы ФЕ становится лексема *ин* ‘небо’ (всего 11 словоупотреблений, что составляет 16,2 % от общего количества выявленных примеров), содержащая в семантической нагрузке следующие ключевые признаки:

а) небо – покров: *Инмысь усем кадь* (СОВУЯ, с. 39) ‘Словно с небес свалился’; *Инмысь кизиллэсь васькемзэ вите* (СОВУЯ, с. 38) ‘букв.: Ждет, когда с неба звездочка упадет’; *Инэз йырыныз пыке* (СОВУЯ, с. 39) ‘букв.: Головой небо подпирает (о высоких людях)’; *Парсь инмез уг адзы* (СОВУЯ, с. 87) ‘букв.: Свинья не видит неба (о недалеком человеке)’; *Инмысь усемзэ возьматозь, пыд азысьсэз утялты* (Ингур, с. 304) ‘Чем ждать манны небесной (букв.: то, что упадет с неба), прибереги из-под ног’; *Инмез йырчукин уд берыкты* (Ингур, с. 320) ‘Небо не опрокинешь’; *инмысь уз усыы* (Лесникова, с. 36) ‘букв.: не упадет с небес’;

б) иной мир, который отличается от устоев земной жизни: *Инмысь музьем вылэ васькыны* (СОВУЯ, с. 38). ‘букв.: Спуститься с небес на землю ~ Витать в облаках’; *Йырыз инмын, ачиз пень вылын* (СОВУЯ, с. 42) ‘букв.: Голова на небе, сам на золе ~ Всяк знай свой шесток’. Необходимо подчеркнуть, что в этом верхнем ярусе мира возвышался могущественный бог Инмар – обладатель многих эпитетов: *выльсь, югыт, тӧдды, мусо, быдӟым* – верховный, светлый, белый, дорогой, великий [1, 101–102]. Как отмечал П. Богаевский в конце XIX в., «Инмар – источник всего доброго и хорошего, творец людей и всего мира... Для него не существовало и не будет существовать времени; живет он не для себя, а для людей, которые в свою очередь должны жить только для него. Его постоянное местопребывание на солнце, причем небо служит ему одеждою» (цит. по: [2, 68–69]);

в) высшее проявление, предел возможностей, мечтаний: *Инме жӱтыны* (СОВУЯ, с. 38) ‘Превозносить до небес’;

г) чистота: *Инмез саптась* (СОВУЯ, с. 38) ‘букв.: Коптитель неба (о тунеядце)’; *Инмысь сьӧд лымы уг усыы* (Ингур, с. 320) ‘букв.: С неба не идет черный снег’.

Указанный выше признак находит параллели и в других жанрах удмуртского фольклора. В этом ключе отдельно следует отметить бытование удмуртского мифа о том, почему небеса отделились от земли: «Вначале небо было чистое, как снег, белое, как березы. И на земле среди людей

царили мир и согласие. Счастливые были времена! <...> Однажды женщина, издеваясь над прекрасным небом, забросила на облака грязные пеленки. И боги ничего ей за это не сделали. Только белые небеса сразу потемнели, посинели и начали медленно подниматься все выше и выше над землей и стали совсем недосягаемыми» (Ингур, с. 18).

2. В исследуемой группе ФЕ, как показывают количественные подсчеты, доминирует компонент *төл* 'ветер' (всего 25 словоупотреблений, что составляет 36,8 % от общего количества ФЕ тематической группы). В качестве смыслообразующих признаков в этом случае можно выделить следующие:

а) легкость: *Төл кадь лобаны* (СОВУЯ, с. 118) 'Носиться как ветер';

б) свобода: *Төлъя-бурья лэзыны* (СОВУЯ, с. 119) 'Пустить по ветру'. При этом свободу необходимо отличать от бесхребетности: *Төл кудлань, со но солань* (СОВУЯ, с. 118) 'Куда ветер, туда и он'; *Кудпала төл, со но сопала* (СОВУЯ, с. 55) 'Куда ветер, туда и он';

в) инициатор действий, происходящих изменений: *Төлтэк писпу уг выры* (СОВУЯ, с. 119) 'Дерево без ветра не качается'; *Куссэ лек төл чигтоз* (СОВУЯ, с. 59) 'Талию ветром переломит'; *Төлтэм дырья чашетйсь пипу* (СОВУЯ, с. 119) 'букв.: Как осина, шумящая в безветренную погоду (о человеке, любящем пошуметь без причины)'; *Пуны утоз – төл нуоз* (СОВУЯ, с. 97) 'Собака полагает, ветер унесет'; *Шулдыр куазез төл сөре, улон кысыпез кыл сөре* (Ингур, с. 311) 'букв.: Ясную погоду ветер портит, человеческие отношения слово разрушает';

г) ветер – метафора силы: *Огназ сьлйсь писпуэз төл погыртэ* (СОВУЯ, с. 82) 'букв.: Одинокое дерево ветер валит (одинокому человеку трудно преодолеть невзгоды)'; при этом движение против ветра не может увенчаться успехом: *Төллы пумит ветлыны секыт* (СОВУЯ, с. 118) 'букв.: Против ветра ходить тяжело'; *Төллы пумит эн сяла* (СОВУЯ, с. 118) 'Не плыви против ветра';

д) безделье: *Төлэз уйыса ветлыны* (СОВУЯ, с. 119) 'букв.: За ветром гонять-

ся (бездельничать)'; *төлъя ветлыны* (Лесникова, с. 111) 'ходить по ветру';

е) умонастроение человека: *Визьмыз төлъя шудэ* (СОВУЯ, с. 20) 'букв.: Ум по ветру играет ~ Ветер в голове'; *Йыраз төл шула* (СОВУЯ, с. 39) 'Ветер в голове'; *Йырысь төлзиз* (СОВУЯ, с. 42) 'Вылетело из головы'; *Төл вуко* (СОВУЯ, с. 118) 'букв.: Ветряная мельница (о ветреном, легкомысленном человеке)'; *Төло пу* (СОВУЯ, с. 118) 'букв.: Ветроудуй, Ветрогон (о непостоянном, ненадежном человеке)'; или отсутствие чего-либо: *кисыын төл шула* (Лесникова, с. 45) 'букв.: в кармане ветер свистит (о безденежном человеке)';

ж) ветер – необходимое условие для круговорота жизни: *Төлтэм азе тузон пуксе* (СОВУЯ, с. 119) 'букв.: На безветренное место пыль садится'.

Интересно, что традиционный для многих лингвокультур признак 'скорый, быстрый' (например, англ. *Go (or run) like the wind* (also *outrstrip the wind*); амер. *split the wind* 'мчаться во весь опор, нестись; бежать со всех ног, сломя голову; нестись как ветер' или англ. *Like the wind* 'быстро, как ветер') в проанализированных источниках не обнаружен.

В удмуртской фразеосистеме ограниченную дистрибутивную нагрузку имеет лексема *сильтөл* 'сильный ветер, буря', характеризующаяся признаком «несчастье, беда»: *Сильтөл жужыт писпуэз нырысь погыртэ* (Ингур, с. 322) 'Сильный ветер вначале валит одиноко стоящее дерево', а также *төлпери* 'вихрь, буран, ураган', ассоциирующаяся или с эмоциональными порывами человека: *Мугораз төлпери шудэ* (СОВУЯ, с. 74) 'букв.: В теле буран играет (разошелся)', или с разрушительной силой: *төлпери кадь ортчаны* (Лесникова, с. 110) 'пройтись ураганом'.

3. Как и во многих фразеосистемах мира, в удмуртской паремии важное место занимает компонент *шунды* 'солнце' (всего 21 словоупотребление, что составляет 30,9 % от общего количества ФЕ исследуемой тематической группы), обладающий следующим набором признаков:

а) регулятор движения жизни, ритмики времени: *Нуналэн чеберез шунды жужаку ик адске* (СОВУЯ, с. 79) 'букв.:

Каков будет день, по восходу солнца узнаю (каким будет человек, уже с детства видно); *Шундыез уин адзыны уг луы* (СОВУЯ, с. 136) ‘букв.: Ночью солнца не видать’; *Шунды ке потэ, толэзь но кысэ* (СОВУЯ, с. 136) ‘Когда солнце всходит, и луна гаснет’; *Шундыез толэзен эн сура* (СОВУЯ, с. 136) ‘букв.: Солнце с луной не путай ~ Солнце – князь земли, луна – княжна’; *Шунды – вылланы, нунал – азьланы* (СОВУЯ, с. 136) ‘Солнце – выше, день – вперед (в природе все закономерно)’. Несмотря на то что солнце является гарантом рождения нового дня, жизнь полна неожиданностей: *Гулбечысь шунды жужаз ке, соку лэсьтоз* (СОВУЯ, с. 28) ‘букв.: Только тогда сделает, когда солнце из подполья взойдет’;

б) уникальность небесного светила / уникальность жизни: *Шунды котькытын одйг* (СОВУЯ, с. 136) ‘Солнце всем одинаково светит’; *Шундыез мешоке уд куты* (СОВУЯ, с. 136) ‘Солнышко в мешок не поймашь’; *Нуналаз шунды кык пол уг жужа, адямилы улон кык пол уг сётйськы* (Ингур, с. 307) ‘Солнце не встает дважды в день, человеку две жизни не дается’;

в) эталон трудолюбия: *Жужась шунды валесысен иземдэ медаз адзы* (Ингур, с. 303) ‘букв.: Восходящее солнце пусть не видит, как ты спишь в постели’; *Шудо луэмед потэ ке, шундылэсь жужамзэ эн возьма, ачид азьло султы* (Ингур, с. 307) ‘Если хочешь быть счастливым, не жди, пока солнце взойдет, вставай сам раньше него’; *Азьтэм муртлы шунды но вазь жужа* (СОВУЯ, с. 8) ‘Ленивому кажется, что и солнце рано встает’. Данный признак является одним из частотных в пословицах и поговорках удмуртского народа: *Уж дыръя шундыез ачид сайкаты* (Ингур, с. 304) ‘В страду солнце сам буди’; *Гырыку шундыез уг учко* (Ингур, с. 303) ‘Когда пашут, на солнце не поглядывают’;

г) разнообразие бытия: *Шунды но огкадь уг жужа* (СОВУЯ, с. 136) ‘букв.: И солнце не всегда одинаково всходит ~ И солнце не всех одинаково греет’; *Потымтэ шундыен шунтйськыны* (Лесникова, с. 85) ‘букв.: Греться в тепле солнца, которое еще не вошло ~ Делить шкуру неубитого медведя’;

д) источник счастья: *Чук бус шундыез уз вормы* (Ингур, с. 323) ‘Утренний туман не затмит солнца’; *Шундыез пилем уз чокса* (Ингур, с. 323) ‘Туча не скроет солнца’;

Отметим, что в удмуртской фразеосистеме в отличие от некоторых других образ солнца редко ассоциируется со способностью излучать свет и тепло: *Шунды шорын шуныт, нэнэ бордын лякыт* (Ингур, с. 315) ‘На солнце тепло, рядом с матерью душевно’. Данный признак чаще актуализируется в противопоставлении с образом *толэзь* ‘луна’: *Толэзь пиштэ ке но, уг шунты* (СОВУЯ, с. 117) ‘Луна светит, да не греет’.

Солнце – источник жизни. Неслучайно, как и в других культурах (например, англ. *Great Sun!* ‘Боже мой! Видит бог! Вот те на! Не может быть! Честное слово! Вот так так!’), главная клятва у удмуртов связана с солнцем: *Та шунды понна!* (Лесникова, с. 109) ‘букв.: Вот за это солнце! Солнцем клянусь!’.

Удмуртский исследователь Т. Г. Владыкина образ Матери-Солнца *Шунды-Мумы* относит к числу главных среди природных праматерей: Матери-Луны *Толэзь-Мумы*, Матери-Воды *Ву-Мумы*, Матери-Грома *Гудыри-Мумы* и т. д. По свидетельству ученого, он представлен в текстах разного жанра: от детских закличек к *Шунды-Мумы* или к самому солнцу с просьбой выйти в пасмурный, дождливый день, чтобы согреть все живое, до гостевых ритуальных песен, где дневное небесное светило становится одним из распространенных образов психологического параллелизма [2, 29–32].

4. Еще один присутствующий в удмуртской паремии компонент из тематической группы «Небесная сфера» – *пилем* ‘туча, облако’ (всего 6 словоупотреблений, что составляет 8,8 % от общего количества ФЕ исследуемой тематической группы), собирающий следующие признаки значений:

а) неприятности, беда: *Пилем улысь шунды потйз* (СОВУЯ, с. 91) ‘букв.: Из-за тучи выглянуло солнце (беда миновала)’; *Пилемтэк зоре* (СОВУЯ, с. 91) ‘Дождь без туч (плакать без причины)’; *Шундыез пилем уз чокса* (Ингур, с. 323) ‘Туча не скроет солнца’;

б) структурная единица мироустройства: *Пилем ке вань, зорез но вань* (СОВУЯ, с. 91) ‘букв.: Тучи есть, будет дождь (без причины не бывает следствия)’; *Пилем-тэм инмысь гудыриез уд кылы* (СОВУЯ, с. 91) ‘Без тучи грома не бывает’;

в) непостоянство: *Пинал визь – тӧлья-бурья пилем кадь* (Ингур, с. 308) ‘букв.: Молодой ум – словно облако, гонимое ветром’.

5. *Толэзь* ‘луна’ – один из интереснейших образов в удмуртской мифологии, представленный в трех ипостасях: 1) небесное светило; 2) мифологизированный космический объект, требующий особого почитания; 3) календарный месяц [3, 128; 16, 88].

В системе фразеологизмов исследуемая лексема представлена довольно редко (нами зафиксировано всего 2 словоупотребления, что составляет 2,9 % от общего количества выявленных примеров), обладая следующими смыслообразующими признаками:

а) отдаленность, высота: *Толэзьысь васькем* (СОВУЯ, с. 118) ‘букв.: с луны спустился’;

б) отсутствие тепла: *Толэзь пиштэ ке но, уг шунты* (СОВУЯ, с. 117) ‘Луна светит, да не греет’.

Низкая дистрибутивная нагрузка исследуемой лексемы в удмуртской фразеосистеме может объясняться особым отношением к луне: «При случайном указании пальцем на луну, что воспринималось как святотатство, следовало тут же обручать себя: “Измертан! / Излы мертан!” (‘Камни взвешивающий’)» [3, 128].

По свидетельству В. Е. Владыкина, в удмуртском фольклоре полная луна служит символом здоровья, красоты (*тыр толэзь кадь* ‘словно полная луна’). Отмечая красоту человека, удмурты предпочитают говорить не *чебер* ‘красивый’, а *чылкыт*, *сайкыт* ‘чистый, ясный’ – данные эпитеты ассоциируются с признаками луны [1, 36].

6. Во фразеосистемах многих языков важную роль играет концепт *звезда*. Однако в удмуртской фразеологической системе *кизили* ‘звезда’ отличается невысокой дистрибутивной нагрузкой (всего 2

словоупотребления, что составляет 2,9 % от общего количества словоупотреблений исследуемой тематической группы) и чаще всего является метафорой множественности: *кизили мында* ‘как звезд (на небе)’, или удаленности: *инмысь кизили кадь* (Лесникова, с. 36) ‘как звезда в небе’. Близкое значение представлено и в удмуртском фольклоре: «Звезды – символ множества, бесчисленности, созвездие – символ нераздельности и недостижимости» [2, 39].

Несмотря на то что на сегодняшний день исследователями выявлено более 50 удмуртских космонимов [10], названия звезд во фразеологизмах практически отсутствуют. Аналогичная тенденция характерна в целом для удмуртского фольклора, где «“именные” созвездия и отдельные звезды встречаются не так часто, но в весьма оригинальных сопоставлениях песенных ассоциативных параллелизмов» [1, 40–41]. Вероятно, данная тенденция связана с особым отношением к звездам, с верой в существование души в виде звезды. Как отмечает В. Е. Владыкин, эта вера прослеживается в устойчивом сочетании *кизили усем* ‘звездой отмеченный (букв.: звезда упала)’ – так удмурты говорят о парализованном человеке, не умершем, но уже как бы «обездушенном». Дурным предзнаменованием считались кометы *быжо кизили* ‘букв.: хвостатые звезды’ [1, 43]. Допустимо предположить, что изучение художественных произведений удмуртских авторов позволит в перспективе определить дополнительные семантические возможности удмуртских космонимов.

7. В исследуемой группе фразеологизмов минимальной дистрибутивной нагрузкой характеризуется лексема *гудыри* ‘гром’ (всего 1 словоупотребление, что составляет 1,5 % от общего количества выявленных примеров), вербализующая выражение сверхъестественных способностей:

Гудыри но уз вырзыты (СОВУЯ, с. 28) ‘И громом не прошибет’.

По-видимому, это обусловлено высокой степенью мифологизации образа, а также страхом перед сверхъестественными силами. Исследователи удмуртской мифологии

отмечают, что Праматерь-Гром *Гудыри-мумы* воспринималась как объединенный образ грома и молнии, как божество, вызывающее бури и грозы, уничтожающее градом хлеба, карающее за грехи, особенно если рвут цветы дикой гвоздики в период летнего солнцестояния [3, 128].

Заключение

Во фразеологической системе удмуртского языка устойчивые выражения, репрезентирующие тематическую группу «Небесная сфера» (включая воздушную сферу), занимают важное место, несмотря на то что в лексикографических трудах зафиксировано всего 68 соответствующих фразеологических единиц. Нами выявлено семь лексем, активно участвующих в образовании ФЕ исследуемой тематической группы: *ин* ‘небо’, *тӧл* ‘ветер’, *шунды* ‘солнце’, *пилем* ‘туча’, *толзъ* ‘луна’, *кизили* ‘звезда’, *гудыри* ‘гром’. Каждый из них имеет свое семантическое наполнение.

Наиболее широкий спектр значений представлен лексемой *тӧл* ‘ветер’ (36,8 % от всех словоупотреблений), доминантными признаками которого являются динамичность и мощь. Самой низкой дистрибутивной нагрузкой обладают компоненты *гудыри* ‘гром’ (1,5 %), *толзъ* ‘луна’ (2,9 %), *кизили* ‘звезда’ (2,9 %). Близкое соотношение частотности употребления исследуемых лексем, а также их семантическое наполнение характерно и для текстов удмуртского фольклора. Это

позволяет говорить о национально-культурной специфике репрезентации исследуемых фразеологических единиц.

Семантика фразеологизмов и паремий доносит до нас представление наших предков о субъектах и объектах естественного (природного) мира, качествах и свойствах этих субъектов и объектов. Оно отражается в семантике языковых единиц через систему значений и ассоциаций. Особенностью репрезентации ФЕ небесной сферы выступает использование переносных значений, а именно: от прямого значения собственно природных явлений через физические характеристики человека к характеристике его духовной сферы, например: *пилем* ‘туча’ – *пилемо мылкыд* ‘букв.: облачное настроение = плохое настроение’ – *Шундыез пилем уз чокса* ‘букв.: Туча не скроет солнца’ в значении ‘Добро побеждает зло’.

Фразеологические единицы исследуемой тематической группы не только передают отношение к различным природным явлениям (страх, почитание, уважение и др.), но и представляют собой некий свод знаний, в котором концентрируется информация, содержащая совокупность знаний о миропорядке. Таким образом, изучение фразеологических единиц различных тематических групп способствует решению вопросов соотношения языка и культуры, языка и общества, языка и мышления, языка и поведения, языка и лингвистической диактики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.
2. Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклорный миротекст: образ, символ, ритуал: моногр. Ижевск: МонПоражён, 2018. 298 с.
3. Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Ар-год-берган: обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2011. 320 с.
4. Гендерная репрезентация марийской этнической идентичности: язык, фольклор, литература: моногр. / под ред. Н. Н. Глуховой. Йошкар-Ола: Стринг, 2017. 384 с.
5. Гончарова Н. Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского государственного университета. 2012. № 2. С. 396–405.
6. Душенкова Т. Р. Ключевые понятия удмуртской языковой картины мира: моногр. Ижевск: Шелест, 2020. 246 с.
7. Душенкова Т. Р. Эмоциосфера удмуртской языковой картины. Ижевск, 2020. 324 с.

8. Егоров А. В. Удмуртская соматическая фразеология (в сопоставлении с венгерской): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2010. 19 с.
9. Карабукаев К. Ш. Экологические традиции как важный фактор взаимосвязи общества и природы (на примере кыргызского народа) // Манускрипт. 2017. № 11 (85). С. 83–85. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskie-traditsii-kak-vazhnyy-faktor-vzaimosvyazi-obschestva-i-prirody-na-primere-kyrgyzskogo-naroda> (дата обращения: 07.09.2020).
10. Кириллова Л. Е. Удмуртская космони- мия // Иднакар: методы историко-культур- ной реконструкции. 2016. № 2 (31): Са- кральное пространство в культуре народов Урало-Поволжья. С. 31–40.
11. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. Москва, 1988. С. 141–172.
12. Лесникова Г. Н. Фразеология удмуртского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 1994. 22 с.
13. Тараканов И. В. Удмурт лексикая очер- къёс. Ижевск: Удмуртия, 1971. 96 с.
14. Телия В. Н. Русская фразеология: семанти- ческий, парадигматический и лингвокуль- турологический аспекты. Москва: Языки рус. культуры, 1996. 288 с.
15. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной комму- никации. Москва: Слово, 2008. 344 с.
16. Шутова Н. И. История происхождения и семантика лунного знака Толзэё // Вест- ник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2015. Т. 25, вып. 4. С. 87–94.
17. Hakulinen A., Ojanen J. Kielitieteen ja fonetiikan termistöä. Tampere: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1993. 170 s. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia; 324).
18. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor // Metaphor and thought / ed. by A. Ortony. Cambridge, 1993. P. 202–251.
19. Munkácsi B. A wotják nyelv szótára. Budapest, 1896. XVI + 758 l.
20. Nenonen M., Penttilä E. Eponymiset idiomit suomen kielessä // Sananjalka. 2019. Vol. 61, no. 61. S. 80–103.
21. Wiedemann F. J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch- deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. Reval: Kluge & Ströhm, 1851. 390 S.

Поступила 10.09.2020, опубликована 25.12.2020

REFLECTION OF THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD IN UDMURT PHRASEOLOGY (on the material of the “Celestial sphere” theme group)

Natalia V. Kondratieva,

*Doctor of Philology, Professor,
Department of General and Finno-Ugric Linguistics,
Udmurt State University
(Izhevsk, Russia), nataljakondratjeva@yandex.ru*

Tatiana A. Krasnova,

*Candidate Sc. (Philology), Associate Professor,
Department of Linguistic Typology and Linguodidactics
Udmurt State University
(Izhevsk, Russia), tanja-krasnova@bk.ru*

Introduction. The phraseological fund of any language reflects specific features of the cultural and national view of the world, and each phraseological unit contributes to the formation of a common linguistic picture of the world. The influence of this source gives the language a vivid national character. The focus of this article is on all types of phraseological units (from idioms to proverbs and sayings) containing the lexemes belonging to the thematic group «Heavenly sphere (including the air sphere)» as a key word and having parallels in the folklore tradition of the Udmurt people.

Materials and Methods. The research is based on the analysis of the materials from the lexicographic work “Expressive means of the Udmurt language” (1996) as well as phraseological units from the book “Aid in recording Udmurt phraseology” (2003) by G. N. Lesnikova and proverbs from the anthology “Ingur: anthology of Udmurt folklore” (2004). The research is carried out through the complex of methods, such as the descriptive and continuous sampling methods as well as the technique of situational and contextual analysis, which allows to consider the situationally determined connections of paroemia and paroemic expressions. The use of these methods makes it possible to reveal the correlation between the language as a system and the cognitive aspect of the language material under study.

Results and Discussion. It was revealed that for the system of the Udmurt language as the basic units of the group under study, we can distinguish static *in* ‘sky’, where everything has its place and order, and dynamic *töl* ‘wind’, which characterizes a force, a very strong flow, having both creative and destructive power. A set of key phraseological units with the components *shundi* ‘sun’, *tolez* ‘moon’, *gudiri* ‘thunder’, *pilem* ‘cloud’, *kiz’ili* ‘star’ also allows to identify the national specifics and worldview of the Udmurt people.

Conclusion. The broadest range of meanings is represented by the lexeme “*tol*” meaning ‘wind’. Among the considered phraseological units, the lexeme *gudiri* ‘thunder’ has the minimum distributive load, which, apparently, can be explained by the specifics of the natural phenomenon itself. In some cases, the semantic load of the studied units has direct parallels with the images and motives presented in certain genres of Udmurt folklore. The peculiarity of the representation of these phraseological units is based on the figurative meanings of words.

Key words: Udmurt language; Finno-Ugric languages; phraseological units; language picture of the world; theme group “Celestial sphere”.

For citation: Kondratieva NV, Krasnova TA. Reflection of the linguistic picture of the world in Udmurt phraseology (on the material of the “Celestial sphere” theme group). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020; 12; 4: 389–399. (In Russian)

REFERENCES

1. Vladykin VE. Religious and mythological picture of the Udmurt world. Izhevsk; 1994. (In Russian)
2. Vladykina TG. Udmurt folklore world text: image, symbol, ritual. Izhevsk; 2018. (In Russian)
3. Vladykina TG, Gluhova GA. Cycle of the year: Rituals and Holidays of the Udmurt calendar. Izhevsk; 2011. (In Russian)
4. Gluhova NN, ed. Gender representation of the Mari ethnic identity: language, folklore, literature. Monograph. Ioshkar-Ola; 2017. (In Russian)
5. Goncharova NN. Language picture of the world as an object of linguistic description. *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta* = *News of Tula state University*. 2012; 2: 396–405. (In Russian)

6. Dushenkova TR. Key concepts of the Udmurt language picture of the world. Izhevsk; 2020. (In Russian)
7. Dushenkova TR. Emotional sphere of the Udmurt language picture of the world. Izhevsk; 2020. (In Russian)
8. Egorov AV. Udmurt somatic phraseology (in comparison with Hungarian. Abstract of dis. ... Cand. of Philol. Sci. Izhevsk; 2010. (In Russian)
9. Karabukaev KSh. Ecological traditions as an important factor of society and nature collaboration (on the example of the Kyrgyz people). *Manuskript* = Manuskript. 2017; 11 (85): 83–85. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskie-traditsii-kak-vazhnyy-faktor-vzaimosvyazi-obschestva-i-prirody-na-primere-kyrgyzskogo-naroda> (accessed 07.09.2020). (In Russian)
10. Kirillova LE. Udmurt cosmology. *Idnakar: metody istoriko-kul'turnoi rekonstruktsii* = Idnakar: methods of historical and cultural reconstruction. 2016; 2 (31): 31–40. (In Russian)
11. Kubriakova ES. The role of word formation in shaping the language picture of the world. *Rol' chelovecheskogo faktora v iazyke: Iazyk i kartina mira* = The role of the human factor in language: Language and picture of the world. Moskva; 1988: 141–172. (In Russian)
12. Lesnikova GN. Phraseology of the Udmurt language. Abstract of dis. ... Cand. of Philol. Sci. Izhevsk; 1994. (In Russian)
13. Tarakanov IV. Essays on Udmurt lexicology. Izhevsk; 1971. (In Udmurt)
14. Teliya VN. Russian phraseology: semantic, paradigmatic, and linguoculturological aspects. Moskva; 1996. (In Russian)
15. Ter-Minasova SG. War and peace of languages and cultures: theory and practice of interlanguage and intercultural communication. Moskva; 2008. (In Russian)
16. Shutova NI. History of the origin and semantics of the moon sign Toleze. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Istoriia i filologiya* = Bulletin of the Udmurt university. Series: History and Philology. 2015; 25; 4: 87–94. (In Russian)
17. Hakulinen A, Ojanen J. Kielitieteen ja fonetiikan termistöä. Tampere; 1993; 324. (In Finnish)
18. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor. *Metaphor and thought*. Cambridge; 1993: 202–251. (In English)
19. Munkácsi B. A votják nyelv szótára. Budapest; 1896. (In Hungarian)
20. Nenonen M, Penttilä E. Eponymiset idiomit suomen kielessä. *Sananjalka*. 2019; 61; 61: 80–103. (In Finnish)
21. Wiedemann FJ. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. Reval; 1851. (In German)

Submitted 10.09.2020, published 25.12.2020

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЙ ТРАВЯНИСТЫХ РАСТЕНИЙ В ДИАЛЕКТАХ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

Лельхова Федосья Макаровна,

*кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт
прикладных исследований и разработок»
(г. Ханты-Мансийск, РФ), lelhovafm@yandex.ru*

Введение. Лексика растительного мира хантыйского языка содержит значительный объем информации, тесно взаимосвязанной с этноментальностью, этнографией и мышлением народа, и представляет собой один из наиболее интересных пластов словарного состава, поскольку отражает степень практического и культурного освоения человеком окружающей природы. Цель нашей работы заключается в установлении лексико-семантических характеристик номинаций дикорастущих трав, определении их диалектных особенностей. Задачи исследования: выявить с возможно большей полнотой номинации травянистых растений, установить объем лексического значения каждого наименования в диалектах и говорах языка. Актуальность темы исследования определяется научным интересом к изучению диалектных различий между говорами в теоретическом и практическом плане, усилившимся в последнее время вниманием к народной духовной и материальной культуре, а также утратой современным хантыйским языком отдельных наименований растений.

Материалы и методы. В исследовании использован комплекс методов и приемов анализа лингвистического материала: метод семантической классификации, лексико-семантический анализ, словообразовательный, лингвогеографический анализ, а также элементы этимологического анализа. Основным методом при исследовании названий растений стало описание. Источником фактического материала послужил словарный фонд хантыйского языка, собранный в ходе полевых работ, по восточным диалектам – материалы, содержащиеся в лексикографических изданиях. При сборе лексического материала наблюдение велось в основном над речью представителей старшего поколения, а также людей, ведущих традиционный образ жизни, которые сохраняют живой разговорный язык. При этом фиксировались не только факты, находящиеся в активном словарном запасе говорящих, но и слова, относящиеся к пассивному словарю, которыми носители говора пользуются лишь в беседах, воспоминаниях о прошлом.

Результаты исследования и их обсуждение. Изучение диалектного материала – названий растений в хантыйском языке – представляет значительный научный интерес. Жизнь народа ханты с древности тесно связана с природой, лексика растительного мира охватывает практически все сферы хозяйственной деятельности этноса, тем самым составляя большую часть его словаря. В хантыйском языкознании данный лексический пласт еще не являлся предметом специального и детального изучения, что делает его на сегодняшний день весьма актуальной исследовательской задачей. В статье выявляются признаки, лежащие в основе мотивации наименований растений, выделяется заимствованный компонент.

Заключение. Собранный лексический материал свидетельствует о богатстве и обширности фитонимической лексики хантыйского языка. Нами собрано около 50 наименований дикорастущих травянистых растений в северных и восточных диалектах хантыйского языка. В результате проведенного исследования были выявлены и описаны новые лексемы, уточнены толкования семантики лексем. Зафиксированы заимствования, имеющие русское происхождение. Установлено, что некоторые диалектные слова не имеют активного применения в современном хантыйском языке. В лексике флоры выявлено разнообразие принципов номинации.

Ключевые слова: хантыйский язык; диалекты; говоры; лексика; флора; названия растений; семантика; иноязычный компонент; лингвистика.

Благодарности: Автор благодарит проект Pohjoishantin Šuryškarin kirjakielen kieliopin ja muiden aruneuvojen laatiminen, а также фонд Koneen Säätiö, с помощью которых были организованы экспедиции к северным хантам и собран лексический материал по теме.

Для цитирования: Лельхова Ф. М. Лексико-семантические особенности наименований травянистых растений в диалектах хантыйского языка // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 4. С. 400–410.

Введение

Лексика растительного мира представляется одним из наиболее интересных пластов словарного состава, поскольку в ней отражается степень практического и культурного освоения человеком окру-

жающей природы. Исследовательский интерес к диалектной лексике, номинирующей и характеризующей флору, определяется следующими обстоятельствами: во-первых, она тесно связана с практиче-

ской и духовной жизнью человека, поэтому ее изучение приближает исследователя к пониманию особенностей культурно-исторического развития любого этноса; во-вторых, лексико-семантическое описание номинаций флоры позволяет наиболее полно отразить лексическое богатство диалекта; в-третьих, в данном пласте словарного состава присутствуют различные виды системных отношений, изучение которых поможет глубже понять закономерности образования и функционирования диалектной лексики.

Рассматриваемая группа лексики хантыйского языка, несомненно, обладает самобытностью и может представлять интерес в плане состава и системной организации. Она входит в активный словарный запас носителей диалекта, так как травянистые растения имеют большое практическое значение в жизни хантов: употребляются в пищу, используются в быту, в лечебных целях, служат кормом скоту, связаны с традициями, мировоззрением народа и т. д. Все это предопределяет широкий денотативный диапазон названий данной группы.

Исследование было предпринято с целью установить системные признаки обозначений указанной лексико-семантической группы слов, определить ее диалектные особенности. При этом решались следующие задачи: выявить с возможно большей полнотой номинации растительного мира, установить объем лексического значения каждого наименования в диалектах и говорах языка. Объектом изучения стали наименования травянистых растений в диалектах хантыйского языка.

Источником фактического материала послужил словарный фонд хантыйского языка, собранный в ходе полевых работ, а также материалы, содержащиеся в лексикографических изданиях¹. При сборе лексического материала наблюдение велось в основном над речью представителей старшего поколения, а также людей, ведущих традиционный образ жизни и сохраняющих живой разговорный язык. При этом

¹ См., например: Терешкин Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Ленинград, 1981.

фиксируются не только факты, находящиеся в активном словарном запасе говорящих, но и слова, относящиеся к пассивному словарю, которыми носители говора пользуются лишь в беседах – воспоминаниях о прошлом.

Обзор литературы

Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью указанной лексико-тематической группы в рамках хантыйского языкознания. Лексика растительного мира и ее тематические группы в диалектах хантыйского языка до сих пор подробно не рассматривались. Номинациям ягодной флоры в диалектах этого языка была посвящена наша предыдущая статья [10]. Имеется значительное количество работ по исследованию фитонимов в языках народов Севера, относящихся к различным языковым системам. В мансийском языке Е. И. Ромбандеевой названия растений рассмотрены с точки зрения происхождения, проведена этимологизация отдельных названий [14]. О. В. Сахарова на основе анализа флористической лексики селькупского языка выделила следующие тематические группы фитонимов: «Деревья и кустарники», «Ягодная флора», «Мхи», «Грибы», «Сельскохозяйственные культуры (овощи, злаки)». Автор отметила особую роль различных названий растений в формировании языковой картины мира селькупов [19]. Л. Ж. Заксор провела комплексное изучение способов номинации растений в нанайском языке – морфологического, лексико-семантического, синтаксического и способа заимствования лексем [2; 3]. В работах И. И. Садовниковой определены способы и модели образования растительных наименований в эвенском языке, дан их лингвистический анализ, рассмотрены основные пути обогащения растительной лексики [16; 17].

Интерес к изучению диалектных названий растений в русском языкознании наметился давно. В трудах исследователей проводится лексико-семантический, структурный, этимологический анализ наименований флоры в говорах. Данная группа лексики описана в лингвокультурологическом, лингвогеографическом, ког-

нитивно-ономастиологическом аспектах [1; 4; 11–13; 15; 20].

Исследователями хакасского языка рассматриваются вопросы истории изучения, способы и пути образования, истоки формирования названий растений в этом языке [7–9].

М. В. Сумачакова в работе, посвященной названиям растений в чалканском диалекте алтайского языка, сопоставляет их с аналогичными наименованиями в алтайском литературном, кумандинском и шорском языках. Автор описывает номинации растений, происхождение и способы образования лексем, выявляет общетюркские лексемы, названия, характерные для северных диалектов алтайского языка, и собственно чалканские фитонимы [21].

Особое внимание в новейших исследованиях уделяется лексике растительного мира как составной части языковой картины мира этноса [6; 8; 19].

Результаты исследования и их обсуждение

Принято считать, что названия травянистых растений в языках северных народов, к которым принадлежат и ханты, представлены небольшим числом лексем. В исследовании по одному из языков аборигенного народа – селькупскому – отмечается: «Небольшое количество названий травянистых растений, особенно в сравнении с перечнем произрастающих в природной зоне, свидетельствует об отсутствии у селькупов необходимости различения отдельных их видов. Следствием безразличного отношения данного народа к цветам и грибам стало употребление единичных их наименований» [19, 5].

В северных диалектах хантыйского языка трава, сено обозначаются существительным *тӱрэн/турэн*, в восточных ему соответствуют пр. *пом/нам*, в. *нам*, с. *пем*. Наличие лексемы *тӱрэн/турэн* обусловлено ареальными контактами с коми-зырянскими, хантыйская лексема оценивается как заимствование из коми языка (к.-з. *турун/турын*). В системе наименований травы наиболее интересны данные коми-зырянского языка и шурышкарского диалекта хантыйского

Рис. 1. Рящ – хвощ лесной

Fig. 1. Răshch – forest horsetail

языка, где общее значение выражается фонетически сходными лексемами².

Мелкая луговая трава, трава-мурава, описывается словами: сын., ш., к. *ваниши*, пр. *вансы*, с. *ванчэх*, в. *ньӱрэм нам* ‘муравка’ (*ньӱрэм* ‘кустарник, ракитник’). Эта лексема в сургутском диалекте имеет значение ‘трава куриная слепота (лютик)’.

Многолетнее травянистое растение хвощ, как и папоротник, в северных широтах растет повсеместно. В диалектах общим наименованием для лексем ‘хвощ’ и ‘папоротник сибирский’ служит номинация *рящ* (то же относится к таким видам папоротника, как лесной папоротник, орляк обыкновенный). Хвощ называют и иначе: *ӱлы лэты от*, *ӱлы лэты рящ* ‘букв.: хвощ, который едят олени’.

Слово *рящ* имеет также значения ‘хвощ приречный’, ‘хвощ речной’. Для хвоща приречного есть и другая номинация – *лунт лэты тӱрэн* ‘букв.: трава, которую едят гуси’. Этим растением питаются птицы: гуси, утки, лебеди, кулики и др. Летом

² См.: Диалектологический атлас уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа / под ред. Н. Б. Кошкаревой. Калининград, 2017. С. 169.

в деревнях, на летних рыбацких местах часто держали гусей, нередко в семьях жили утки и хозяева собирали для них мягкий хвощ.

Название еще одной разновидности хвоща мотивировано местом произрастания травы на болоте: *калэн энэмты рйц* ‘хвощ болотный’. В восточных диалектах бытуют следующие формы фитонима: в., аг., у.-аг., тр.-юг., юг., у.-юг. *пэхраньть*, в.с. *пэхрынть* ‘хвощ полевой’, ‘попынь’.

В говорах хантыйского языка дягиль лекарственный (дудник лекарственный) называется *пухрац* (*пухэр* ‘остров лесной’ + *рйц* ‘хвощ’). Другое название растения – *лэты пухрац* ‘съедобный пухрац’. В начале лета, когда ствол дягиля еще не стал твердым, его употребляют в пищу, для этого хорошо очищают, поджаривают, коптят над огнем, чтобы вышла горечь. Свежий дягиль вкусно пахнет. Старожилы вспоминают, что во время войны дягиль ели, в нем много витаминов.

В хантыйском языке различают *лэты пухрац* ‘съедобный пухрац’ и *йт лэты пухрац* ‘пухрац, который не едят’ или *веллы пухрац* ‘пухрац, на котором нет бутончиков, несъедобный’. Борщевик называют *атэм пухрац* ‘букв.: плохой пухрац’, так как внешне похожее на дягиль растение ядовито. Некоторые носители языка затруднились в толковании лексемы *пухрац*, утверждая, что растение называется *борщевик* и что они едят борщевик.

Нам встретилась еще одна разновидность хвоща, называемая сын. *нүль вой пухрац* ‘хвощ птицы нүль вой’. Это не очень большое растение с белыми соцветиями обладает хорошими вкусовыми качествами, благодаря чему в начале лета ханты употребляют его в пищу.

Растительная лексика отличается богатством синонимических вариантов. Так, для одного только растения хвощ в диалектах зафиксировано несколько наименований разновидностей данной травы: *рйц*, *ўлы лэты йт*, *ўлы лэты рйц*, *лунт лэты тёрэн*, *калэн энэмты рйц*, *пэхраньть*.

Другим значением слова *рац* является ‘орнамент в виде зубчиков’, так как листья хвоща имеют форму зазубрин: *Сйх рйцэн ци йонтла* ‘На шубу нашивают зубчатый

Рис. 2. Рйц – папоротник сибирский

Fig. 2. Rāshch – Siberian fern

Рис. 3. Рйц – хвощ приречный

Fig. 3. Rāshch – riverine horsetail

Рис. 4. Пухрац (лэты пухрац) – дягиль лекарственный

Fig. 4. Pukhrashch – medicinal angelica

орнамент’. Номинация мотивирована по признаку наличия внешнего сходства листьев растений с элементом узора.

Хвощ и плаун внешне очень похожи, поэтому диалектоносители называют словом *рйц* также плаун. В школьном тематическом словаре ваховского диалекта наряду с общепотребительным словом *рйц* приводятся диалектные слова. Так, зафик-

сировано описательное название травянистого растения: *кѳтѳрки ѳнтѳв* ‘плаун (букв.: бурундука пояс)’³. Название является метафорическим и, вероятно, передает определенные внешние данные, сходство с животным. Метафорические номинации характеризуют образное мышление, поэтому неслучайно на первом месте оказывается мотивационный признак «форма», который на уровне глубинной номинации отражает богатство и разнообразие ассоциативных связей человека. Латинское наименование хвоща *Equisetum* переводится как ‘лошадиная грива’. В русском названии растения прослеживается образное сравнение с частью животного, а именно с хвостом. Если внимательно присмотреться к хвощовым, то можно убедиться в справедливости сравнения.

В восточных диалектах травянистое растение трилистник имеет название с. *зѳс* ‘букв.: звезда’. Очевидно, что в хантыйском языке растение получило такое наименование благодаря звездчатой форме цветов, имеющих белую, сиреневатую или розоватую окраску. В природе трилистник растет главным образом по берегам озер и рек, а также на заболоченных участках, отсюда вытекает номинация растения в ваховском диалекте *лѳтѳзѳс* ‘болотная трава’.

По признаку пригодности/съедобности растения в хантыйском языке делятся на хорошие и плохие. В данном случае в названии растений отражено оценочное отношение к миру флоры, что обусловило появление таких дескриптивных номинаций, как *йѳм тѳрѳн* ‘букв.: хорошая трава, хорошее растение’ / *ѳт рѳхты тѳрѳн* ‘непригодное (для пищи) растение’. Словосочетанием *йѳм тѳрѳн* обозначают, например, щавель, а также травы, которые едят животные. *Йѳм тѳрѳн, лѳлѳ* ‘Хорошая трава, едят ее’. *Йѳм тѳрѳн лѳхѳлѳлѳ* ‘Жует щавель, хорошую траву’. *Мисѳт, лѳвѳт йѳм тѳрѳн лѳлѳт* ‘Коровы, лошади едят хорошие, неядовитые травы’. Ядовитые несъедобные растения называют *ѳтѳм тѳрѳн* ‘букв.: плохая трава’ (ср.: *дѳбрѳя трѳвѳа,*

Рис. 5. Орнамент рѳщ (узор в виде зубчиков)

Fig. 5. Rāshch ornament (pattern in the form of teeth)

лѳтыѳе корѳнѳя, лѳхѳѳе трѳвѳы в русском языке).

Необходимо отметить, что в хантыйском языке названия имеют те растения, которые обладают важным значением для жизни народа. В первую очередь это травы, служащие кормом для животных: *лѳв тѳрѳн, мис тѳрѳн, ѳш лѳты тѳрѳн, лѳнт лѳты тѳрѳн, ѳлѳ лѳты тѳрѳн/лѳпѳт/ѳт, ѳмп рѳх* ‘водяника’ и т. д. Данные слова являются также и общими словами для номинации трав. Не различая травы, которые едят лошади, коровы, овцы, ханты часто называют их общими словами, например: *лѳв тѳрѳн* – это овес, конопля, пырей, трава хѳлам; *ѳлѳйѳн лѳты тѳрѳн* ‘растения, поедаемые оленем’ – пушица, хвощ и т. д. Не менее важно бытовое применение растений, что отражается в номинациях. Травы, использующиеся для циновок, стелек обуви, называются в языке *вѳй илѳм тѳрѳн* ‘трава [для] стелек обуви’ (пырей, осока и др.), *нѳры тѳрѳн* ‘трава [для] циновок’ (осока, ситник, пырей, камыш и др.).

В сынском диалекте для обозначения сорняков употребляются следующие наименования: *нѳх сѳхѳтты тѳрѳн* ‘букв.: трава, которую выдергивают’, *лѳтѳт ѳлѳкѳлѳты тѳрѳн* ‘сорняки (букв.: портя-

³ См.: Хантыйско-русский тематический словарь (ваховский диалект) / сост. Т. Ф. Каткалева; под ред. Н. А. Лысковой. Санкт-Петербург, 2001. С. 6.

щая еду трава)'. В васюганском говоре название сорного травянистого растения лопух, репейник передается словосочетанием *амкол пӕхрынь'ть* 'букв.: собака язык полынь'.

В говорах хантыйского языка для обозначения травянистого растения пырей употребляются как исконные слова, так и заимствованные. Пырей – высокая сорная трава. В сынском диалекте в названии травы лежит метафора: *хӱв кӱрни тӱрэн* 'длинноногая трава'. Такое название пырей получил за длинный стебель, т. е. мотивационным признаком послужили внешний вид, особенности строения стебля. Корни пырея – тонкие, разветвленные, очень прочные, ползущие корневища. Их характерная форма со многими узлами и разветвлениями обусловила появление номинации в *мулӱн нам* 'пырей (букв.: узловатая трава)', в которой указывается на узловатость, крепость корней.

Еще одно название пырея мотивировано предназначением по функции: сын. *вай илӱм тӱрэн*, с. *ылӱм пом* 'трава, используемая в качестве стельки'. Эту траву кладут в меховую обувь (*вай, тунӱр*) и обувь из кожи оленя (*нӱки вай*), у восточных хантов – из кожи выдры, для тепла и сохранения формы. Среди лексем данной лексико-семантической группы нам встретилось единственное название, мотивированное половыми характеристиками человека: в. *куйтам* 'букв.: мужская трава'. Наряду с хантыйскими названиями в настоящее время пожилыми носителями языка используется и заимствованное слово *пырей* 'пырей'.

В хантыйском языке исконное название крапивы – сын., ш. *пӱлӱн*, к. *пулӱн*, в. *полӱн*. В ваховском диалекте словом *полӱн* обозначают и коноплю. В сынском диалекте употребляется сокращенная форма слова *пӱл*, *пӱл тӱрэн*, а также форма *пӱлӱн*: *Пӱлӱн энамӱл* 'Растет крапива'. *Пӱл – щит тӱрэн* 'Пӱл – это трава'. В основе другого наименования крапивы лежит сема 'жалить, жечь, уколоть': сын. *пелысӱты лыптӱт* 'колющиеся цветы', *пелысӱты йӱх* 'колющееся дерево (кусты)'. Это название крапива получила вследствие обжигающего свойства, харак-

терного воздействия растения на человека, животных. В недалеком прошлом ханты использовали крапиву для плетения веревок. Известно, что обские угры владели секретами крапивного ткачества, крапива служила материалом для изготовления тканей: *Пӱлӱн элты катра ийшкан верӱлӱса* 'Из крапивы в прошлом ткани изготовляли'. В современном хантыйском языке в активном употреблении находится и заимствованное слово *кӱрпива*.

В числе исследуемых фитонимов встретилось описательное название для подорожника: сын., ш. *курт хӱр тӱрэн*, к. *керт хӱр лыпӱт* 'подорожник (букв.: трава/растение территории деревни)'. Номинация указывает на место произрастания травы.

Главным мотивационным признаком, лежащим в основе наименования конопли, является форма листьев. Лист конопли сильно рассеченный, лопастный, причем число лопастей обычно бывает нечетным. Размер листьев увеличивается от основания стебля к его середине, но к верхушке наблюдается постепенное уменьшение числа лопастей. Форма листьев растения послужила причиной появления словосочетания: сын. *лӱпсӱн тӱрэн* 'конопля (букв.: трава с плоскими широкими [листьями])'. Коноплю также называют *лов тӱрэн* 'букв.: лошади трава', поскольку она является кормом для лошади.

Высокую траву с толстым полым стеблем, растущую в воде, у берегов рек, озер, ханты называют сын. *хӱлам* 'тростник, камыш, камыш озерный', *хӱлам тӱрэн* 'трава холам'. Листьев у травы нет, в высоту она достигает 3–5 м. Это растение очень любят лошади. Осенью, когда вода убывает, озера, речки пересыхают, трава *хӱлам* лежит на земле. В это время люди подбирают ее, заготавливают для животных. В коми языке лексема *холам* 'трава, растущая на заливных лугах' заимствована ижемскими коми, в XVIII–XIX вв. интенсивно переселявшимися в Северное Зауралье в поисках лучших пастбищ для оленей, охотничьих и рыболовных угодий. Переселившись, они перенимали слова, отражавшие специфические условия Нижнего Приобья [5, 104]. В ваховском

диалекте для обозначения травы камыш употребляется лексема *нәурьы*. Траву используют для изготовления циновок, которые плетут особым способом.

Осока в хантыйском языке называется сын., ш. *песлау*, *песлау торән* ‘трава осока’, в. *пэсләх* ‘осока’. Словом *песлау* называют также чертополох поникающий, растущий во влажных местах. Осока широко применялась в быту этноса в самых различных целях. Осеннюю траву собирали и плели из нее различные виды циновок для постели (*норы сэвля*, *тәхар*) либо использовали в качестве стелек для обуви (*вай иләм тәрән сэвля*). Материалом для изготовления циновок кроме осоки служили ситник, пырей и камыш. Из плетеной осоки шили круглые салфетки, на которых ели сырую рыбу. Практическое использование растения определило мотивационный признак «бытовое использование».

Для обозначения понятия солома в хантыйском языке служит словосочетание *сүс пелә нөвийя ийвәм тәрән*. В ваховском диалекте прошлогодняя высушенная трава называется *ләхы нам*. Побелевшую осеннюю траву используют в качестве стелек, плетут из нее также *норы* ‘циновка, сплетенная из травы’, *тәхар* ‘нижняя циновка из травы, кладущаяся под норы’.

В сухих сосновых лесах произрастает вечнозеленый стелющийся кустарник – толокнянка. В народной речи это растение имеет несколько наименований: с. *амп канәк* ‘букв.: собачья ягода’, сын. *лүк лэтырых* ‘медвежья ягода (букв.: ягода, которой питаются глухари)’, а также сакральную номинацию: сын. *ин икев вөһцитт* ‘медвежья ягода (букв.: собираемое стариком (медведем))’. В хантыйской культуре особое отношение к толокнянке, так как это *йэмән вөһцитт* ‘священная ягода (букв.: то, что собирают)’. Толокнянкой питаются глухари, медведи и другие животные, человеку есть ее нельзя. Как уже отмечалось, толокнянка несколько похожа на бруснику. Растения отличаются формой листьев. У брусники листья овальные, или эллипсовидные, на внутренней стороне – темные точки. У толокнянки листья, словно ушки медвежонка, – сверху широкие, книзу су-

женные. Поэтому в русском языке ее еще именуют медвежьим ушком. Толокнянкой растение назвали за мучнистую структуру ягод, которые, если их разжевать, напоминают толокно. Ягода толокнянки в отличие от сочной вкусной брусники – костянка, в которой всего пять косточек. Плоды растения невкусные и не относятся к съедобным. На Севере толокнянка растет в лесах, сухих сосновых борах, в тундре. Она не любит сильной влажности и тени, предпочитает места посуше и посветлее, может расти и на опушке. Носители хантыйских диалектов рассматривают данную ягоду как источник пищи для птиц и животных, что и является мотивационным признаком.

Растение дикий лук в хантыйской народной речи имеет несколько наименований в зависимости от признака, положенного в основу номинации: *лэты лүк* ‘лук, который едят (букв.: кушать, лук)’, сын. *унт лүк* ‘дикий лук (букв.: лесной лук)’, *пан лүк* ‘береговой лук (букв.: песчаный берег, лук)’, *тәрән лүк* ‘лук-трава’. В ваховском, васюганском говорах лук называется *әмп ньәләм* ‘черемша (полевой луг) (букв.: собаки язык)’. Диалектная номинация нередко дается растению на основе сходства с другими объектами. В русском языке номинация ‘собачий язык’ объясняется сходством формы листьев с языком животного [12]. Широкое распространение в хантыйском языке получило заимствование: ш., к. *лүк* – с замещением гласного звука в соответствии с фонетическими законами языка.

Для обозначения растений, используемых в качестве чая, в диалектах языка употребляются следующие наименования: сын. *унт шай* ‘иван-чай’, *шай лытэт* ‘лист для чая (букв.: чай, лист)’, *лытэт шай* ‘мята’, ‘таволга’, ‘иван-чай (букв.: листовый чай (лист, чай))’. В современном хантыйском языке распространена и заимствованная калькированная форма слова *иван-шай* ‘иван-чай’. В 1950–1960-е гг., когда еще не было плиточного чая или он был не так широко доступен, сынские ханты в деревнях собирали и заготавливали на зиму в холщовые (или джутовые) мешки таволгу. Зимой пили полезный и вкусный чай, заваренный из листьев и цветков растения.

Заключение

Изучение лексико-семантических групп в диалектах хантыйского языка способствует обогащению словарного состава, так как в них выявляются лексемы, которые в повседневной речи носителей языка часто не встречаются.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что в диалектах и говорах хантыйского языка имеется немалое количество названий дикорастущих трав, что демонстрирует богатство народной речи. Это связано с тем, что северный этнос использовал растения в быту, изготавливая из них постельные принадлежности, травы служили кровом для животных, людей, являлись кормом для птиц, домашних животных, а также, в ограниченном количестве, источником питания для людей, применялись в лечебных целях. Выявлено и описано большое количество диалектных наименований растений, которые прежде не были предметом специального лингвистического описания. В научный оборот введен ряд собственно диалектных наименований, не отмеченных ранее в словарях, научной литературе. Это разновидности хвоща: *лунт лэты тёрэн* 'хвощ приречный, речной', *нуль вой пухрац* 'хвощ птицы нуль вой', *калэн энэмты райц* 'хвощ болотный', наименования других трав: *хүв кърпи тёрэн* 'пырей', *пүл, пүл тёрэн* 'крапива', *лоссаң тёрэн* 'конопля', *хёлам* 'камыш, тростник', *пан лүк* 'береговой лук (букв.: песчаный берег, лук)', *тёрэн лүк* 'лук-трава', *нөх сухэтты тёрэн* 'сорняк (букв.: трава, которую выдергивают)', *лэтот шякэлты тёрэн* 'сорняки (букв.: портящая еду трава)' и т. д. Уточнено толкование слова *пухрац*, одно из его значений 'дягиль лекарственный' в словарях до сих пор не фиксировалось.

Нами собрано около 50 наименований трав, бытующих в северных и восточных диалектах хантыйского языка. Важное значение в их номинации имеет практическое применение растений в жизни хантов в качестве корма для животных, материала для использования в быту. Определенную роль в пополнении лексики растительного мира хантыйского языка сыграл иноязычный компонент. В составе данной лексики представлены шесть заимствованных номинативных единиц, проникших из русского и коми языков, в том числе калькированные формы: *тёрэн, кърпива, иван-шай, лүк, пырэй, кэти күйш*.

Одно и то же растение в хантыйском языке может иметь несколько названий. Признаки, положенные в основу номинации, разнообразны. В наименованиях травянистых растений отражаются особенности произрастания, формы, внешнего вида, характер воздействия на человека, функциональные свойства растения. Немаловажное значение имеет такой признак, как употребление птицами, животными в качестве корма. Особый интерес вызывают названия с переносной семантикой – метафорические и метонимические.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>аг.</i> –	аганский говор сургутского диалекта
<i>в.</i> –	ваховский диалект
<i>вас.</i> –	васюганский говор вах-васюганского диалекта
<i>к.</i> –	казымский диалект
<i>к.-з.</i> –	коми-зырянский язык
<i>пр.</i> –	приуральский диалект
<i>с.</i> –	сургутский диалект
<i>сын.</i> –	сынский диалект
<i>тр.-юг.</i> –	тром-юганский говор сургутского диалекта
<i>у.-аг.</i> –	усть-аганский говор сургутского диалекта
<i>у.-юг.</i> –	усть-юганский говор сургутского диалекта
<i>ш.</i> –	шурышкарский диалект
<i>юг.</i> –	юганский говор сургутского диалекта

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Григоренко Н. А. Лексика флоры и фауны в говорах камчадалов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2007. 22 с.
2. Заксор Л. Ж. Лексическая мотивация названий растений в нанайском языке // Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: сб. науч. тр. Санкт-Петербург, 1998. С. 89–94.
3. Заксор Л. Ж. Способы номинации растений в нанайском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2005. 24 с.

4. Иванов В. А. Названия растений средней полосы России (на материале калужских говоров): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1985. 22 с.
5. Игушев Е. А. Функционирование заимствований в ижемском диалекте коми языка // Вопросы лексикологии и словообразования коми языка. Сыктывкар, 1984. С. 103–106. (Труды института языка, литературы и истории; № 31).
6. Исаев Ю. Н. Фитонимическая картина мира в разноструктурных языках: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Чебоксары, 2016. 43 с.
7. Каскарова З. Е. Фитонимы общетюркского происхождения в хакасском литературном языке // Тюркская руника: язык, история, культура (к 120-летию дешифровки орхоно-енисейской письменности): материалы Междунар. науч. конф. (г. Кызыл, 10–11 июля 2013 г.). Абакан, 2013. Ч. 1. С. 123–125.
8. Каскаракова З. Е. Флоронимы как составная часть хакасской картины мира // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Абакан, 19–20 мая 2016 г.). Абакан, 2016. С. 195–198.
9. Каскаракова З. Е., Абдина Р. П., Белоглазов П. Е., Кызласов А. С. К вопросу об исследовании фитонимов хакасского языка // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 1 (74). С. 380–382.
10. Лельхова Ф. М. Номинации ягодной флоры в диалектах хантыйского языка // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 1. С. 6–11. DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.01.006-011
11. Лукьянова И. В. Диалектная фитонимика в когнитивно-ономазиологическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2018. 23 с.
12. Майер П. А. Форма в основе номинации растений в донских говорах // Молодой ученый. 2015. № 20 (100). С. 598–600.
13. Налетова Н. И. Названия растений в псковских говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2001. 18 с.
14. Ромбандеева Е. И. Этимология названий деревьев и кустарников в мансийском (вогульском) языке // Народы Северо-Западной Сибири. Томск, 2002. Вып. 9. С. 46–48.
15. Саввина Ю. Ю. Фитонимическая лексика елецких говоров: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Брянск, 2009. 25 с.
16. Садовникова И. И. Лексика, обозначающая растительный мир в эвенском языке // Проблемы родного языка в условиях глобализации и интеграции современного общества: сб. науч. ст. Якутск, 2007. С. 254–256.
17. Садовникова И. И. Лексика растительного мира в эвенском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2010. 18 с.
18. Садовникова И. И. Фитонимы в эвенском языке // Языки и фольклор народов Севера: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Е. А. Крейнвича (г. Якутск, 8 июня 2006 г.). Новосибирск, 2008. С. 78–80.
19. Сахарова О. В. Флористическая лексика селькупского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2010. 25 с.
20. Смирнова О. В. Лексика растительного мира в говорах Воронежской области (номинативный и лингвогеографический аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2002. 20 с.
21. Сумачакова М. В. Названия растений в чалканском диалекте алтайского языка // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2005. Вып. 17: Чалканский сборник. С. 63–85.

Поступила 15.10.2020, опубликована 25.12.2020

LEXICAL AND SEMANTIC FEATURES OF THE NAMES OF HERBACEOUS PLANTS IN DIALECTS OF THE KHANTY LANGUAGE

Fedosia M. Lelkhova,

*Candidate Sc. {Philology}, Leading Research Fellow,
Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development
(Khanty-Mansiysk, Russia), lelhovafm@yandex.ru*

Introduction. The vocabulary of the plant world of the Khanty language contains a significant amount of information, closely connected with ethno-mentality, ethnography and thinking of the people. In this regard, the study of vegetation seems to be one of the most interesting layers of the vocabulary, since it reflects the degree of practical and cultural development of the surrounding nature. The purpose of the article is to establish the lexical and semantic features of the nominations of wild-growing herbs, the definition of dialectal features. The aim of the research is to identify the nominations of herbs with the greatest possible completeness, to establish the lexical meaning of each name in dialects of the language. The relevance of the topic is determined by the research interest to the study of differences between the dialects in the theoretical and practical terms; the attention recently been paid to folk spiritual and material culture; and the loss of certain plant names in the modern Khanty language.

Materials and Methods. The study uses a set of methods and techniques for analyzing linguistic material: the method of semantic classification, lexical-semantic analysis, word-formation, linguistic-geographical analysis, as well as the elements of etymological analysis. The description is the main method for studying names of the plants. The source of the material is based on the vocabulary of the Khanty language, which was collected during field work; the source of Eastern dialects was the materials contained in lexicographic publications. When collecting the lexical material, the observation was conducted mainly on the speech of representatives of the older generation, as well as the people who have a traditional way of life, who retain the patterns of active spoken language. At the same time, not only facts that are in the active vocabulary of speakers were recorded, but also the words related to the passive vocabulary, which native speakers use only in conversations and sharing the memories of the past.

Results and Discussion. The study of dialectal material based on the names of plants in the Khanty language is of great research interest. The life of the Khanty people since ancient times is closely connected with nature, the vocabulary of the plant world covers almost all spheres of economic activity of the Khanty, thereby making up a significant part of their vocabulary. In Khanty linguistics, this vocabulary has not yet been the subject of a special and detailed study, which makes it an urgent research task for today. The article identifies the signs that underlie the motivation of plant names and highlights the borrowed words.

Conclusion. The collected vocabulary tells about the richness and vastness of phytonymic vocabulary of the Khanty language. The authors collected about 50 Khanty names of wild herbaceous plants in the Northern and Eastern dialects of the Khanty language. As a result of the research, new lexemes were identified and described, and the interpretation of the semantics of lexemes was clarified. Late borrowings of Russian origin are recorded. It was found that some dialect words are not actively used in the modern Khanty language. In flora vocabulary, the diversity and multiplicity of the nomination principles was revealed.

Key words: Khanty language; dialects; dialects; vocabulary; herbs; plant names; semantics; foreign language component; linguistics.

Acknowledgements: The author thanks the Pohjoishantin Šuryškarin kirjakielen kieliopin ja muiden apuneuvojen laatiminen project, and Koneen Säätiö foundation, with the help of which the expeditions to the northern Khanty were organized and lexical material on the topic was collected.

For citation: Lelkhova FM. Lexical and semantic features names of herbaceous plants in dialects of the Khanty language. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020; 12; 4: 400–410. (In Russian)

REFERENCES

1. Grigorenko NA. The vocabulary of flora and fauna in the dialects of the Kamchadals. Abstract of dis. ... Cand. of Philol. Sci. Iaroslavl', 2007. (In Russian)
2. Zaksor LZh. Lexical motivation of plant names in the Nanai language. *Iazyki narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: sb. nauch. tr.* = Languages of the peoples of the North, Siberia and the Far East. Collection of proceedings. Sankt-Peterburg; 1998: 89–94. (In Russian)
3. Zaksor LZh. Ways of nominating plants in the Nanai language. Abstract of dis. ... Cand. of Philol. Sci. Sankt-Peterburg; 2005. (In Russian)
4. Ivanov VA. The names of plants in central Russia (based on the Kaluga dialects). *Ab-*

- stract of dis. ... Cand. of Philol. Sci. Moskva; 1985. (In Russian)
5. Iğushev EA. The functioning of borrowings in the Izhma dialect of the Komi language. *Voprosy leksikologii i slovoobrazovaniia komi iazyka* = Questions of lexicology and word formation of the Komi language. Syktyvkar; 1984; 31: 103–106. (In Russian)
 6. Isaev YuN. Phytonymic picture of the world in different-structured languages. Abstract of dis. ... Ph.D. of Philol. Sci. Cheboksary, 2016. (In Russian)
 7. Kaskarova ZE. Phytonyms of common Turkic origin in the Khakass literary language. *Tiurkskaia runika: iazyk, istoriia, kul'tura (k 120-letiiu deshifrovki orkhono-eniseiskoi pis'mennosti): materialy Mezhdunar. nauch. konf.* = Türkic runic: language, history, culture (to the 120th anniversary of the decoding of the Orkhon-Yenisei writing). Materials of the International Scientific Conference. Abakan; 2013; 1: 123–125. (In Russian)
 8. Kaskarakova ZE. Floronyms as an integral part of the Khakass picture of the world. *Sokhranenie i razvitie iazykov i kul'tur korennykh narodov Sibiri: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* = Preservation and development of languages and cultures of the indigenous peoples of Siberia. Materials of the International Scientific and Practical Conference. Abakan; 2016: 195–198. (In Russian)
 9. Kaskarakova ZE, Abdina RP, Beloglazov PE, Kyzlasov AS. On the study of phytonyms of the Khakass language. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia* = World of Science, Culture, Education. 2009; 1 (74): 380–382. (In Russian)
 10. Lelkhova FM. Nominations of berries in the dialects of the Khanty language. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020; 12; 1: 6–11. DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.01.006-011 (In Russian)
 11. Lukyanova IV. Dialect phytonomy in the cognitive-onomasiological aspect. Abstract of dis. ... Cand. of Philol. Sci. Tomsk; 2018. (In Russian)
 12. Mayer PA. Form in the basis of the nomination of plants in the Don dialects. *Molodoi uchenyi* = Young scientist. 2015; 20 (100): 598–600. (In Russian)
 13. Naletova NI. The names of plants in Pskov dialects. Abstract of dis. ... Cand. of Philol. Sci. Pskov; 2001. (In Russian)
 14. Rombandeeva EI. Etymology of the names of trees and shrubs in the Mansi (Vogul) language. *Narody Severo-Zapadnoi Sibiri* = Peoples of North-West Siberia. Tomsk; 2002; 9: 46–48. (In Russian)
 15. Savvina YuYu. Phytonymic vocabulary of Yelets dialects. Abstract of dis. ... Cand. of Philol. Sci. Bryansk; 2009. (In Russian)
 16. Sadovnikova II. Vocabulary denoting the plant world in the Even language. *Problemy rodnogo iazyka v usloviakh globalizatsii i integratsii sovremennogo obshchestva: sb. nauch. st.* = Problems of the native language in the context of globalization and integration of modern society. Collection of scientific articles. Yakutsk; 2007: 254–256. (In Russian)
 17. Sadovnikova II. Plant lexicon in the Even language. Abstract of dis. ... Cand. of Philol. Sci. Sankt-Peterburg; 2010. (In Russian)
 18. Sadovnikova II. Phytonyms in the Even language. *Iazyki i fol'klor narodov Severa: materialy nauch.-prak. konf., posviashch. 100-letiiu so dnia rozhdeniia E. A. Kreinovicha* = Languages and folklore of the peoples of the North. Materials of the Scientific and Practical Conference. 100th anniversary of the birth of E. A. Kreinovich. Novosibirsk; 2008: 78–80. (In Russian)
 19. Sakharova OV. Floristic vocabulary of the Selkup language. Abstract of dis. ... Cand. of Philol. Sci. Tomsk; 2010. (In Russian)
 20. Smirnova OV. Plant lexicon in the dialects of the Voronezh region (nominative and linguo-geographical aspects). Abstract of dis. ... Cand. of Philol. Sci. Moskva; 2002. (In Russian)
 21. Sumachakova MV. Plant names in the Chalkan dialect of the Altai language. = Languages of the indigenous peoples of Siberia. Novosibirsk; 2005; 17: 63–85. (In Russian)

Submitted 15.10.2020, published 25.12.2020

ВЛИЯНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРЫ НА БРАЧНЫЕ УСТАНОВКИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ МОРДОВИИ (на примере г. Саранска)

Касаркина Елена Николаевна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»

(г. Саранск, РФ), eienovik@mail.ru

Антипова Алена Александровна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»

(г. Саранск, РФ), aljona.ntpv@mail.ru

Введение. Статья основана на результатах проведенного социологического исследования. Его актуальность обусловлена тем, что межличностные отношения в области добрачного поведения являются одними из приоритетных для молодежи. Результатом данных отношений является формирование собственного видения, мнения и позиции по отношению к созданию семьи и браку. Установки брачности формируются у молодых людей под влиянием социокультурных факторов, с которыми приходится сталкиваться как отдельному человеку, так и молодежи в целом в конкретном обществе. Цель работы: изучить мнения и позиции молодежи относительно заключения законного брака, проанализировать социокультурные факторы, наиболее значимые для формирования тенденций брачности.

Материалы и методы. Теоретико-методологическая основа работы представлена комплексом концепций и теоретических подходов в соответствии с предметом и проблемой исследования, потребовавшими обращения к методологическому инструментарию социологии семьи, психологии, педагогики, культурологии, социологии молодежи, демографии. Применялись общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения, интерпретации, системный метод, вторичный анализ эмпирических данных. Авторское эмпирическое исследование было проведено методом анкетирования.

Результаты исследования и их обсуждение. Проведен анкетный опрос молодежи г. Саранска с целью выявления социокультурных факторов, влияющих на развитие тенденций брачности. Всего опрошено 300 чел. в возрасте от 18 до 35 лет. В результате эмпирически обоснованы основные проблемы, препятствующие молодому поколению заключать законный брак, проанализированы факторы, значимые для жизнеустройства молодежи, в аспекте их позитивного либо негативного влияния на желание заключать законный брак, также выявлено влияние национального фактора на тенденции брачности молодежи.

Заключение. Эмпирически обосновано, что ключевыми социокультурными факторами, определяющими тенденции брачности современной молодежи Мордовии, являются одновременно и внутренние (наличие/отсутствие подходящей кандидатуры на роль брачного партнера, взаимной любви), и внешние (отсутствие/наличие отдельного жилья, образования, работы, национальная принадлежность) факторы. В целом современные молодые люди весьма последовательны в своей позиции относительно брака. Влияние национального фактора наиболее отчетливо прослеживается в вопросах, касающихся социокультурных, моральных аспектов добрачного поведения. Научная новизна исследования состоит в том, что проведен концептуальный и эмпирический анализ влияния социокультурных факторов, в том числе национального фактора, на мнения и позиции молодежи относительно заключения законного брака.

Ключевые слова: социокультура; брачные установки; молодежь Мордовии.

Для цитирования: Касаркина Е. Н., Антипова А. А. Влияние социокультуры на брачные установки современной молодежи Мордовии (на примере г. Саранска) // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 4. С. 411–422.

Введение

Молодежь – это категория населения, которая находится в поиске своего пути к достижению успеха и счастья. Немаловажное место в таком поиске имеет формирование собственной позиции по отношению к браку и созданию семьи. Она формируется под влиянием социокультурных факторов, с которыми приходит-

ся сталкиваться в тот или иной период и конкретному молодому человеку, и молодежи в целом.

Интерес к изучению характеристик молодежи как в нашей стране, так и за рубежом возник довольно давно. Одно из первых определений понятия «молодежь» в отечественной науке было предложено В. Т. Лисовским (1968 г.): «Молодежь –

поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции; в зависимости от конкретных исторических условий возрастные критерии молодежи могут колебаться от 16 до 30 лет»¹. Позднее более полное определение было дано И. С. Коном: «Молодежь – социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств»².

Качественные характеристики молодежи определяются, во-первых, тем, что ее социально-экономическое и политическое положение, духовный мир находятся в состоянии становления и незавершенности³. Во-вторых, к особенностям молодежной когорты относится высокий уровень дифференциации. Как отмечает И. С. Кон, «реальное положение молодежи в современном мире противоречиво, а сама она неоднородна»⁴. В-третьих, молодежь в целом обладает повышенной мобильностью что обусловлено возрастными психофизиологическими особенностями, незавершенностью реализации устойчивого профессионального статуса, высокой степенью групповой идентификации. В силу этого мобилизация молодежи на протест или поддержку по сравнению с другими когортами протекает проще⁵. В-четвертых, специфическое положение молодежи определяется той социальной функцией, которую она выполняет в обществе. В результате смены поколений осуществляется простое или расширенное воспроизводство социальной структуры общества [6, 41].

Зарубежными учеными также отмечается неоднозначность факторов, влияющих на современную молодежь. Подчер-

кивается, что в настоящее время молодые люди сталкиваются с более широким диапазоном неопределенности и проблем, чем в любую другую предыдущую эпоху [11, 131–132]. Одни авторы считают, что эта неопределенность связана с желанием и возможностью молодежи построить новую модель жизненного пути, сосредоточенного на карьере [15, 10–11]. Другие исследователи акцентируют внимание на затруднениях молодежи при реализации своих стремлений в отношении построения семейной жизни [14, 153].

Приведенные характеристики молодежи во многом объясняют то, что отношение к ней всегда являлось актуальным для государства и общества. Молодежь – это не саморазвивающаяся система, ее жизнь определяется существующими социально-экономическими и политическими условиями⁶.

Статистика свидетельствует об увеличении возраста вступления в брак молодежи. Так, во второй половине XIX в. в России девушки вступали в брак в интервале 13–16 лет, юноши – 17–18 лет [4]. По данным всероссийских переписей населения, расчетный возраст вступления в первый брак был следующим (мужчины и женщины): 1926 г. – 23,0 и 20,9 года; 1979 г. – 24,2 и 21,5 года; 1989 г. – 24,4 и 21,6 года; 1994 г. – 24,5 и 21,8 года; 2002 г. – 26,1–26,3 и 23,6–23,7 года; 2010 г. – 26,6–27,0 и 24,2–24,5 года⁷.

В настоящее время в России, как и в других, в частности европейских, странах, очень остро стоит проблема изменения демографической ситуации. С учетом того что в гражданском союзе рождается мало детей, так как пара не стремится к этому, государству важно поддерживать именно официальный брак [8, 27]. Установлено, что на брачность молодежи в России влияет ряд социокультурных факторов.

¹ Социология молодежи: учеб. / под общ. ред. проф. В. Т. Лисовского. Санкт-Петербург, 1996. С. 25.

² Кон И. С. Социология молодежи: крат. слов. по социологии. Москва, 1999. С. 15.

³ См.: Бабинцев В. П., Коврижных Ю. В., Реутов Е. В. Социология молодежи: учеб. Белгород, 2008. С. 51.

⁴ Кон И. С. Указ. соч. С. 53.

⁵ См.: Бабинцев В. П., Коврижных Ю. В., Реутов Е. В. Указ. соч. С. 54.

⁶ См.: Социология молодежи: учеб. / под ред. Р. В. Ленькова. Москва, 2015. С. 31.

⁷ См.: Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 16.08.2019).

1. Увеличение числа сожительства у молодежи и относительно низкие показатели регистрируемой брачности. В дореволюционной России не существовало иной признанной государством и обществом формы брачного союза, кроме брака церковного. На рубеже XIX–XX столетий интересы церкви, государства и общества в вопросах укрепления брака и поддержки семьи практически совпали. Однако с наступлением XX в. началась ломка патриархальных устоев, существовавшей веками системы традиций, ценностей и норм поведения, которая затронула и брачные отношения. В середине 1990-х гг. закончился «золотой век» традиционного брака в России, что выразилось в увеличении брачного возраста, распространении совместного проживания без регистрации отношений, росте доли детей, рожденных вне зарегистрированного брака.

2. Демографический кризис. Социально-демографическая ситуация в России уже давно оценивается как критическая и является предметом обсуждения в политических, научных и общественных кругах. Хотя Россия и занимает первое место в мире по площади территории, она стремительно теряет свои позиции на демографическом поле. Демографическая проблема – первопричина и следствие кризиса института семьи. Сокращение численности постоянного населения России влияет на уменьшение количества потенциальных брачных партнеров.

3. Потребительское отношение к жизни. Повышение ценности материального благополучия, профессионального статуса и неготовность (нежелание) к несению брачно-семейной ответственности. В настоящее время среди молодых людей отмечается тенденция отложить или даже отказаться от создания семьи, бра-

ка и рождения детей. Желание построить карьеру, приобрести финансовую независимость и самостоятельность влияют на возраст вступления в брак и рождения детей.

Таким образом, последствиями влияния социокультуры на брачные установки современной российской молодежи являются увеличение брачного возраста, распространение совместного проживания без регистрации отношений, рост доли детей, рожденных вне зарегистрированного брака. Потребительское отношение к жизни также выступает фактором, влияющим на повышение брачного возраста. Оно проявляется в формировании у молодых людей западной ментальности, основанной на ценностях потребительского индивидуализма, в росте деструктивизма и девиации в молодежной среде, обусловленном нарастанием индивидуалистских устремлений. На динамику брачного возраста современной молодежи влияют также повышение ценности материального благополучия, профессионального статуса и неготовность (нежелание) к несению брачно-семейной ответственности.

Обзор литературы

Позиции общества и государства по отношению к молодежи, разным аспектам ее жизнеустройства, в том числе к факторам, влияющим на тенденции брачности в молодежной среде, активно изучаются в современной науке, в частности А. Брадик [1], И. Ф. Дементьевой [2], О. А. Коряковцевой и М. И. Рожковым⁸, А. В. Медведевой [5], И. Г. Тарент⁹ и другими учеными.

Основные проблемы молодежи на современном этапе рассматривают В. П. Бабинцев¹⁰, С. С. Бразевич и Я. В. Кондратьева¹¹, Ю. Г. Волков¹², Ю. А. Зубок,

⁸ См.: Коряковцева О. А., Рожков М. И. Комплексная поддержка молодой семьи: учеб.-метод. пособие. Москва, 2008; Рожков М. И. Педагогическое обеспечение работы с молодежью. Юногика: учеб. пособие. Москва, 2008.

⁹ См.: Тарент И. Г., Юдников С. А. Система социальной защиты населения в Российской Федерации: учеб. пособие. Ногинск, 2015.

¹⁰ См.: Бабинцев В. П., Коврижных Ю. В., Реутов Е. В. Указ. соч.

¹¹ См.: Бразевич С. С., Кондратьева Я. В., Слущий Е. Г. и др. Проблемы социальной работы с молодежью: учеб. пособие. Санкт-Петербург, 2006.

¹² См.: Социология молодежи: учеб. пособие / под ред. проф. Ю. Г. Волкова. Ростов-на-Дону, 2001.

Т. К. Ростовская, М. Л. Смакотина, К. Уильямс, В. И. Чупров¹³, Р. В. Ленъков¹⁴, В. Т. Лисовский¹⁵ и др. В частности, В. Т. Лисовский делит проблемы молодежи на две большие группы. К первой он относит специфические молодежные социальные проблемы: «определение сущности молодежи как общественной группы, ее роли и места в воспроизводстве общества; установление критериев ее возрастных границ; изучение запросов, потребностей, интересов и способов деятельности молодого поколения; исследование специфики процесса социализации молодых людей...»; ко второй – «проблемы, которые являются общесоциологическими и в то же время либо преимущественно касаются молодежи (проблемы образования, семьи, брака), либо находят специфическое проявление в молодежной среде (особенности воспитания молодежи, эффективность его различных форм, средств и методов, развитие социальной и политической активности молодежи...)»¹⁶.

Социокультурные факторы, влияющие на мнения и позиции молодежи относительно создания семьи и вступления в брак, изучены В. И. Жуковым [3], Е. И. Зритневой¹⁷, М. Н. Салаевой, Т. А. Салаевой [7], М. В. Щербаковой¹⁸. Так, М. В. Щербакова социокультурные факторы, влияющие на брачный выбор в современном обществе, подразделяет на факторы микроуровня – друзья/сверстники (референтная группа) и родительская семья – и факторы мезоуровня, которые представлены институциональными образованиями, – религия, СМИ, образование¹⁹. По мнению В. И. Жукова, проблемы возникают и при создании молодыми людьми семьи: это совместимость характеров, планирование рождения ребен-

ка, его воспитание, преодоление различных кризисов, недостаток материальных средств и т. д. [3, 21–24]. В попытке избежать их молодые люди часто откладывают вступление в брак «до лучших времен», до тех пор, пока не будут уверены в завтрашнем дне. Можно предположить, что «изменения, которые сегодня наблюдаются в брачно-семейном поведении молодежи, свидетельствуют о поисках оптимальных форм адаптации молодого поколения к постоянно меняющимся условиям жизни современной семьи. Это вынужденные стратегии, однако ценность семьи остается главной в структуре ценностей современных молодых людей» [12, 24].

В работах зарубежных авторов U. Baeck [10], M. Ule, M. Kuhar [14], H. Vinken [15] отмечается, что происходит трансформация брачно-семейных ориентаций молодежи в рамках смены традиционного типа семьи современным, но в целом этот процесс имеет позитивную направленность.

Относительно молодежи Мордовии в числе значимых социокультурных факторов необходимо отметить языковую особенность региона. Национальный фактор является одним из тех, которые традиционно изучаются как определяющие тенденции брачности подрастающего поколения. Ряд авторов (N. Aasmäe, K. Rajusalu, N. Kabajeva [9], E. N. Kasarkina, T. V. Solovieva, D. A. Bistiaykina, E. G. Pankova, A. A. Antipova [12], N. M. Mosina, M. V. Mosin, N. V. Chinaeva [13]) анализируют влияние на формирование подрастающего поколения эрзян фактора их нахождения в среде русскоязычного населения, тесного общения с детьми и взрослыми на русском языке. Это важный фактор, поскольку с языком

¹³ См.: Зубок Ю. А., Ростовская Т. К., Смакотина М. Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. Москва, 2016; Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. Москва, 2001.

¹⁴ См.: Социология молодежи: учеб. / под ред. Р. В. Ленъкова.

¹⁵ См.: Социология молодежи: учеб. / под общ. ред. проф. В. Т. Лисовского.

¹⁶ Там же. С. 36–37.

¹⁷ См.: Зритнева Е. И. Воспитание будущего семьянина в современной России. Ставрополь, 2005.

¹⁸ См.: Щербакова М. В. Трансформация брачного выбора в современных условиях: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2018.

¹⁹ Там же. С. 12.

прививаются и определенные ценности, в общем течении жизни вычлняются отдельные явления и процессы. Если дети с раннего возраста одновременно разговаривают на двух языках, то в процессе подрастания они, с одной стороны, проще и быстрее усваивают новую информацию (так как обучение происходит преимущественно на русском языке), легче устанавливают контакты со сверстниками – и с эззянами, и с русскими (так как хорошо владеют русским языком, у них не возникает комплексов из-за неправильного произнесения слов, наличия акцента и т. п.), а с другой – быстрее могут утратить свои национальные ценности, идентичность, в том числе представления о будущей семье, так как рано начинают приобщаться к культуре другой национальности.

Анализ литературы свидетельствует, что вопросы, касающиеся характеристик молодежи, социокультурных факторов, влияющих на формирование этих характеристик, в частности тенденций брачности в молодежной среде, являются довольно обсуждаемыми в научных кругах и актуальными. При рассмотрении данных тенденций у молодежи Мордовии к числу значимых факторов наряду с общими качественными характеристиками современных молодых людей следует отнести национально-языковой.

Все вышесказанное обуславливает необходимость проведения комплексного исследования, посвященного анализу влияния социокультурных факторов на тенденции брачности современной молодежи Мордовии.

Материалы и методы

На базе кафедры социальной работы Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва было проведено исследование, целью которого явились изучение мнений и позиций молодежи относительно заключения законного брака, анализ социокультурных факторов, наиболее значимых для формирования тенденций брачности. Объектом исследования послужила молодежь г. Саранска (в возрасте от 18 до 35 лет), предметом –

социокультурные факторы, влияющие на развитие у нее тенденций брачности. Всего опрошено 300 чел., отобранных по ряду критериев: 1) возраст от 18 до 35 лет; 2) не имеющие детей; 3) не имеющие опыта законного брака.

Достижение указанной цели предполагало решение следующих задач:

1) выявить основные проблемы, препятствующие желанию молодежи г. Саранска заключать законный брак или влияющие на него негативно;

2) проанализировать факторы, значимые для жизнеустройства молодежи Саранска, в аспекте их позитивного либо негативного влияния на желание заключать законный брак;

3) выявить влияние национального фактора на тенденции брачности молодежи Мордовии.

Научная новизна в решении поставленных задач состоит в том, что проведен концептуальный и эмпирический анализ влияния социокультурных факторов, в том числе национального, на мнения и позиции молодежи по отношению к заключению законного брака.

Изучение в числе прочих национального фактора представляется актуальным, так как Мордовия является национальной республикой, где помимо составляющих большинство населения русского и титульного мордовского (эззя, мокша) этносов активно представлен татарский, а также ряд других.

Эмпирическое исследование влияния социокультурных факторов на тенденции брачности современной молодежи Мордовии было проведено методом анкетирования, основным инструментарием выступила анкета социологического опроса молодежи.

Хронологические рамки исследования – январь – апрель 2018 г.

Среди опрошенных лица мужского пола составили 35 %, женского – 65 %. По указанной национальной принадлежности был выделены следующие группы: 71,4 % – русский (русская), 20,4 – мордвин (мордовка), 5,1 % – татарин (татарка); принадлежность к другой национальности отметили 3,1 %.

Таблица 1. Факторы, мешающие респондентам вступить в законный брак в ближайшее время (в течение 1–2 лет), % (при возможности выбора не более трех вариантов ответа)

Table 1. Factors preventing respondents from getting married legally in the nearest future (in 1–2 years), % (if no more than three respond options are selected)

Фактор, мешающий вступить в законный брак / Factors preventing respondents from getting married legally	Доля ответов Responses
Отсутствие работы / Unemployment	89,7
Незаконченное профессиональное образование / Unfinished tertiary education	81,6
Отсутствие своего отдельного жилья / No property in ownship	67,3
Отсутствие подходящего брачного партнера/партнерши / Lack of a suitable marital partner	67,3
Неустойчивое материальное положение / Unstable financial situation	59,2
Зависимость от родителей/родственников / Dependence on parents/relatives	25,5
Запрет родителей/родственников / Prohibition of parents/relatives	15,3
Слишком молодой возраст / Too young age	10,2
Необходимость проверить отношения в незарегистрированных отношениях / The need to check relationships in unregistered relationships	8,1
Законный брак – это сейчас не модно / Legal marriage is not fashionable right now	4,1
Другое / Other	0

По роду занятий респонденты в основном были студентами организаций высшего образования: Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, Саранского кооперативного института Российского университета кооперации. Участие в опросе приняли также студенты Саранского политехнического техникума, Саранского музыкального училища им. Л. П. Кирюкова, работники ДЮСШ, гимназии № 20 им. Героя Советского Союза В. Б. Миронова.

Отвечая на вопрос о месте проживания до момента приезда в Саранск, 37,7 % респондентов указали, что всегда проживали в Саранске, 28,5 – переехали из сельской местности, 21,1 – приехали из другого города, 12,7 % – из поселка городского типа.

Результаты исследования и их обсуждение

Приведенный выше анализ взглядов различных авторов позволил нам, в свою очередь, в числе социокультурных факторов, определяющих тенденции брачности современной молодежи Мордовии, выделить внешние, сложившиеся в современной социокультуре (уровень материальной обеспеченности, отсутствие/наличие отдельного жилья, образования,

работы), и внутренние, характеризующие ценностно-эмоциональные позиции молодежи по отношению к семье и браку (наличие/отсутствие подходящей кандидатуры на роль брачного партнера, взаимной любви).

Для определения позиции молодых людей по отношению к браку нам важно было выяснить, собираются ли респонденты вступить в законный брак в ближайшее время (в течение 1–2 лет). 39,2 % опрошенных ответили «нет, скорее всего», 30,6 – «нет, определенно», 10,2 – «да, скорее всего», 9,8 % – «да, определенно». Следовательно, для большинства опрошенных молодых людей создание семьи не является в настоящее время приоритетной задачей, хотя они находятся в возрасте, когда общение с противоположным полом происходит наиболее активно.

Среди основных факторов, которые препятствуют вступлению в законный брак в ближайшее время, респонденты отметили следующие: 89,7 % – отсутствие работы, 81,6 – незаконченное профессиональное образование, 67,3 – отсутствие своего отдельного жилья, столько же – отсутствие подходящего брачного партнера/партнерши, 59,2 % – неустойчивое материальное положение (табл. 1).

Полученные ответы свидетельствуют, что большинство опрошенных молодых людей осознанно подходят к созданию семьи. Это позволяет нам констатировать,

Таблица 2. Критерии, наиболее подходящие для определения времени вступления в законный брак, % (при возможности выбора не более трех вариантов ответа)

Table 2. Criteria most suitable for determining the time of marriage, % (if no more than three respond options are selected)

Критерий для определения времени вступления в законный брак / Criteria most suitable for determining the time of marriage	Доля ответов Responses
Наличие подходящего брачного партнера / The right marriage partner	100,0
Достижение материального благополучия, материальной независимости / Material prosperity, financial independence	96,7
Взаимная любовь / Mutual love	89,7
Наличие собственного жилья / Property of ownship	81,6
Трудоустройство / Employment	64,2
Окончание вуза или ссуза / Graduating from university or Vocational School	34,2
Наступление возраста, при котором затягивать со вступлением в брак уже нельзя / Age at which it is no longer possible to delay the marriage	25,5
Достижение социально-психологической зрелости / Achieving socio-psychological maturity	25,5
Обретение независимости от родительской семьи / Gaining independence from the parent family	20,4
Неважно когда, главное желание / No matter when, the intention is the most important thing	8,1
Беременность девушки / Pregnancy	5,1
Другое / Other	0

что к числу наиболее значимых социокультурных факторов, которые учитывают молодые люди при принятии решения в сфере брачности, относится сложившаяся социально-экономическая ситуация и материальный «базис», способный в дальнейшем обеспечить достойный уровень жизни семьи.

Однако было бы неправильным утверждать, что современная молодежь Мордовии к вопросу создания семьи и брака подходит только с материальной позиции. Среди критериев, наиболее подходящих для определения времени вступления в законный брак, 100 % респондентов отметили наличие подходящего брачного партнера (табл. 2). Это говорит о том, что значимым фактором при принятии молодыми людьми решения о создании семьи является также фактор личной симпатии и душевной близости с потенциальным партнером. Из других критериев опрошенными выделены достижение материального благополучия, материальной независимости – 96,7 %, взаимная любовь – 89,7, наличие собственного жилья – 81,6, трудоустройство – 64,2 %.

Из данных табл. 1, 2 можно также увидеть, что к числу факторов, влияющих на позиции молодежи относительно семьи и

брака в современной социокультуре, относится увеличение периода получения образования. Если в советский период граждане после получения высшего образования выходили на работу примерно в 22 года (в традиционном обществе еще раньше), то сейчас молодежь, окончившая магистратуру, начинает трудовую деятельность в 24–25 лет. 81,6 % опрошенных отметили, что незаконченное профессиональное образование является причиной, по которой они откладывают вступление в брак. По мнению 34,2 % молодых людей, окончание вуза или ссуза является важным критерием для определения времени вступления в законный брак.

Одной из задач исследования было выявление влияния национального фактора на тенденции брачности молодежи Мордовии. Для решения данной задачи мы попытались определить специфику ответов респондентов в разрезе указанной ими национальности. Как оказалось, факторы, выбранные ими как значимые, в целом совпадают. Это свидетельствует об отсутствии среди молодежи Мордовии выраженных национальных различий во взглядах на семью и брак.

Национальный аспект отмечается в ответах на вопрос, касающийся неза-

регистрированных браков и неограниченных моральных принципов половой жизни. Среди опрошенной молодежи выявлено разное отношение к подобным явлениям:

1) отрицательное (29,8 %), высказываемое молодыми людьми, выбирающими традиционные устои брака, не приемлющими добрачные половые отношения, стремящимися только к законному браку между мужчиной и женщиной. Среди выразивших такое отношение большинство составили представители татарской и мордовской национальностей;

2) положительное (16,3 %), которого придерживается в основном молодежь, поддерживающая данный вид отношений, отмечающая удобства данной формы отношений как подготовки к созданию семьи. Среди этих респондентов представителей татарской национальности практически не оказалось;

3) нейтральное (53,9 %), которое основано на безразличном отношении к различным формам брачно-семейных отношений. Выразившие такое отношение молодые люди не отрицают как традиционный брак, так и его современные альтернативные конфигурации, считают, что не имеет большого значения то, как называются формально отношения между людьми, если им хорошо вместе. По этой позиции ярко выраженной национальной специфики не отмечено.

Приведенные данные позволяют сказать, что среди молодых людей, идентифицирующих себя с мордовской и татарской национальностями, больше тех, кто сохраняет традиционные взгляды на форму брака и в вопросе половых отношений.

Молодая семья на первых этапах своей жизни имеет множество проблем. Часто молодоженам необходима поддержка со стороны, в том числе со стороны государства. В ряде случаев это становится важнейшим фактором не только при возникновении проблем у молодой семьи, но и на стадии принятия решения о заключении брака. Потенциальные супруги, принимая это решение, в числе прочего могут учитывать и информацию о формах

поддержки, на которые они смогут претендовать, вступив в брак. В ходе исследования выяснялось, рассчитывают ли молодые люди на помощь государства в своей будущей семье. Как показали ответы респондентов, 37,7 % из них «скорее рассчитывают» на такую помощь; 17,1 – рассчитывают, полагая, что без нее будет очень тяжело; 16,3 – не надеются на помощь государства; 10,6 % не собираются в будущем обращаться за помощью к государству, так как считают, что смогут самостоятельно обеспечивать семью.

В то же время при ответе на вопрос о том, какие сферы жизнедеятельности молодежи Саранска в настоящее время являются наименее социально защищенными (при возможности выбрать несколько вариантов ответа), 76,6 % опрошенных отметили сферу образования, 71,4 – сферу труда и занятости, 50,4 – сферу здравоохранения и медицинских услуг, столько же – сферу жилищно-коммунальных и бытовых услуг.

В качестве дополнительных мер поддержки, которые могли бы способствовать заключению законного брака среди молодежи Саранска, предлагались устранение очереди на получение жилья, увеличение размера субсидии на приобретение жилья, снижение процентной ставки на ипотеку. Исходя из этого сделан вывод, что жилищная сфера находится в центре внимания современной молодежи. Кроме того, поступили предложения от респондентов улучшить ситуацию с трудоустройством молодежи, предоставлять рабочие места после окончания вузов и обеспечивать достойную заработную плату. Также были отмечены увеличение размера материнского (семейного) капитала и введение такового на первого ребенка.

По национальному признаку существенной разницы в ответах на вопросы, касающиеся государственной помощи, не обнаружено. Это позволило сделать вывод, что современная молодежь любой национальности вполне осведомлена о деятельности государства в области молодежной политики. То, насколько эта информация влияет на решение молодых

людей о браке, зависит скорее от их личной позиции и социально-экономического положения семьи и мало связано с национальными особенностями.

Заключение

В результате исследования было выявлено, что в момент решения вопроса о создании семьи и заключении брака молодые люди руководствуются как внутренними, так и внешними факторами, сложившимися в социокультуре. Основными факторами, удерживающими молодежь Мордовии от вступления в законный брак, являются отсутствие подходящей кандидатуры на роль будущего супруга/супруги (внутренний фактор), отсутствие отдельного жилья, незаконченное образование и отсутствие работы (внешний фактор). При этом решающим фактором для принятия решения о создании семьи и регистрации брака выступает наличие подходящего брачного партнера, взаимной любви (внутренний фактор), достижение материального благополучия, материальной независимости, наличие собственного жилья, трудоустройство (внешний фактор). Эти группы факторов соответствуют друг другу и свидетельствуют о весьма последовательном и обдуманном подходе современных молодых людей к вопросу семьи и брака.

Большинство молодых людей отмечают необходимость помощи государства на начальных этапах становления семьи.

Государственная поддержка молодой семьи видится ими в качестве одного из важных факторов, способных позитивно влиять на желание молодежи заключить законный брак. Наиболее уязвимыми сферами жизни молодые люди считают сферы образования, труда и занятости, здравоохранения и медицинских услуг, а также жилищно-коммунальную и бытовую сферу. Стабилизировать ситуацию в данных сферах молодая семья не может без создания благоприятных внешних условий.

Для современной молодежи Мордовии национальный фактор не имеет столь большой значимости, как раньше. Наиболее отчетливо он проявился в вопросах, касающихся социокультурных, моральных аспектов добрачного поведения. Например, данные, полученные об отношении к незарегистрированному браку и половой жизни вне брака, свидетельствуют, что среди молодых людей, идентифицирующих себя с мордовской и татарской национальностями, больше тех, кто сохраняет традиционные взгляды на форму брака и по вопросу половых отношений. Относительно внешних факторов (государственной политики, деятельности различных учреждений и т. п.) молодежь всех национальностей проявила довольно высокий уровень осведомленности, а степень их влияния на вопрос создания семьи и брака оценивала с точки зрения личной ситуации, своих актуальных возможностей и потребностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бродик А. Формирование у молодежи осознанного отношения к созданию семьи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. Вып. 16 (622). С. 42–49.
2. Дементьева И. Ф. Трансформация ценностных ориентаций в современной российской семье // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2004. № 1 (6). С. 93–100.
3. Жуков В. И. Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития // Социальная политика и социология. 2014. № 2 (103). С. 7–28.
4. Захаров С. Брачность в России: история и современность // Демоскоп Weekly. 2006. № 261–262. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0261/tema01.php> (дата обращения: 28.04.2020).

5. Медведева А. В. Социальная защита молодежи в Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2009. № 2 (65). С. 209–213.
6. Рогова А. М. Особенности формирования семейных ценностей у современной российской молодежи // Современные проблемы науки и образования. 2007. № 2. С. 40–45.
7. Салаева М. Н., Салаева Т. А. Роль семейно-обрядовой культуры мордовского народа в формировании этнического самосознания молодежи конца XIX – начала XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 4 (54). Ч. 1. С. 155–157.
8. Устинова О. В. Тенденции и перспективы брачности в России // Социология человека. 2016. № 1. С. 17–27.
9. Aasmäe N., Pajusalu K., Kabajeva N. Geminatio in the mordvin languages // *Linguistica Uralica*. 2016. Vol. 52, no. 2. P. 81–92.
10. Baeck U. The Urban Ethos: Locality and youth in north Norway // *Young*. 2004. Vol. 12, no. 2. P. 99–115.
11. Jeffrey C., McDowland L. Youth in a Comparative Perspective: Global Change, Local Lives // *Youth and Society*. 2004. Vol. 36. P. 131–142.
12. Kasarkina E. N., Solovieva T. V., Bistiaykina D. A., Pankova E. G., Antipova A. A. Family values of youth in modern socio-demographic situation in Russia // *Calitatea Vietii*. 2018. Vol. 29, no. 1. P. 23–43.
13. Mosina N. M., Mosin M. V., Chinaeva N. V. The reflection of bilingualism in the speech of preschool children speaking native (Erzya) and non-native (Russian) language // *Russian Linguistic Bulletin*. 2016. No. 1 (5). P. 4–5.
14. Ule M., Kuhar M. Orientations of young adults in Slovenia toward the family formation // *Young*. 2008. Vol. 16, no. 2. P. 153–183.
15. Vinken H. New life course dynamics? Career orientations, work values and future perceptions of Dutch youth // *Young*. 2007. Vol. 15, no. 1. P. 9–30.

Поступила 21.05.2020, опубликована 25.12.2020

INFLUENCE OF SOCIO-CULTURAL ATTITUDES ON MARRIAGE OF MODERN YOUTH IN MORDOVIA (on the example of Saransk)

Elena N. Kasarkina,

*Candidate Sc. {Sociology}, Associate Professor,
Department of Social Work,
National Research Mordovia State University
(Saransk, Russia), eienovik@mail.ru*

Alyona A. Antipova,

*Candidate Sc. {Sociology}, Associate Professor,
Department of Social Work,
National Research Mordovia State University
(Saransk, Russia), aljona.ntpv@mail.ru*

Introduction. The article is based on the results of a sociological study. The relevance of the research is based on the fact that building interpersonal relationships in the field of premarital behavior is one of the priorities for young people. The result of these relationships is the formation of their own vision, opinion and position in relation to the creation of a family and marriage. Marriage attitudes are formed in young people under the influence of socio-cultural factors that have to be faced both by an individual and by young people of a particular society. The purpose of the article is to study the opinions and needs of young people regarding the of legal marriage, to analyze the socio-cultural factors, which are the most important for the formation of marriage trends.

Materials and Methods. The theoretical and methodological basis of the work is represented by a set of concepts and theoretical approaches in accordance with the subject and the problem of the article. It required reference to the methodological tools of family sociology, psychology, pedagogy, cultural studies, youth sociology, and demography. General research methods of analysis, synthesis, comparison, generalization, interpretation, system method, and secondary analysis of empirical data were used. The authors' empirical research was conducted using the questionnaire method.

Results and Discussion. The authors conducted a survey of young people in Saransk. A total of 300 people were interviewed. The object of the study is young people aged 18 to 35 y.o., the subject is socio-cultural factors that influence the development of their marriage tendencies. The article empirically substantiates the main issues hindering youth from a legal marriage, analyzes the factors important for the life of the youth in Saransk in terms of their positive or negative impact on legal marriage. It also reveals the influence of national factors on trends in marriages among young people.

Conclusion. The article empirically proves that the key socio-cultural factors that determine the marriage trends among the modern youth in Mordovia are both internal (the presence/absence of a suitable candidate for the role of a spouse, mutual love) and external (the absence/availability of separate housing, education, work, nationality) factors. In general, modern young people are very consistent in their position regarding marriage. The influence of the national factor is most significantly traced in issues related to the socio-cultural and moral aspects of premarital behavior. The novelty of the article is based on conceptual and empirical analysis of the influence of socio-cultural factors, including the national factor, opinions of young people in relation to legal marriage.

Key words: social culture; marriage setup; the youth of Mordovia.

For citation: Kasarkina EN, Antipova AA. Influence of socio-cultural attitudes on marriage of modern youth in Mordovia (on the example of Saransk). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020; 12; 4: 411–422. (In Russian)

REFERENCES

1. Bradik A. Formation of a conscious attitude of young people to the creation of a family. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* = Bulletin of the Moscow State Linguistic University. 2011; 16 (622): 42–49. (In Russian)
2. Dement'eva IF. Transformation of value orientations in the modern Russian family. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Ser.: Sotsiologiya* = Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2004; 1 (6): 93–100. (In Russian)
3. Zhukov VI. The youth of Moscow: value priorities, strategies of behavior and prospects of development. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya* = Social policy and sociology. 2014; 2 (103): 7–28. (In Russian)

4. Zaharov S. Marriage in Russia: history and modernity. *Demoskop Weekly* = Demoscope Weekly. 2006; 261–262. Available from: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0261/tema01.php> (accessed 28.04.2020). (In Russian)
5. Medvedeva AV. Social protection of youth in the Russian Federation. *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal* = Russian law journal. 2009; 2 (65): 209–213. (In Russian)
6. Rogova AM. Features of formation of family values in modern Russian youth. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia* = Modern problems of science and education. 2007; 2: 40–45. (In Russian)
7. Salaeva MN, Salaeva TA. The role of family and ritual culture of the Mordovian people in the formation of ethnic identity of young people of the late XIX – early XX century. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* = Historical, philosophical, political, and legal Sciences, cultural studies, and art history. Questions of theory and practice. 2015; 4 (54): 1: 155–157. (In Russian)
8. Ustinova OV. Trends and prospects of marriage in Russia. *Sotsiologiia cheloveka* = Human sociology. 2016; 1: 17–27. (In Russian)
9. Aasmäe N, Pajusalu K, Kabajeva N. Gemination in the Mordvin languages. *Linguistica Uralica*. 2016; 52; 2: 81–92. (In English)
10. Baeck U. The Urban Ethos: Locality and youth in north Norway. *Young*. 2004; 12; 2: 99–115. (In English)
11. Jeffrey C, McDowland L. Youth in a Comparative Perspective: Global Change, Local Lives. *Youth and Society*. 2004; 36: 131–142. (In English)
12. Kasarkina EN, Solovieva TV, Bistiaykina DA, Pankova EG, Antipova AA. Family values of youth in modern socio-demographic situation in Russia. *Calitatea Vietii*. 2018; 29; 1: 23–43. (In English)
13. Mosina NM, Mosin MV, Chinaeva NV. The reflection of bilingualism in the speech of preschool children speaking native (Erzya) and non-native (Russian) language. *Russian Linguistic Bulletin*. 2016; 1 (5): 4–5. (In English)
14. Ule M, Kuhar M. Orientations of young adults in Slovenia toward the family formation. *Young*. 2008; 16; 2: 153–183. (In English)
15. Vinken H. New life course dynamics? Career orientations, work values and future perceptions of Dutch youth. *Young*. 2007; 15; 1: 9–30. (In English)

Submitted 21.05.2020, published 25.12.2020

КОСТЮМ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ МАРИЙСКОГО НАРОДА

Павлова Анжелика Николаевна,

*доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и психологии
ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет»
(г. Йошкар-Ола, РФ), angpan@rambler.ru*

Введение. Погребальные обряды, являющиеся традиционным объектом исследования археологии и этнографии, принадлежат к числу наиболее устойчивых элементов этнической культуры. В погребально-поминальной обрядности марийского народа важное место занимали костюм и его отдельные элементы. Изучение этого аспекта погребально-поминальных обрядов и ритуалов позволит раскрыть новые стороны духовной культуры марийского народа.

Материалы и методы. В основе работы лежит сопоставление археологических и этнографических материалов на основе культурологического подхода, методов семантического, культурно-антропологического исследований.

Результаты исследования и их обсуждение. Принадлежность погребально-поминальных обрядов к обрядам перехода определила использование в них элементов свадебного костюма, включая одежду из меха и украшения. Важной частью погребального костюма, а также жертвенно-ритуальных комплексов древнемарийских племен был пояс, выполнявший функцию сохранения.

Заключение. Использование культурологического подхода к исследованию погребальной обрядности марийского народа позволило заключить, что костюм являлся заместителем умершего, служил воплощением родового тела, восходящего к тотему. Погребальный костюм, как и свадебный, предполагал использование древних символических кодов. В древнемарийских жертвенно-ритуальных комплексах пояс, завершавший символическое тело человека, выполнял функцию защиты, усиливая ассоциацию с мировым деревом.

Ключевые слова: традиционная культура; погребальные обряды; религиозно-мифологические представления; марийский костюм; пояс; тотемизм.

Для цитирования: Павлова А. Н. Костюм в погребальной обрядности марийского народа // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 4. С. 423–429.

Введение

В связи с тем что у финно-угорских этносов, включая марийский, на протяжении большей части истории информация передавалась из уст в уста, важное место в процессе ее сохранения и трансляции отводилось ритуалам и артефактам, выполнявшим комплекс знаково-символических функций. Погребальные обряды, отличающиеся устойчивостью, отражают пласт религиозно-мифологических представлений, которые можно реконструировать на основе археолого-этнографических параллелей. Культурологический подход к изучению археологических материалов, как отмечал В. М. Массон, позволяет раскрыть новые стороны древних культурных процессов [14, 39].

Частью вещного мира финно-угров был костюм, также представлявший собой знаковую систему, включенную в общее семантическое пространство культуры. Изучение роли костюма в погребально-

поминальной обрядности марийского народа дает более глубокое понимание этой стороны этнической культуры.

Объектом настоящего исследования являются марийский костюм и его элементы, использовавшиеся в погребально-поминальной обрядности с конца 1-го тыс. н. э. до начала XX в. Предмет исследования составляет репрезентация в костюме религиозно-мифологических представлений, лежащих в основе этой обрядности.

Цель статьи – раскрытие места и роли костюма в системе погребально-поминальной обрядности марийского народа, отражающей религиозно-мифологические представления этноса.

Обзор литературы

Исследование погребальной обрядности марийского народа занимает важное место в археологии и этнографии, которыми к настоящему времени накоплен

значительный фактический материал, характеризующий эволюцию погребальной обрядности марийского этноса с конца 1-го тыс. н. э. до настоящего времени. В центре внимания археологов и этнографов остается и костюм как часть материальной культуры этноса и этноопределяющий признак [2–4; 7; 9; 11; 13; 16–18; 20; 21; 23; 30]. Однако в этнологии и, особенно, культурологии последних десятилетий все больше внимания уделяется знаковым аспектам вещного мира [5; 6; 8; 12; 26]. Применительно к марийской культуре культурологический аспект проблемы места и роли костюма в погребальной обрядности не получил должного освещения в отличие, например, от представлений этноса о загробном мире [28].

Материалы и методы

Погребальный обряд, составлявший важную часть традиционной культуры марийского народа, привлек внимание исследователей XVIII–XIX вв. И. Г. Георги, Г. Ф. Миллера, А. Ф. Риттиха, И. Н. Смирнова, А. Фукс и др. Важные аспекты этой проблемы нашли отражение в работах Ю. Вихманн [30], К. И. Козловой [11], Н. С. Попова [20; 21], Л. С. Тойдыбековой [25].

Археологическое изучение древнемарийских памятников и памятников марийцев XVI–XVIII вв. [2–4; 9; 16–18; 27] позволило расширить представление о погребальной обрядности и поставить вопрос о роли в ней костюма и его элементов в культурологическом плане, исходя из системного подхода с учетом положений структурного функционализма и структурализма, семиотики, прежде всего теории знака.

Результаты исследования и их обсуждение

Погребальные и поминальные обряды и ритуалы, являясь частью обрядов перехода, с одной стороны, завершали земной путь человека, а с другой – открывали для него дорогу в иной, загробный, мир. Отношение к умершим в марийской культуре было двойственным: покойные предки считались покровителями живущих, при-

званными обеспечить их благополучие и защитить от различных напастей [29, 10, 12], но существовал и страх перед умершими. Прежде всего это касалось тех из них, кого подозревали в занятиях вредоносной магией, либо скончавшихся неестественной смертью, что способствовало возникновению у марийцев обычаев защиты от покойников [27, 39].

Исходя из социальной и религиозно-магической значимости погребально-поминальных обрядов и ритуалов, рассмотрим место в них костюма. Как писал В. Подорога, «обнаженное тело представляет собой урезанный человеческий опыт, в котором ощущается недостаток в четвертом, символически-духовном измерении, оно не событийно и, следовательно, не способно к внетелесной трансформации, дарующей видение иного мира»¹. Костюм умершего должен был соответствовать этнической традиции, обеспечивая пропуск в загробный мир, он был одним из опознавательных знаков, по которым «ранее умершие сородичи встречают нового пришельца» [28, 207].

На протяжении истории марийского этноса наиболее характерным для него был обряд ингумации, при котором умерший в соответствующем его статусу облачении предавался земле. Обряд кремации, также известный у древнемарийских племен, предполагал, что украшения и одежда покойного, за исключением тех предметов, которые входили в облачение при сжигании тела, располагались в погребении в порядке ношения [17, 76–77]. В погребальном обряде костюм становился знаком умершего как члена рода, обладавшего определенным социальным статусом. Об этом свидетельствует обычай хоронить замужнюю женщину в свадебном платье. Как на свадьбу, одевали незамужних и неженатых [20, 161]. Свадебный костюм оказывался семантически наиболее емким, а потому максимально соответствующим задаче презентации умершего в загробном мире. Н. С. Попов отмечал: «Вещи, сопровождавшие невесту во время свадьбы, были воплощением ее души,

¹ Подорога В. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. Москва, 1995. С. 163.

жизненных сил... Они становились своего рода знаком-пропуском в мир кровных родственников» [21, 145–146]. Подтверждением служат археологические материалы: в могильниках XVI–XVIII вв. были обнаружены фрагменты головных уборов *шурка* и *ошту*, надеваемых на свадьбу, а также богато декорированные уборы *нашмак*, которые замужние женщины носили вместе с головным полотенцем *шарпан* [27, 48–49]. Головной убор и украшения использовали в поминальной обрядности, вывешивая их на шесте во время поминок на 7-й день, как и полный комплект свадебных украшений умершей девушки [21, 144–145].

Можно предположить, что женские захоронения IX–XI вв. с богатым набором металлических украшений представляют вариант свадебного (обрядового, по Т. Б. Никитиной [18, 15]) костюма, на что указывают находки фрагментов головных уборов из меха лисы [17, 12]. Подобные головные уборы до настоящего времени входят в костюм женщин – участниц свадебного поезда, а раньше входили в костюм невесты [24, 116]. Украшения, часть которых у древнемарийских племен изготавливалась женщинами, владевшими соответствующими символическими кодами [19, 14], были наиболее семантически значимой частью костюма. С развитием новых технологий ткачества символические акценты переместились в вышивку – в Средневековье ее возможности были ограничены, как и сфера применения (вышивка выполнялась металлической проволокой [19, 16]).

Как и свадебный, погребальный костюм был многослойным. Например, невеста у мари, устраивавших свадьбы летом, была одета в суконный кафтан и меховую шапку [24, 116–117, 125], не считая прочих предметов одежды, что можно объяснить обычаем закрывания (сокрытия) невесты с целью ее защиты или демонстрации благосостояния семьи. Мех широко использовался и в свадебных обрядах других финно-угорских народов. Так, у мордвы невесту выносили на шубе или войлоке, покрывали шубой постель молодых и т. д., придавая меху апотропейное и продуцирующее

значение [26, 80]. Присутствие шапки, рукавиц и других теплых предметов одежды в погребальном костюме мари, а в древнемарийских могильниках – кафтанов из телачьей (лосиной?) кожи, рубахи из меха куницы, а также одежды или дополнительного покрытия из бобрового меха [17, 12, 16, 18; 18, 13], как и обычай отвозить тело умершего на кладбище на санях, этнографы объясняют представлениями о местоположении загробного мира, страны мрака и холода, на Севере [20, 160]. Однако использование меха и меховой одежды в свадебной и погребальной обрядности связано и с семантикой вещей в обрядах перехода. Рудименты древней символики меха сохранились в свадебной обрядности мордвы, где невесту в доме жениха встречала женщина в вывернутой наизнанку шубе и шапке, называвшаяся *овто* ‘медведь’ [26, 80]. У многих финно-угорских этносов медведь – тотемический первопредок, который, таким образом, и встречал мордовскую невесту в новом доме [1, 86]. На это указывают характерные для финно-угорских народов Европейской России сказки о сожительстве женщины и медведя, а также сохранившиеся в различных вариантах отголоски медвежьего праздника [15, 98, 100–101]. Меховая одежда и обычай закутывать тело умершего в мех или войлок, археологически прослеживаемый у древнемарийского населения [18, 21], могут быть связаны с древней идеей возвращения в тело тотема.

Предметы одежды и украшения служили символическим замещением умершего при создании кенотафа [17, 78], входили в состав жертвенно-ритуальных комплексов у финно-угров Поволжья и Приуралья, один из вариантов которых Т. Б. Никитина выделила как этноопределяющий признак погребального обряда марийского населения IX–XI вв. [17, 80]. Богатый набор украшений, завернутый в одежду, ткань, мех или кожу, помещали в берестяной туес или лубяной бочонок, который, как и сверток с одеждой, опоясывали ремнем [17, 80].

Жертвенно-ритуальный комплекс включал те же семантически значимые предметы, что и погребальный костюм. Как установила Т. Б. Никитина по материалам Русенихинского могильника, украшения и

детали одежды соответствовали местоположению в костюме, надетом на человека [18, 22]. Обычай оставлять подношения умершим, включавшие предметы одежды и обувь, известен у различных групп финно-угорского населения, в его основе лежит представление о том, что и после смерти умерший нуждается в пище, одежде и пр. [28, 200–201, 211].

В составе древнемарийских жертвенно-ритуальных комплексов выделяются ремни с металлическими накладками, относящиеся к числу престижных предметов, демонстрирующих статус человека, обычно мужчины-воина [10, 82]. Ремень (пояс) входил как в мужской, так и в женский костюм [17, 86–87] и не только был важнейшей доминантой в его семантической системе, но и выполнял несколько символических функций, важнейшей из которых можно считать функцию сохранения в значении защиты и завершенности, «когда снятие пояса равносильно раскрытию человека»². У финно-угорских народов снятие пояса сопоставимо с выходом из сферы культуры, превращением в поустороннее существо, что, по мнению П. А. Орлова, нашло отражение в погребальной обрядности удмуртов в виде размещения пояса в могиле вдоль тела умершего³. Этим же, вероятно, объясняется обычай восточных мари украшать поясом лошадь, везущую покойника [22, 168]. С подобными представлениями связано и снятие пояса при обращении к миру духов или во время родов. У беременной женщины, захороненной на Черемисском кладбище, пояс был расстегнут [17, 86–87]: символика пояса сохранялась и в загробном мире, который мари представляли как своеобразное продолжение земной жизни [28, 207]. Однако загробный мир был иным, поэтому и пояс на покойнике завязывали иначе, чем на живом.

Пояс занимал важное место и в свадебной обрядности: невеста, покидая дом родителей, должна была держаться за пояс жениха [22, 168]. В данном случае пояс

выступал не только воплощением мужской силы, заключая в себе потенцию рождения, как считали, например, удмурты⁴, но и защиты, соединения.

В жертвенно-ритуальных комплексах набор предметов одежды и украшений символизировал родовое тело, которое без пояса не могло считаться завершенным. Пояс вокруг хранилища, в качестве которого выступал бочонок или туес, – символ сохранения, соединения. Можно провести параллель между подобным туесом и священным деревом (*онапу*) – связующим звеном с миром богов [25, 97], которое также опоясывают лыковым пояском с насечками на концах.

Заключение

В погребально-поминальной обрядности марийского народа использовались элементы свадебного костюма, олицетворявшего не столько конкретного человека, сколько члена рода в обрядах перехода (невеста уходила из своего рода в род мужа, а после смерти женщина возвращалась в свой род). Умерших одевали в меховую одежду, у древнемарийских племен – нередко заворачивали в мех, что позволяет предполагать наличие в основе этого обычая древних тотемических представлений. Меховая одежда в свадебной обрядности, в частности, воплощала фертильные качества, даруемые первопредком, что подтверждает тотемические истоки обычая.

Предметы одежды и украшения служили заместителями умершего, представляя его как в кенотафах, так и во время поминок, составляли основную часть жертвенно-ритуальных комплексов, фиксируемых археологически.

Пояс, использовавшийся в свадебных обрядах, занимал важное место и в погребальном костюме, и поминальных обрядах. В погребально-поминальной обрядности он выполнял функцию сохранения, защиты, создавая ассоциацию со священным (мировым) деревом, подчеркивающую космологический характер обрядов.

² Чеснов Я. В. Лекции по исторической этнологии: учеб. пособие. Москва, 1998. С. 27.

³ См.: Орлов П. А. Вещный мир удмуртов (к семантике материальной культуры): дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1999. С. 140.

⁴ Там же. С. 138.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антипкина Е. Н., Прокаева О. Н. Особенности функционирования предсцениграфии в ритуально-обрядовых и праздничных действиях мордвы // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 1. С. 81–89. DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.01.081-089
2. Архипов Г. А. Дубовский могильник // Археология и этнография Марийского края: сб. ст. Йошкар-Ола, 1984. Вып. 8. С. 113–159.
3. Архипов Г. А. Марийцы IX–XI вв.: К вопросу о происхождении напрода. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1973. 199 с.
4. Архипов Г. А. Починковский могильник // Древности Волго-Камья: сб. ст. Казань, 1977. С. 110–118.
5. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. Санкт-Петербург: Наука. Санкт-Петербург, 1993. 240 с.
6. Байбурин А. К. Семиотический статус вещей в мифологии // Материальная культура и мифология: сб. ст. Ленинград, 1981. Т. 37. С. 215–226.
7. Васильев В. М. Материалы для изучения верований и обрядов народа мари. Краснококшайск: Маробиздат, 1927. 127 с.
8. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.
9. Горюнова Е. И. Шойбулакский и Аксаркинский могильники // Советская археология. 1937. № 3. С. 167–177.
10. Добжанский В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1990. 162 с.
11. Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа. Москва: Изд-во МГУ, 1978. 344 с.
12. Корнишина Г. А. Знаково-символические функции одежды в похоронно-поминальной обрядности финно-угорских народов Урало-Поволжья // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 3. С. 157–162.
13. Кузнецов С. К. Культ умерших и захоронения верования луговых черемис. Вып. 1 // Этнографическое обозрение. Москва, 1905. Кн. 60–61. 77 с.
14. Массон В. М. Исторические реконструкции в археологии. Самара: ТОР, 1996. 102 с.
15. Мокшина Е. Н. Образ медведя в религиозных и мифологических представлениях финно-угорских народов (мордвы, марийцев, удмуртов, коми и др.) // Финно-угорский мир. 2012. № 3/4. С. 97–101.
16. Никитина Т. Б. Марийцы в эпоху средневековья. Йошкар-Ола: ГУП РМЭ МПИК, 2002. 432 с.
17. Никитина Т. Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Казань: МарНИИЯЛИ, 2012. 408 с. (Археология евразийских степей; вып. 14).
18. Никитина Т. Б. Русенихинский могильник // Археология евразийских степей. 2018. № 3. С. 8–240.
19. Никитина Т. Б., Ефремова Д. Ю. Особенности погребений с орудиями литья на марийских могильниках IX–XII вв. // Финно-угроведение. 2011. № 2. С. 12–24.
20. Попов Н. С. Погребальный обряд марийцев в XIX – начале XX в. // Материальная и духовная культура марийцев: сб. ст. Йошкар-Ола, 1981. С. 154–173. (Археология и этнография Марийского края; вып. 5).
21. Попов Н. С. Экспедиционная работа Т. А. Крюковой среди марийцев в 60-х годах XX в. // Проблемы этнографии, истории и культуры марийского народа: сб. ст. Йошкар-Ола, 2007. С. 136–146. (Археология и этнография Марийского края; вып. 29).
22. Сепеев Г. А. Восточные марийцы: Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX в.). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1975. 254 с.
23. Смирнов И. Н. Черемисы: историко-этнографический очерк. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1889. 265 с.
24. Тимофей Евсевьев: этнографические коллекции. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2002. 148 с.
25. Тойдыбекова Л. Марийская языческая вера и этническое самосознание. Йоэнсуу, 1997. 397 с.
26. Шигурова Т. А. Свадебная одежда мордвы. Саранск, 2010. 172 с.
27. Шикаева Т. Б. Марийцы (конец XVI – начало XVIII в.): по материалам могильников. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1992. 160 с.
28. Шкалина Г. Е. Священный мир марийский. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2019. 303 с.
29. Яковлев Г. Религиозные обряды черемис. Казань: Православное миссионерское общество, 1887. 87 с.
30. Wichmann J. Beiträge zur Ethnographie der Tscheremissen. Helsinki: Société finno-ougrienne, 1913. 126 S.

Поступила 28.10.2020, опубликована 25.12.2020

A COSTUME IN THE FUNERAL RITUALS OF THE MARI PEOPLE

Anzhelika N. Pavlova,

*Doctor of History, Head of Department of History and Psychology,
Volga State University of Technology
(Yoshkar-Ola, Russia), angpan@rambler.ru*

Introduction. Burial rites, which are a traditional object of research in archeology and ethnography, are one of most stable elements of ethnic culture. The costume and its individual elements took an important place in the funeral and memorial rites. The study of these rituals can reveal new aspects of the spiritual culture of the Mari people.

Materials and Methods. The work is based on the comparison of archaeological and ethnographic materials, culturological approach, methods of semantic, cultural and anthropological research.

Results and Discussion. The reference of funeral and memorial rites to the passage rites determined the use of the elements of a wedding dress, including fur clothes and jewelry. The belt that served as a storage was an important part of the burial costume, as well as the sacrificial and ritual complexes of the ancient Mari tribes.

Conclusion. Application of a culturological approach to the research of the funeral rituals of the Mari people allowed to conclude that the costume substituted the deceased, served as the embodiment of a generic body that went back to the totem. The funeral costume, like the wedding one, assumed the use of ancient symbolic codes. The belt that completed the symbolic human body was an important burial costume. The belt served as a defense in the ancient Mari sacrificial ritual complexes, enhancing their association with the world tree.

Key words: traditional culture; funeral rituals; religious and mythological ideas; Mari costume; belt; totemism.

For citation: Pavlova AN. Costume in the funeral rituals of the Mari people. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020; 12; 4: 423–429. (In Russian)

REFERENCES

1. Antipkina EN, Prokaeva ON. Features of the functioning of pre-scenography in the ritual and ceremonial and festive actions of the Mordovians. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020; 12; 1: 81–89. DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.01.081-089 (In Russian)
2. Arhipov GA. Dubovsky burial ground. *Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia: sb. st.* = Archaeology and Ethnography of the Mari region. Collection of articles. Ioshkar-Ola; 1984; 8: 113–159. (In Russian)
3. Arhipov GA. Mari IX–XI centuries. Ioshkar-Ola; 1973. (In Russian)
4. Arhipov GA. Pochinkovsky burial ground. *Drevnosti Volgo-Kam'ia: sb. st.* = Antiquities of the Volga-Kama. Collection of articles. Kazan'; 1977: 110–118. (In Russian)
5. Bajburin AK. Ritual in Traditional Culture: Structural and Semantic Analysis of East Slavic Rites. Sankt-Peterburg, 1993. (In Russian)
6. Bajburin AK. The semantic status of things in mythology. *Material'naiia kul'tura i mifologiya: sb. st.* = Material culture and mythology. Collection of articles. Moskva; Leningrad; 1981; 37: 215–226. (In Russian)
7. Vasil'ev VM. Materials for studying the beliefs and customs of the Mari people. Krasnokokshaisk; 1927. (In Russian)
8. Vladykin VE. Religious and mythological picture of the world of the Udmurts. Izhevsk, 1994. (In Russian)
9. Gorjunova EI. Shoibulak and Akozinsky burial grounds. *Sovetskaiia arkheologiya* = Soviet archaeology. 1937; 3: 167–177. (In Russian)
10. Dobzhanskij VN. Stacked belts of nomads of Asia. Novosibirsk; 1990. (In Russian)
11. Kozlova KI. Essays on the ethnic history of the Mari people. Moskva; 1978. (In Russian)
12. Kornishina GA. Sign-symbolic functions of clothing in the funeral and memorial rituals of the Finno-Ugric peoples of the Ural-Volga region. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Bulletin of the Surgut state pedagogical University. 2017; 3: 157–162. (In Russian)
13. Kuznecov SK. The cult of the dead and the afterlife beliefs of meadow cheremis. Issue 1. *Etnograficheskoe obozrenie* = The ethnographic review. Moskva; 1905; 60–61. (In Russian)
14. Masson VM. Historical reconstruction in archeology. Samara; 1996. (In Russian)
15. Mokshina EN. The image of a bear in religious and mythological representations of the Finno-Ugric peoples (Mordovians, Mari, Udmurts, Komi, etc.). *Finno-ugorskii mir* =

- Finno-Ugric World. 2012; 3/4: 97–101. (In Russian)
16. Nikitina TB. Mari in the Middle Ages. Ioshkar-Ola; 2002. (In Russian)
 17. Nikitina TB. Funeral monuments of the 9th – 11th centuries of the Vetluga-Vyatka interfluves. Kazan'; 2012; 14. (In Russian)
 18. Nikitina TB. Rusenikhinsky burial ground. *Arkheologiya evraziiskikh stepei* = Archeology of the Eurasian steppes. 2018; 3: 8–240. (In Russian)
 19. Nikitina TB, Efremova DYu. Features of burials with casting tools at the Mari burial grounds of the 9th – 12th centuries. *Finno-ugrovedenie* = Finno-Ugric studies. 2011; 2: 12–24. (In Russian)
 20. Popov NS. Funeral rites of the Mari in the 19th – early 20th centuries. *Material'naya i dukhovnaia kul'tura mariitsev: sb. st.* = Material and spiritual culture of the Mari people. Collection of articles. Ioshkar-Ola; 1981, 5: 154–173. (In Russian)
 21. Popov NS. Expeditionary work T. A. Kryukova among the Mari in the 60s of the XX century. *Problemy etnografii, istorii i kul'tury mariiskogo naroda: sb. st.* = Problems of Ethnography, History and Culture of the Mari people. Collection of articles. Ioshkar-Ola; 2007; 29: 136–146. (In Russian)
 22. Sepeev GA. Eastern Mari. Historical and ethnographic studies of material culture (from the 19th to the beginning of the 20th centuries). Ioshkar-Ola; 1975. (In Russian)
 23. Smirnov IN. Cheremis: Historical and ethnographic essay. Kazan'; 1889. (In Russian)
 24. Timothy Evseyev: ethnographic collections. Ioshkar-Ola; 2002. (In Russian)
 25. Tojdybekova L. Mari ethnic belief and ethnic identity. Joensuu; 1997. (In Russian)
 26. Shigurova TA. Mordovian wedding clothes. Saransk; 2010. (In Russian)
 27. Shikaeva TB. Mari (late 16th – early 18th centuries): based on materials from burial grounds. Ioshkar-Ola; 1992. (In Russian)
 28. Shkalina GE. The sacred world of the Mari. Ioshkar-Ola; 2019. (In Russian)
 29. Jakovlev G. Religious ceremonies cheremis. Kazan'; 1897. (In Russian)
 30. Wichmann J. Beiträge zur Ethnographie der Tscheremissen. Helsinki; 1913. (In German)

Submitted 28.10.2020, published 25.12.2020

ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ И ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ОСНОВА УКРЕПЛЕНИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: опыт Республики Мордовия (2012–2020 гг.)

Казакова Марина Николаевна,

*кандидат политических наук, доцент кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ), mnkazakova@mail.ru*

Напалкова Ирина Геннадьевна,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ), zamisi@yandex.ru*

Введение. В современной России патриотизм транслируется властью как единственно возможная идеология демократического государства, его национальная идея, что порождает много споров и дискуссий в коннотационных границах: «любовь к родине лежит вне государств и наций – это изначальное, естественное, генетическое чувство» vs «идея державного патриотизма может и должна быть основой национальной идеи России». Цель данной публикации – рассмотреть концептуально-деятельностную базу формирования патриотического сознания в период 2012–2020 гг. на примере отдельного субъекта Российской Федерации – Республики Мордовия.

Материалы и методы. В основу методологии были положены ретроспективный анализ, аксиологическая парадигма, системный подход. В числе прикладных методов использован кейс-стади. В качестве отдельного случая выступила Мордовия – национальная республика, в которой проживают представители 119 национальностей, при этом в национальном составе преобладают русские, мордва (мокша, эрзя), татары.

Результаты исследования и их обсуждение. В Республике Мордовия, как и в целом в Российской Федерации, гражданско-патриотическое воспитание и формирование патриотического сознания граждан реализуется через программно-целевой подход. Концептуально это выражено в ряде государственных программ: «Развитие образования в Республике Мордовия», «Развитие культуры и туризма», «Противодействие злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту», «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия» и др., причем наблюдается преемственность в их принятии и пролонгировании. Созданы эффективные вертикальные и горизонтальные межведомственные связи по их реализации. В последние годы в гражданско-патриотическое воспитание активно включаются отдельные институты гражданского общества, в частности социально ориентированные некоммерческие организации. В работе рассматриваются концептуальная и деятельностная составляющие реализации политики в сфере патриотического воспитания; осуществляется анализ отдельных мероприятий гражданско-патриотической, социально-патриотической, героико-патриотической и военно-патриотической направленности. Проблемной областью остается софинансирование государственных программ в части обязательств региона из-за накопившихся проблем в бюджетной сфере и высокой долговой нагрузки.

Заключение. В настоящее время в России элементы гражданско-патриотического воспитания последовательно реализуются в государственной образовательной, культурной, национальной, молодежной политике. В Республике Мордовия деятельностная составляющая реализации патриотической тематики оценивается как многоплановая и многоформатная и осуществляется по гражданско-патриотическому, социально-патриотическому, героико-патриотическому, военно-патриотическому векторам.

Ключевые слова: общероссийская гражданская идентичность; патриотизм; патриотическое сознание; гражданско-патриотическое воспитание; регион; Республика Мордовия; программно-целевой подход.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Пространственное развитие России как фактор нациестроительства и формирования национальной идеи» (№ 18-011-00364 А).

Для цитирования: Казакова М. Н., Напалкова И. Г. Формирование патриотического сознания и гражданско-патриотическое воспитание как основа укрепления общероссийской гражданской идентичности: опыт Республики Мордовия (2012–2020 гг.) // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 4. С. 430–446.

Введение

Патриотизм имеет глубокие ценностные и эмоциональные основания, в то же время, как показывает историческая действительность, его идеологическая нагрузка активно используется различными политическими силами как средство укрепления власти через мобилизацию широких слоев населения, через продвижение различных социально-политических проектов и т. п. На разных этапах развития российской государственности власть, различные общественно-политические силы обращались к патриотическому потенциалу.

Содержание патриотизма определяется духовно-нравственным климатом на соответствующем этапе общественно-го развития. Значение патриотизма возрастает в переломные периоды истории, обусловленные войнами, революционными потрясениями, масштабными социальными конфликтами. Возникновение патриотизма как стрессового компонента национальной идеи прямо связано с историей развития страны.

В Древней Руси любовь к родине отражалась в летописных сводах, героических былинах, богословских трактатах, житиях святых, восхваляющих величие Русской земли, воинскую доблесть и славу («Слово о законе и благодати», «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели Русской земли», повести Куликовского цикла и др.).

Период централизованного Российского государства характеризуется становлением «автократического» патриотизма, основанного на идеализации и сакрализации правителя. Освобождение Руси от ордынского ига послужило стимулом для дальнейшего развития патриотического сознания. Свидетельством ее независимости, завершением идеологического оформления внутренней и внешнеполитической доктрины стала концепция «Москва – Третий Рим», закрепляющая залог вечного существования Московского государства.

Со второй половины XVI в. патриотизм становится синонимом служения государю. Автократическое содержание патриотизма остается доминирующим. При Петре I важное идеологическое звучание приобретает понятие «Отечество», предпринимается попытка объединить идеалы служения царю, Отечеству, православно-й вере. В приказе Петра перед Полтавским боем говорилось: «Воины! ...не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество, за православную нашу веру и церковь»¹. В армии воспитание стало строиться на принципах службы своему государству, а не императору или каким-либо собственным интересам.

Идея служения Отчизне ярко проявилась во время Отечественной войны 1812 г., когда угроза потери независимости пробудила патриотическое сознание. Война оказала значительное влияние на все стороны жизни общества, наметилась тенденция к усилению либерально-оппозиционных настроений. Так, декабристское движение закрепляло в программных документах обязанность нести общественные повинности, повиноваться законам и властям, всегда быть готовым к защите Родины.

Попытки возрождения неограниченной монархии и отказ от идей просвещенного абсолютизма нашли отражение в новой консервативной идеологии «Православие, самодержавие, народность», в основу которой было положено представление об исконно русских началах, отличавших Россию от других стран, делавших ее особенной. Неоднозначное толкование новой патриотической идеологии привело к оформлению противоположных течений общественно-политической мысли – западничества и славянофильства. Западники (П. Я. Чаадаев, В. П. Боткин, И. И. Панаев и др.) истинный патриотизм видели в служении Отечеству и ликвидации отставания России от европейских государств; славянофилы (А. С. Хомяков, И. В. Ки-

¹ Речь Петра I накануне Полтавской битвы // История.РФ. URL: <https://histrf.ru/lichnosti/speeches/b/riech-pietra-i-nakanunie-poltavskoi-bitvy> (дата обращения: 18.09.2020).

реевский, К. С. Аксаков, И. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин и др.) отстаивали идею самобытности России на основе таких ценностей, как народ, вера, свобода, государство и Отечество. Существенный вклад в развитие идей патриотизма внесли русские мыслители В. С. Соловьев, И. А. Ильин, П. А. Флоренский, В. В. Розанов, Н. А. Бердяев и др.

На рубеже XIX–XX вв. дискуссии о пути России переместились в партийно-политическую плоскость. Либеральное крыло общественного движения выступало за ограничение самодержавия и реформы для достижения величия и могущества Родины, леворадикальные силы рассматривали патриотизм сквозь призму революционной деятельности.

Первая мировая война вызвала дальнейшую поляризацию сил, предопределила революцию, привела к возникновению феномена эмигрантской России.

После Октябрьской революции понятие патриотизма вышло на качественно иной уровень в духе марксистско-ленинской идеологии. Становление советского политического режима способствовало появлению патриотизма принципиально нового типа, главным содержанием которого являлась идея исторической миссии советского народа – быть первым плацдармом в строительстве коммунизма, служить его делу и распространению по всему миру [1, 24]. Борьба за коммунизм стала высшей ценностью каждого преданного социалистическому Отечеству человека. Были определены три основных направления патриотического воспитания: военная, военно-политическая и физическая подготовка молодежи.

В Советском Союзе патриотизм признавался одной из значимых ценностей и неотъемлемой частью сознания граждан, на его формирование была нацелена система образования, которая на примерах героев, истинных патриотов воспитывала и пропагандировала любовь к Родине. В полной мере интегративный потенциал

советского патриотизма раскрылся в период Великой Отечественной войны и в процессе ликвидации ее разрушительных последствий. Активно развивались общественные инициативы патриотической направленности, освещавшие подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны. Советский патриотизм стал важнейшим фактором единения народов на пространстве СССР, опорой политического режима и инструментом достижения государственных целей.

С распадом СССР на смену коллективистским ценностям советского патриотизма пришли индивидуальные прагматические начала, в эпоху перестройки патриотизм нередко воспринимался как пережиток прошлого, создающий препятствия на пути построения нового демократического общества. Получила распространение идея о том, что патриотизм, изначально присущий гражданам, не должен формироваться искусственно.

В последние два десятилетия термины «патриотизм», «патриотическое сознание», «патриотическое воспитание» вновь оказались активно включенными в политический дискурс. Они часто встречаются в выступлениях государственных деятелей, чиновников, политиков, к ним апеллируют программные документы партий.

Президент Российской Федерации В. В. Путин неоднократно подчеркивал значимость патриотизма, называя его «единственной возможной идеологией современного общества», «национальной идеей, способной сплотить россиян»². По его мнению, суть патриотизма «заключается в том, чтобы посвятить себя развитию страны, ее движению вперед», для чего не нужно «все время хвататься только за наше героическое прошлое, нужно смотреть в наше не менее героическое и успешное будущее, и в этом залог успеха»³. В документах стратегического планирования актуализируется роль патриотизма как фундамента государ-

² Путин считает патриотизм единственной возможной идеологией современного общества // ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/7379985> (дата обращения: 18.09.2020).

³ Путин рассказал о национальной идее России // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8438743> (дата обращения: 18.09.2020).

ственности⁴, духовной общности различных народов Российского государства⁵. Патриотизм составляет основу государственной молодежной политики.

Патриотическую тематику в той или иной мере затрагивают программные установки большинства политических партий, как парламентских, так и внепарламентских. Особое внимание ей уделяет КПРФ. После крушения социализма идея коммунизма переросла в национал-патриотическую идею, основанную на идеалах равенства и справедливости. Самобытность и патриотизм наряду с ценностями духовности, исторической преемственности, национального сохранения являются приоритетными в данной идеологии⁶. Программа партии ЛДПР актуализирует ценности демократии, либерализма и патриотизма. Патриотизм понимается как любовь к России и русскому народу, который создал великое государство и открыл путь в будущее для десятков народов и народностей нашей страны⁷. Задача воспитания свободного, образованного, культурного, патриотически мыслящего гражданина входит в число приоритетных в программных документах «Справедливой России»⁸. В программе партии «Единая Россия» идея патриотизма явно не выражена, она просматривается в реализации стратегических приоритетов – сохранение исторических традиций, формирование общероссийской гражданской идентичности, общей системы духовно-нравственных ориентиров⁹.

Патриотическая доминанта преобладает в предвыборных платформах партий «Патриоты России», «За правду», «Родина»; гражданский патриотизм как осно-

ва национальной политики закрепляется также в программах партий «Защитники Отечества», «Гражданская платформа», «Гражданская инициатива».

Таким образом, категория патриотизма в разной степени конкретизации включена в программные установки, стратегию и тактику политических объединений и выражается в понятиях любви к Родине, преданности государству, территориальной целостности и суверенитета страны. Как правило, патриотическая тематика активизируется в период парламентских и президентских избирательных кампаний и нередко носит конъюнктурный предвыборный характер. Так, лидер КПРФ Г. А. Зюганов в преддверии избирательного цикла 2021 г. обозначил в числе стратегических линий создание единого фронта народно-патриотических сил («Народного фронта левых и патриотов»), однако жизнеспособность подобных коалиций вызывает сомнения. Патриотизм должен быть не инструментом завоевания электората, а идеей, объединяющей граждан вне партийно-политической принадлежности.

На всех этапах российской истории патриотизм занимал особое место в системе индивидуальных и коллективных ценностей, являясь основой единения и сохранения общества в сложных, противоречивых условиях. Роль патриотизма как фактора становления гражданского общества и Российского государства актуальна и на сегодняшний день. Патриотизм выступает социально-нравственным императивом, характеризующим ценностное отношение гражданина к государству, побуждающим его к патриотически направленной деятельности.

⁴ См.: О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/61a97f7ab0f2f3757fe034d11011c763bc2e593f/ (дата обращения: 18.09.2020).

⁵ См.: О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 06.12.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ff30f91360f2917b325d507685fd90353895d2bd/ (дата обращения: 19.09.2020).

⁶ См.: КПРФ. Программа партии. URL: <https://kprf.ru/party/program> (дата обращения: 19.09.2020).

⁷ См.: ЛДПР укажет дорогу. URL: http://www.ldpr-ural.ru/books/ldpr_ukaget_dorogu/ (дата обращения: 19.09.2020).

⁸ См.: Справедливая Россия. Программа партии. URL: <https://obj.spravedlivo.ru/pf59/075833.pdf> (дата обращения: 19.09.2020).

⁹ См.: Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия». URL: <https://rg.ru/2008/02/02/edinros.html> (дата обращения: 19.09.2020).

Цель данной публикации – рассмотрение концептуально-деятельностной основы патриотического воспитания и формирования патриотического сознания в Республике Мордовия как отдельного кейса, дескриптирующего общие и специфические характеристики государственной политики на уровне региона.

Обзор литературы

Исследовательский пласт проблематики патриотизма очень широк, так как это понятие является концептом для анализа многих гуманитарных, общественных наук и междисциплинарных исследований. Предметное поле нашего анализа сосредоточено в границах, обозначенных ценностно-смысловым и государственно-идентификационным векторами.

Несмотря на то что осмысление патриотизма имеет давнюю теоретическую традицию, заложенную еще античными мыслителями, его понятийно-смысловая парадигма представлена и в современных работах Б. Б. Гармаева [4], М. А. Егорова [7], Д. Т. Жовтуна и В. И. Меркушина [8], Р. Б. Загыртдинова [9], М. Л. Князевой и Е. В. Зелениной [15], А. В. Павлова [26] и др. Исследователи подчеркивают сильную идеологическую и эмоциональную загруженность патриотической проблематики, актуализируя тем самым научный, объективистский подход к трактовке понятия. Вместе с тем они констатируют невозможность выработать единое определение, так как «...патриотизм относится к разряду конкретных понятий, а не к группе категорий» [4, 122]. Если категории общечеловечны, то понятия могут трактоваться в зависимости от теоретических подходов, на которых базируется исследователь, научных направлений, системы ценностей и идеологической нагрузки. К тому же меняются конкретно-исторические условия, политические интересы государств и субъектов патриотического воспитания, что не способствует формированию универсального понятийного аппарата.

В данном исследовании в соответствии с его предметной областью патриотизм

будет пониматься, во-первых, с позиции гражданственности – как «общественный и нравственный принцип, характеризующий отношение граждан к своей стране» [20, 67], которое выражается в сложном комплексе чувств, ценностей, установок, знаний, действий по отношению к Родине; во-вторых, с позиции государственности – как сложный политико-идеологический феномен, который «представляет собой национальную идею и ценность, провозглашаемую на уровне государства и имеющую общенациональное значение» [31, 200–201].

Содержание и направленность идеологии патриотизма детерминируются историческими условиями, определяющими общественную жизнь поколений. Смысловое наполнение патриотизма как характерной черты русского народа и духовной основы на разных этапах эволюции российской государственности анализируется в работах В. Б. Бурмистрова [2], С. В. Куликовой [19], О. А. Овсянниковой [25], Д. А. Павлова [27], А. В. Рачипы, В. В. Бурькова и А. В. Алексеева [29], Я. И. Стрелецкого и Н. С. Сидоренко [33] и др.

Исторический анализ особенностей развития патриотизма свидетельствует о том, что во все времена государственно-патриотическая идея была одним из основных факторов, обеспечивающих консолидацию общества. Вместе с тем смысловое наполнение патриотизма определялось конкретно-историческими условиями жизни общества исходя из целей и задач, стоящих перед ним.

Патриотизм в структуре гражданской идентичности российского общества представлен в исследованиях В. В. Дьяковой и Э. А. Залетдиновой [6; 11], Г. И. Козырева [16], А. И. Кугай [18], М. Ю. Мартынова и А. И. Габеркорн [22], Т. А. Шульгиной, Н. А. Кетовой и Е. П. Непочатых [36] и др. При этом, как отмечает Л. М. Дробижева, российские ученые актуализировали «идею дрейфа идентичности... прежде всего этнической, и переключили внимание населения с этнической идентичности на осознание государственной – российской идентич-

ности» [5]. Соотношение и взаимоотношения в структуре социальной идентичности общегражданских и этнических идентификаций нередко изучаются для «понимания возможности реализации государственных социальных проектов, претендующих на то, чтобы стать для России линией дальнейшего развития» [12, 13].

Значительный объем работ касается вопросов патриотического воспитания, в частности его содержания, направлений и технологий [13; 21; 24; 32; 34], политики в области патриотического воспитания [23; 30; 35].

Особое внимание во всех группах исследований уделяется подросткам и молодежи как активно социализирующимся категориям, у которых происходит становление идентификационных маркеров. Выявленные в молодежной среде тенденции и изменения позволяют оценивать и прогнозировать динамику российского общества, дальнейшую трансформацию его ценностной системы.

С учетом предметного поля данного исследования отдельным блоком выделены работы, посвященные проблемам формирования патриотизма на региональном уровне [10; 14]. Обобщение региональных практик дает возможность анализировать опыт отдельных субъектов, что представляется важным как для понимания специфики реализации государственных программ и проектов на местах и выработки рекомендаций по совершенствованию механизмов и технологий их продвижения, так и для трансляции конструктивного опыта.

Материалы и методы

Данное исследование базируется на общенаучных принципах познания: объективности, системности, историзма, диалектической взаимообусловленности.

Теоретической основой работы стал ретроспективный анализ, позволяющий всесторонне изучить и объективно оценить предметное поле исследования с учетом изменения во времени. В частности, концептуальные документы, так или иначе связанные с формировани-

ем патриотизма в Республике Мордовия, рассматривались начиная с 1996 г. до текущего момента.

В качестве базовой методологии используется также аксиологическая парадигма, закрепляющая ценности («концентрированное духовное выражение потребностей и интересов социальных общностей» [17, 115]) и блага (социальные, этические, эстетические идеалы и эталоны, составляющие субстанциональный каркас бытия [28, 517]) в качестве фундамента общества.

Системный подход позволил комплексно рассмотреть основы формирования патриотического сознания через анализ концептуальной и деятельностной составляющих.

Базовым прикладным методом выступил кейс-стади. В качестве отдельного случая рассматривается Республика Мордовия – национальная республика, в которой проживают граждане 119 национальностей. В национальном составе преобладают русские, мордва (мокша, эрзя), татары. Сбор материалов для описания кейса осуществлялся с помощью методов обобщения, анализа документов, официальной статистической информации.

Хронологические рамки исследования: 2012–2020 гг. Отправной точкой анализа стало Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации 2012 г., в котором патриотизм был обозначен как национальная идея. За этот период активно формировался и закреплялся механизм программно-целевого подхода и выработались определенные технологии организации патриотического воспитания российских граждан как на федеральном, так и на региональном уровне.

Данные о регионе интерпретируются в контексте формирования патриотического сознания как основы национальной идеи. Конструктивная валидность достигалась за счет использования различных источников информации, а внутренняя – за счет применения различных исследовательских методов, как количественных, так и качественных.

**Результаты исследования
и их обсуждение*****Концептуальная составляющая
реализации патриотической
тематики в Республике Мордовия***

Патриотизм как национальная идея и идеология и как главный императив современной России на государственном уровне концептуализировался в последнее десятилетие. Однако следует отметить, что в постсоветский период патриотическое воспитание также входило в число задач государственной политики, в первую очередь в контексте сохранения межнационального согласия и диалога. Так, в 1996 г. указом Президента РФ Б. Н. Ельцина была утверждена Концепция государственной национальной политики Российской Федерации, отражающая систему принципов, механизмов и приоритетов деятельности государственных органов в сфере национальных отношений. В соответствии с ней региональные власти разрабатывали планы реализации положений данного законодательного акта. В Мордовии принята Концепция основных направлений реализации государственной национальной политики Российской Федерации в Республике Мордовия, в которой среди направлений деятельности в области ее реализации заявлено воспитание общереспубликанского патриотизма, выступающего неотъемлемой частью общероссийской идентичности¹⁰.

Одной из ключевых практик, ориентированных на формирование патриотического сознания и воспитания населения региона, стало использование программно-целевого подхода, представляющего собой синтез программного, структурного, функционального и комплексного подходов. В республиканской целевой програм-

ме «Патриотическое воспитание граждан, проживающих на территории Республики Мордовия» на 2012–2015 годы¹¹, обозначена ее направленность на создание эффективной системы патриотического воспитания населения, консолидацию общества, поддержание социально-экономической стабильности, вовлечение граждан республики в активное социальное строительство. Подпрограмма была пролонгирована до 2020 г. включительно, причем в обновленном тексте документа большое значение придавалось работе по развитию добровольческого (волонтерского) и поискового движения.

Патриотическое воспитание рассматривается как необходимое условие для упрочения дружественных отношений с представителями разных народов РФ, проживающих в пределах Республики Мордовия, а также как фактор, повышающий заинтересованность жителей региона в улучшении социально-экономической ситуации в республике, недопущении возникновения социальной напряженности.

В региональной законодательной базе много внимания уделяется молодому поколению республики, подчеркивается необходимость формирования условий гражданско-патриотического воспитания данной социальной группы как носителей культуры, традиций, а главное, исторического прошлого народа. Закон «О государственной молодежной политике в Республике Мордовия» закрепляет за уполномоченными органами власти обязанность формировать условия духовно-культурного, гражданско-патриотического и физического развития молодежи, стимулирования общественных инициатив, способствующих укреплению в молодежной среде гражданско-патриотических ценностей¹².

¹⁰ См.: Концепция основных направлений реализации государственной национальной политики Российской Федерации в Республике Мордовия. URL: <https://lyambir.e-mordovia.ru/content/view/689> (дата обращения: 11.09.2020).

¹¹ См.: О республиканской целевой программе «Патриотическое воспитание граждан, проживающих на территории Республики Мордовия» на 2012–2015 годы (с изм. на: 24.02.2015): Постановление Правительства Республики Мордовия от 26.12.2011 № 524. URL: <http://docs.cntd.ru/document/428516032> (дата обращения: 11.09.2020).

¹² См.: О государственной молодежной политике в Республике Мордовия (с изм. на 10.06.2019): Закон Республики Мордовия от 12.11.1996 № 36-3. URL: <http://docs.cntd.ru/document/804950368> (дата обращения: 18.09.2020).

В государственной программе «Развитие образования в Республике Мордовия на 2014–2025 годы» среди главных задач значатся формирование и развитие у обучающихся чувства патриотизма, активной гражданской и жизненной позиции, сопричастности к героической истории России, а также складывание духовно-нравственных ориентиров на основе традиционных ценностей и содействие формированию гражданской культуры молодежи, в том числе посредством вовлечения ее в волонтерскую (добровольческую) деятельность¹³. В рамках госпрограммы реализуется подпрограмма «Духовно-нравственное воспитание детей и молодежи в Республике Мордовия на 2015–2020 годы», провозглашающая необходимость создания принципиально новой системы духовно-нравственного и патриотического воспитания, отвечающей базовым человеческим ценностям, а также общественно-политической обстановке в регионе.

Особую актуальность для Мордовии как национальной республики имеет задача гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в формате единения региональной полиэтнической общности. Для ее решения постановлением Правительства РМ была принята государственная программа «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия», обозначившая в числе приоритетов укрепление гражданской солидарности и общероссийского гражданского самосознания в условиях формирования российской идентичности¹⁴. Госпрограмма включает подпрограмму «Реализация комплексной информационной кампании и создание

информационных ресурсов, направленных на укрепление гражданского патриотизма и общероссийской гражданской идентичности».

В реализации цели патриотического воспитания молодежи принимают активное участие ведущие вузы республики. В МГУ им. Н. П. Огарёва задачи воспитания любви к Родине, развития стремления к укреплению ее чести и достоинства, содействия прогрессивному развитию Отечества закреплены в Концепции воспитательной деятельности¹⁵ и Программе гражданско-патриотического воспитания обучающихся на 2017–2020 гг.¹⁶ Положение о воспитательной работе МГПУ им. М. Е. Евсевьева закрепляет нацеленность процесса воспитания на формирование таких социально-личностных качеств, как духовность, нравственность, патриотизм, гражданственность и т. п.¹⁷

Программные установки реализуются посредством вовлечения граждан республики, в первую очередь молодежи, в мероприятия гражданско-патриотической направленности.

Деятельностная составляющая реализации патриотической тематики в Республике Мордовия

Формирование системы ценностных ориентаций, в том числе ценностей патриотизма, предполагает его многоуровневую реализацию с участием государственных институтов, общественных организаций, учреждений образования, семьи как первичного агента социализации и др. Можно выделить ряд ключевых механизмов политики патриотического воспитания.

¹³ См.: Об утверждении государственной программы Республики Мордовия «Развитие образования в Республике Мордовия» на 2014–2025 годы (с изм. на 31.03.2020): Постановление Правительства Республики Мордовия от 04.10.2013 № 451. URL: <http://docs.cntd.ru/document/422402054> (дата обращения: 18.09.2020).

¹⁴ См.: Об утверждении государственной программы «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия» (с изм. на 03.04.2020): Постановление Правительства Республики Мордовия от 18.11.2013 № 507. URL: <http://docs.cntd.ru/document/424029654> (дата обращения: 15.09.2020).

¹⁵ См.: Концепция воспитательной деятельности и направления ее реализации в Национальном исследовательском Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарёва. URL: <https://www.mrsu.ru/ru/docs/index.php?ID=59378> (дата обращения: 15.09.2020).

¹⁶ См.: Программа гражданско-патриотического воспитания обучающихся ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» на 2017–2020 гг. URL: <https://www.mrsu.ru/ru/getfile.php?ID=83145> (дата обращения: 15.09.2020).

¹⁷ См.: Положение о воспитательной работе Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева. URL: <https://www.mordgpi.ru/upload/iblock/efe/Polozhenie-o-vospitatelnoy-rabote-MGPU.pdf> (дата обращения: 15.09.2020).

Институционализация системы патриотических ориентаций в рамках четко сформулированной национальной идеи, стратегии национального развития. Данный механизм предполагает юридическое закрепление и констатацию системы ценностей в нормативно-правовых актах и программных документах. Существенным шагом на этом направлении стало заявление Президента РФ В. В. Путина в ежегодном Послании Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г. о том, что консолидирующая база нашей политики заложена в гражданской ответственности, патриотизме. «Быть патриотом значит не только с уважением и любовью относиться к своей истории, хотя, безусловно, это очень важно, а прежде всего служить обществу и стране»¹⁸.

Нормативно-правовое регулирование вопросов гражданско-патриотического воспитания. В числе основополагающих документов следует отметить ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 12 декабря 2012 г., Указ Президента РФ от 20 октября 2012 г. «О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания», а также ряд документов стратегического планирования, закрепляющих концепт патриотизма в общей системе духовно-нравственных ценностей: Стратегию национальной безопасности Российской Федерации от 31 декабря 2015 г., Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года и др.

Осуществление целевых программ и проектов, направленных на патриотическое воспитание. Основу мероприятий по формированию патриотического сознания, готовности к выполнению гражданского долга и т. п. на федеральном, региональном и локальном уровнях составляет государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020

годы», утвержденная постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2015 г.¹⁹

Информационное воздействие, пропаганда ценностей патриотизма и гражданской ответственности посредством средств массовой информации. Среди них в данном контексте особо следует выделить в телевизионном эфире – государственный общественно-патриотический телеканал «Звезда», в интернет-пространстве – сетевые информационные агентства (РИА Новости, Федеральное агентство новостей и др.), новостные и аналитические сайты («Антифашист», «Политикус», «Политическое обозрение», «Русская народная линия»), тематические сайты и порталы («Военное обозрение», «Сделано в России» и др.), а также новые форматы социальной коммуникации – блоги, сообщества, социальные сети [13, 97].

Мероприятия по патриотическому воспитанию в рамках национальных проектов, патриотических форумов, конкурсов, акций памяти и т. п. реализуются по нескольким ключевым направлениям:

– гражданско-патриотический вектор – формирование правосознания, правовой культуры, гражданской позиции, готовности к служению своему народу и выполнению конституционного долга, навыков оценки политических и правовых событий и процессов в обществе и государстве (Патриотический молодежный форум, Всероссийский форум добровольцев, Молодежный форум ПФО «iВолга», Форум современной журналистики «Вся Россия» и др.);

– социально-патриотический вектор – формирование духовно-нравственной и культурно-исторической преемственности поколений, повышение уровня вовлеченности граждан в добровольчество, формирование активной жизненной позиции (Всероссийский конкурс «Доброволец России», Всероссийский конкурс лучших практик поддержки добровольчества «Регион добрых дел», федераль-

¹⁸ Послание Президента РФ Федеральному Собранию. 12 декабря 2012 г. URL: <https://er.ru/activity/news/poslanie-prezidenta-rossijskoj-federacii-federalnomu-sobraniyu> (дата обращения: 20.09.2020).

¹⁹ См.: О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы»: Постановление Правительства РФ от 30.12.2015. № 1493. URL: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf> (дата обращения: 10.09.2020).

ный проект «Социальная активность» и др.);

– героико-патриотический вектор – закрепление знаний о знаменательных исторических датах, пропаганда героических профессий, воспитание чувства единой истории и ответственности каждого за судьбу страны («Урок Победы – Бессмертный полк», Всероссийский форум «Молодежь России – Поколению Победителей», поисково-спасательные отряды, памятные выставки, флешмобы, автопробеги);

– военно-патриотический вектор – упрочение патриотического сознания, идей служения Отечеству, способности к его вооруженной защите; профориентация молодежи на обучение в военных учебных заведениях (военно-патриотические слеты, Всероссийский образовательный историко-патриотический форум «Виват, Россия!», проекты Общероссийского народного фронта «Дневник Победы. Все для фронта», «Фронтовые письма», проект «Дорога памяти» и др.).

Республика Мордовия является активным участником всероссийских патриотических акций в рамках Дней единых действий («Красная гвоздика», «Вахта Памяти», «Георгиевская ленточка», «Солдатский треугольник», «Это наша Победа», «Бессмертный полк», «Рисуем Победу!», «Стихи и песни о войне», «Дорога памяти» и многих других. Кроме того, существует широкий перечень республиканских патриотических акций и мероприятий: фестивали патриотических агитбригад, недели патриотической песни, спартакиады призывной молодежи, тематические выставки, чтения, культурно-массовые мероприятия, марши памяти «Снежный десант» по районам Республики Мордовия, «Уроки мужества» для студентов и школьников. На формирование активной гражданской и патриотической позиции нацелены мероприятия, приуроченные к государственным праздникам (День народного единства, День защитника Отечества, День России, День Государственного флага Россий-

ской Федерации, День Победы, Праздник весны и труда).

Утверждению активной гражданской позиции, чувства сопричастности к героической истории России в наибольшей мере способствуют учреждения образования и культуры Республики Мордовия. Следует отметить активное вовлечение школьников и студентов в проект «Уроженцы Мордовии – герои Отечества», предусматривающий проведение тематических экскурсий, циклов выставок, включая «Фронтальный портрет», «Награды и подвиги», «Книжную летопись Победы», а также совершенствование механизмов работы по установлению судеб солдат Великой Отечественной войны «Уточни судьбу солдата».

Министерством культуры, национальной политики и архивного дела РМ проводится серия мероприятий по упрочению гражданской солидарности и общероссийского гражданского самосознания населения Республики Мордовия, гармонизации межнациональных и межэтнических отношений на основе формирования единой региональной полиэтнической общности – народа Мордовии.

Указом Президента РФ В. В. Путина 2020 г. объявлен в России Годом памяти и славы. В связи с этим в республике разработан комплекс мероприятий по проведению празднования 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне, улучшению качества жизни инвалидов и участников Великой Отечественной войны, по военно-патриотическому и гражданскому воспитанию молодежи²⁰.

Популяризации темы Великой Победы и формированию патриотических настроений способствуют издание социально значимой литературы (серия буклетов «Мордовия многонациональная», научные и научно-популярные работы «Мордва России» и «Народы Мордовии», сборник поэтических произведений «Поэзия Победы» на эрзянском, мокшанском и русском языках), выпуск периодических печатных изданий (республиканские газеты «Эр-

²⁰ См.: Мордовия готовится масштабно отметить 75-летие Победы в ВОВ // Saransk SM News. URL: <https://saransk.sm-news.ru/mordoviya-gotovitsya-masshtabno-otmetit-75-letie-pobedy-v-vov-5190> (дата обращения: 18.09.2020).

знь правда», «Мокшень правда», литературно-художественные журналы «Сятко», «Мокша»), теле- и радиопрограмм, направленных на укрепление гражданского патриотизма и общероссийской гражданской идентичности (освещение в СМИ значимых этнических и религиозных праздников), информационное сопровождение мероприятий, направленных на профилактику экстремизма, развитие национальных культур и формирование толерантности в Республике Мордовия.

Важную миссию сохранения исторической памяти о погибших при защите Отечества и воспитания подрастающего поколения в духе патриотизма выполняют поисковые организации – Мордовское республиканское патриотическое объединение «Поиск» и Мордовская республиканская общественная организация «Архивно-поисковая группа «Броня». Основными видами их деятельности помимо поиска и последующего захоронения останков солдат являются создание музеев, уголков боевой славы, привлечение школьников и студентов к поисково-исследовательской, краеведческой деятельности, проведение мероприятий военно-патриотической направленности, оказание благотворительной помощи ветеранам.

Из патриотических медиапроектов стоит отметить интернет-проект «Мордовия – Великой Победе», предусматривающий сбор с последующей публикацией материалов о подвигах и героях Великой Отечественной войны, о родственниках – участниках событий тех лет и т. д.; Всероссийский литературный конкурс «Герои Великой Победы»; Международную просветительно-патриотическую акцию «Диктант Победы» и т. д.

В последнее время к реализации мероприятий по гражданско-патриотическому воспитанию, укреплению межнационального сотрудничества, сохранению и раз-

витию культуры, языков, национальных традиций стали подключаться социально ориентированные некоммерческие организации (НКО), которым на республиканском уровне предоставляются субсидии на основе конкурса. Уполномоченным исполнительным органом по отбору проектов выступает Министерство культуры, национальной политики и архивного дела РМ. К числу таких организаций относятся Межрегиональная общественная организация мордовского (мокшанского и эрзянского) народа, Региональная общественная культурно-просветительская организация «Дом дружбы народов Республики Мордовия», некоммерческая ассоциация «Поволжский центр культур финно-угорских народов», Мордовская республиканская молодежная общественная организация «Союз православной молодежи Мордовии», автономная некоммерческая организация «Дом народов Республики Мордовия» и др.

В 2020 г. поддержаны проекты создания аудиовизуальной энциклопедии этнокультур России, организация Международной научной конференции «Финно-угорские народы в контексте формирования общероссийской гражданской идентичности и меняющейся окружающей среды», проведение различных выставок-конкурсов, онлайн-марафонов, спектаклей²¹. Среди недостатков конкурсного субсидирования этих проектов следует указать то, что оно не является гарантированной статьей финансирования для НКО. Кроме того, широкий спектр поддерживаемых видов деятельности сокращает возможности для поддержки именно патриотически направленных проектов. В данном контексте интересен опыт Карелии, где из бюджета республики также на конкурсной основе выделяются субсидии НКО конкретно на проекты по патриотическому воспитанию²².

²¹ См.: План-график мероприятий социально ориентированных некоммерческих организаций Республики Мордовия на 2020 г. // Министерство культуры, национальной политики и архивного дела. URL: <https://mktrm.ru/sonko> (дата обращения: 18.09.2020).

²² См.: Об утверждении Порядка определения объема и предоставления из бюджета Республики Карелия субсидий некоммерческим организациям (за исключением государственных (муниципальных) учреждений) на мероприятия по реализации молодежной политики в Республике Карелия: Постановление Правительства Республики Карелия от 03.07.2018 № 239-П // Консорциум Кодекс. URL: <http://docs.cntd.ru/document/465418472> (дата обращения: 18.09.2020).

Таким образом, мероприятия гражданско-патриотической направленности в Республике Мордовия отличаются вариативностью формата и регулярностью проведения. Их реализация происходит с целью воспитания чувства уважения к историческому прошлому Российского государства, достоинства и гордости в связи с причастностью к героической истории страны, нравственного становления личности в целом и формирования массового сознания, доминантой которого является патриотизм, выраженный не только в любви к большой и малой Родине, но и в желании трудиться на благо процветания своего Отечества. Обоснование необходимости проведения подобного рода мероприятий концептуально закреплено в региональных государственных и целевых программах по соответствующей тематике. Создана многоуровневая система субъектов их реализации, а также выстроены горизонтальные межведомственные связи с участием образовательных учреждений, религиозных организаций и др.

Заключение

Патриотизм является важным ресурсом сохранения и развития российской государственности и условием консолидации общества. Основой осознания патриотизма как важной духовно-нравственной ценности выступают уважение к культурному и историческому наследию, чувство единой истории и ответственности каждого за судьбу страны. На всем протяжении российской истории государственно-патриотическая идея была одним из основных факторов, обеспечивающих консолидацию общества. Современные тенденции общественно-политического развития актуализируют необходимость целенаправленного государственно-патриотического воспитания для обеспечения стабильного и динамичного развития современного российского общества на основе социальной активности, гражданской ответственности, духовности и активной деятельности на благо государства и общества.

Элементы гражданско-патриотического воспитания последовательно реализуются в государственной образовательной, культурной, национальной, молодежной политике. Значимость проблемы патриотизма декларируется в нормативных документах, программах, проектах, однако в научном и общественном дискурсе на данный момент отсутствует единое концептуальное видение рассматриваемого понятия. Несмотря на попытки девальвации патриотического сознания в постсоветский период, патриотизм не утратил своего значения. Любовь к Родине и готовность к ее защите остаются определяющими морально-нравственными ориентирами личности.

Кейс Мордовии демонстрирует, что на региональном уровне запущена достаточно действенная система целевых программ, целью которых являются патриотическое воспитание и формирование патриотического сознания как базы для укрепления общероссийской государственно-гражданской идентичности при сохранении этнической самобытности. Основной проблемный момент заключается в софинансировании в части обязательств региона, что во многом связано с его высокой долговой нагрузкой²³.

Деятельностная составляющая реализации патриотической тематики в Республике Мордовия оценивается как многоплановая и многоформатная (патриотические форумы, флешмобы, акции памяти, научные конференции и др.) и реализуется по гражданско-патриотическому, социально-патриотическому, героико-патриотическому, военно-патриотическому векторам.

В целом процесс формирования патриотического сознания граждан России нуждается в дальнейшем совершенствовании и требует объединения усилий государства и институтов гражданского общества по укоренению деятельностного компонента сознания, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины.

²³ См.: Хуже всех: госдолг Мордовии составляет 212 % от всех доходов региона за год // MordovMedia.ru. URL: <https://www.mordovmedia.ru/news/society/item/91369> (дата обращения: 30.10.2020).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алехин И. А. Патриотическое воспитание студенческой молодежи в истории России // Мир образования – образование в мире. 2012. № 3 (47). С. 22–31.
2. Бурмистров В. Б. Идея патриотизма: место и роль в истории России // Сибирский научный Вестник. 2012. № 1 (7). С. 9–13.
3. Васьков М. И., Верещагина А. И., Самыгин С. И. Механизм межпоколенческой солидарности в формировании патриотизма и управления межэтническими отношениями в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 2. С. 17–21.
4. Гармаев Б. Б. Природа патриотизма и формы его проявления // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2013. № 6. С. 120–124.
5. Дробижева Л. М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/k1snie3ie7/direct/97152644.pdf> (дата обращения: 20.11.2020).
6. Дьякова В. В. Региональная идентичность и местный патриотизм: поколенческий аспект // Теория и практика общественного развития. 2020. № 5 (147). URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2020/5/sociology/diakova.pdf (дата обращения: 18.09.2020).
7. Егоров М. А. Современный патриотизм: сущность, содержание, классификация // Конструктивные педагогические заметки. 2017. Т. 2, № 5 (7). С. 78–90.
8. Жовтун Д. Т., Меркушин В. И. Подходы к научному определению патриотизма // Социология власти. 2006. № 1. С. 112–124.
9. Загыртдинов Р. Б. Проблема патриотизма в современном российском обществе // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 2 (18). С. 185–190. DOI: 10.24151/2409-1073-2018-2-185-190
10. Зелетдинова Э. А., Дьяков О. Ю. Особенности региональной идентичности и местного патриотизма жителей Астраханской области // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 4. URL: <https://doi.org/10.24158/spp.2020.4.6> (дата обращения: 18.10.2020).
11. Зелетдинова Э. А., Дьякова В. В. Патриотизм как элемент гражданской идентичности // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 4. С. 255–257.
12. Иванова Н. Л., Мазилова Г. Б. Гражданская идентичность и формирование гражданской ответственности // Ученые записки Педагогического института Саратовского государственного университета. Сер.: Психология. Педагогика. 2010. Т. 3, № 4 (12). С. 11–20.
13. Казакова М. Н. Средства массовой коммуникации как ресурс формирования национального самосознания // Возможности и угрозы цифрового общества: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ярославль, 2020. С. 95–100.
14. Казиев Н. Э., Магаррамов М. Д., Юсупова Г. И., Алибекова С. Я. Опыт реализации программно-целевого подхода к патриотическому воспитанию молодежи как условие обеспечения духовной безопасности государства // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2018. Т. 12, № 4. С. 54–60. DOI: 10.31161/1995-0659-2018-12-4-54-60
15. Князева М. Л., Зеленина Е. В. Понятийно-смысловая парадигма патриотизма в публичном дискурсе России // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2018. Т. 1, № 1. С. 200–211.
16. Козырев Г. И. Патриотизм и антипатриотизм как причины конфликта идентичностей в современном российском обществе // Социология. 2020. № 2. С. 128–142.
17. Кошарная Г. Б., Толубаева Л. Т. Духовно-нравственные ориентиры в системе ценностей студенческой молодежи регионального социума // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2013. № 3 (27). С. 113–123.
18. Кугай А. И. Патриотизм как фактор гражданской идентификации и национального единства // Управленческое консультирование. 2018. № 5. С. 152–161. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-5-152-161
19. Куликова С. В. Воспитание национального самосознания и патриотизма в России: от истории к современности // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2015. № 3 (98). С. 11–16.
20. Левашов В. К. Патриотизм в контексте современных социально-политических реалий // Социологические исследования. 2006. № 8 (268). С. 67–76.
21. Ляукина Г. А. Социосетевые технологии в патриотическом воспитании студентов вуза // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2019. № 2 (102). С. 116–124. DOI: 10.26293/chgpu.2019.102.2.016
22. Мартынов М. Ю., Габеркорн А. И. Концепт патриотизма в процессах формирования гражданской идентичности // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 4. С. 84–96.

23. Мациевская Г. А. Об основах государственной политики патриотического воспитания в современной России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право. 2016. № 24 (245). С. 164–168.
24. Мурзина И. Я., Казакова С. В. Перспективные направления патриотического воспитания // Образование и наука. 2019. Т. 21, № 2. С. 155–175.
25. Овсянникова О. А. Духовные и культурно-исторические основы российского патриотизма // Российский патриотизм: основы и приоритетные направления развития: сб. материалов. Москва, 2014. С. 23–37.
26. Павлов А. В. Патриотизм. Очень краткая история идеи // Философская антропология. 2018. Т. 4, № 1. С. 175–191. DOI: 10.21146/2414-3715-2018-4-1-175-191
27. Павлов Д. А. Патриотизм: религиозные и гражданские аспекты, исторический анализ // Здоровье и образование в XXI веке. 2017. Т. 19, № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patriotizm-religioznye-i-grazhdanskije-aspekty-istoricheskij-analiz> (дата обращения: 22.09.2020).
28. Павлова Л. А. Этико-эстетические идеалы: синкретический подход // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15, № 2 (2). С. 516–520.
29. Рачипа А. В., Бурьков В. В., Алексеев А. В. Идея патриотизма в истории России // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 4. С. 17–21.
30. Рудаков А. В. О проблемах совершенствования государственной политики в области патриотического воспитания граждан Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2018. № 1. С. 91–99.
31. Селезнева А. В. Патриотизм как политическая ценность: политико-психологический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 200–208. DOI: 10.17223/1998863X/38/20
32. Сиволобова Н. А., Погребная О. С., Соина В. М. Содержание и технологии патриотического воспитания студентов вуза // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6 (73). С. 107–108.
33. Стрелецкий Я. И., Сидоренко Н. С. Феномен российского патриотизма: социальный философский анализ // Общество: философия, история, культура. 2018. № 6 (50). С. 16–20.
34. Томилина С. Н. Педагогическая технология государственно-патриотического воспитания учащейся молодежи // Сибирский педагогический журнал. 2019. № 3. С. 36–44.
35. Фардзинова С. А. Участие лидеров общественного мнения в процессах совершенствования социальной политики в области патриотического воспитания на муниципальном уровне // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7, № 3 (24). С. 392–396.
36. Шульгина Т. А., Кетова Н. А., Непоча-тых Е. П. К вопросу о гражданской идентичности и патриотических установках современной российской молодежи // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 12. URL: <https://doi.org/10.24158/spp.2018.12.2> (дата обращения: 18.09.2020).

Поступила 01.11.2020, опубликована 25.12.2020

PATRIOTIC EDUCATION AS A BASIS FOR STRENGTHENING RUSSIAN NATIONAL CIVIC IDENTITY: experience of the Republic of Mordovia (2012–2020)

Marina N. Kazakova,

*Candidate Sc. (Political Science), Associate Professor,
Department of General History, Political Science and Regional Studies,
National Research Mordovia State University
(Saransk, Russia), mnkazakova@mail.ru*

Irina G. Napalkova,

*Candidate Sc. (History), Associate Professor,
Department of General History, Political Science and Regional Studies,
National Research Mordovia State University
(Saransk, Russia), zamisi@yandex.ru*

Introduction. In modern Russia, patriotism is broadcast by the authorities as the only possible ideology of a democratic state, its national idea, which gives rise to many disputes and discussions within connotational boundaries: “love for the homeland lies outside states and nations – this is an initial, natural, genetic feeling” vs “the idea of sovereign patriotism can and should be the basis of the national idea of Russia”. The purpose of this publication is to consider the conceptual base and the activity of the formation of patriotic consciousness in the period 2012–2020 on the example of a separate subject of the Russian Federation – the Republic of Mordovia.

Materials and Methods. The methodology was based on a retrospective analysis, an axiological paradigm, and a systematic approach. Case study was used among the applied methods. The Republic of Mordovia acted as a case, as it is a typical constituent entity of the Russian Federation related to agro-industrial regions, on the other hand as a national republic in which citizens of 119 nationalities live, while the national composition is dominated by Mordovians (Moksha, Erzya), Russians, Tatars.

Results and Discussion. In the Republic of Mordovia, as well as in the Russian Federation as a whole, civic and patriotic education and the formation of patriotic consciousness of citizens is implemented through a program-targeted approach. This is expressed in a number of state programs, including “Development of Education in the Republic of Mordovia”, “Development of Culture and Tourism in Russia”, “Counteracting Drug Abuse and Illicit Trafficking”, “Harmonization of Interethnic and Interfaith Relations in the Republic of Mordovia”, etc., and there is a continuity in their adoption and prolongation. Effective vertical and horizontal interagency links have been created for their implementation. In recent years, individual civil society institutions, in particular, socially oriented non-profit organizations, have been actively involved in civic and patriotic education. The work also examines the activity component in the context of the analysis of individual events, graded by the authors for civic and patriotic, social and patriotic, heroic and patriotic and military and patriotic vectors. The problematic area remains the co-financing of state-funded programs in terms of the region’s obligations due to the accumulated problems in the budgetary sphere and, as a result, the highest debt burden of all the subjects of the Russian Federation.

Conclusion. In nowadays Russia, the elements of civic-patriotic education are consistently implemented in the state educational, cultural, national, and youth policy. In the Republic of Mordovia, the implementation of patriotic themes is assessed as diverse and it has various formats. It is carried out according to civic and patriotic, socio-patriotic, heroic-patriotic, military-patriotic vectors.

Key words: Russian national civic identity; patriotism; patriotic consciousness; civic-patriotic education; region; Republic of Mordovia; program-targeted approach.

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for basic research, the project “Spatial development of Russia as a factor of nation-building and the formation of a national idea” (No. 18-011-00364 A).

For citation: Kazakova MN, Napalkova IG. Patriotic education as a basis for strengthening Russian national civic identity: experience of the Republic of Mordovia (2012–2020). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020; 12; 4: 430–446. (In Russian)

REFERENCES

1. Alyokhin IA. Patriotic education of students in the History of Russia. *Mir obrazovaniia – obrazovanie v mire* = World of Education – Education in the World. 2012; 3 (47): 22–31. (In Russian)
2. Burmistrov VB. Idea of Patriotism: Place and role in the History of Russia. *Simbirskii nauchnyi vestnik* = Simbirsk Scientific Journal Vestnik. 2012; 1 (7): 9–13. (In Russian)

3. Vaskov MI, Vereshchagina AI, Samygin SI. The mechanism of intergenerational solidarity in the formation of patriotism and the management of interethnic relations in Russia. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki* = Humanities, Social-economic and Social Sciences. 2018; 2: 17–21. (In Russian)
4. Garmaev BB. The nature of patriotism and forms of its manifestation. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogika. Filologiya. Filosofiya* = Vestnik of the Buryat State University. Pedagogy. Philology. Philosophy. 2013; 6: 120–124. (In Russian)
5. Drobizheva LM. State and ethnic identity: choice and mobility. Available from: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/k1snie3ie7/direct/97152644.pdf> (accessed 20.11.2020). (In Russian)
6. D'yakova VV. Regional identity and local patriotism: generational aspect. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia* = Theory and Practice of Social Development. 2020; 5 (147). Available from: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2020/5/sociology/diakova.pdf (accessed 18.09.2020). (In Russian)
7. Egorov MA. Modern patriotism: essence, content, classification. *Konstruktivnye pedagogicheskie zametki* = Constructive pedagogical notes. 2017; 2; 5 (7): 78–90. (In Russian)
8. Zhovtun DT, Merkushev VI. Approaches to the scientific definition of patriotism. *Sotsiologiya vlasti* = Sociology of power. 2006; 1: 112–124. (In Russian)
9. Zagyrtdinov RB. The problem of patriotism in modern Russian society. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniia* = Economic and social and humanitarian studies. 2018; 2 (18): 185–190. DOI: 10.24151/2409-1073-2018-2-185-190 (In Russian)
10. Zeletdinova EA, D'yakov OYu. Features of regional identity and local patriotism of residents of the Astrakhan region. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* = Society: Sociology, Psychology, Pedagogy. 2020; 4. Available from: <https://doi.org/10.24158/spp.2020.4.6> (accessed 18.10.2020). (In Russian)
11. Zeletdinova EA, D'yakova VV. Patriotism as an element of civic identity. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii* = Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2017; 4: 255–257. (In Russian)
12. Ivanova NL, Mazilova GB. Civil Identity and Formation of Civilization. *Uchenye zapiski Pedagogicheskogo instituta Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Psikhologiya. Pedagogika* = Scientific notes of the Pedagogical Institute of Saratov State University. Series: Psychology. Pedagogy. 2010; 3; 4 (12): 11–20. (In Russian)
13. Kazakova MN. Massmedia as a resource for the formation of national identity. *Vozmozhnosti i ugrozy tsifrovogo obshchestva: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* = Opportunities and threats of digital society. Materials of the all-Russian scientific and practical conference. Yaroslavl; 2020: 95–100. (In Russian)
14. Kaziev NE, Magarramov MD, Yusupova GI, Alibekova SYA. The Implementation Experience of the Program Purposeful Approach to the Youth's Patriotic Education as a Condition of Securing the State Spiritual Safety. *Izvestiia Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Psikhologopagogicheskie nauki* = Dagestan State Pedagogical University Journal. Psychological and Pedagogical Sciences. 2018; 12; 4: 54–60. DOI: 10.31161/1995-0659-2018-12-4-54-60 (In Russian)
15. Knyazeva ML, Zelenina EV. Conceptual and semantic paradigm of patriotism in the public discourse of Russia. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva* = Bulletin of the Volzhsky University named after V. N. Tatishchev. 2018; 1; 1: 200–211. (In Russian)
16. Kozyrev GI. Patriotism and Antipatriotism as Causes of Identity Conflict in Contemporary Russian Society. *Sotsiologiya* = Sociology. 2020; 2: 128–142. (In Russian)
17. Kosharnaya GB, Tolubaeva LT. Spiritual and moral guidelines in the value system of student youth of the regional society. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region* = News of higher educational institutions. Volga region. 2013; 3 (27): 113–123. (In Russian)
18. Kugaj AI. Patriotism as a factor of civil identity and national unity. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* = Management Consulting. 2018; 5: 152–161. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-5-152-161 (In Russian)
19. Kulikova SV. Education of national identity and patriotism in Russia: from history to the present. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. 2015; 3 (98): 11–16. (In Russian)
20. Levashov VK. Patriotism in the context of modern socio-political realities. *Sotsiologicheskie issledovaniia* = Sociological Research. 2006; 8 (268): 67–76. (In Russian)
21. Lyaukina GA. Social network technologies in the patriotic education of university students. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ia. Yakovleva* = Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev. 2019; 2 (102): 116–124. DOI: 10.26293/chgpu.2019.102.2.016 (In Russian)

22. Martynov MY, Gaberkorn AI. The concept of patriotism in the formation of civil identity. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* = Bulletin of the Moscow State Regional University. 2018; 4: 84–96. (In Russian)
23. Macievskaya GA. On the foundations of the state policy of patriotic education in modern Russia. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filosofii. Sotsiologii. Pravo* = Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right. 2016; 24 (245): 164–168. (In Russian)
24. Murzina IYa, Kazakova SV. Promising directions of patriotic education. *Obrazovanie i nauka* = Education and Science. 2019; 21; 2; 155–175. (In Russian)
25. Ovsyannikova OA. Spiritual and cultural-historical foundations of Russian patriotism. Rossiiskii patriotizm: osnovy i prioritetye napravleniia razvitiia: sb. materialov = Russian patriotism: foundations and priority directions of development. Collection of materials. Moskva; 2014: 23–37. (In Russian)
26. Pavlov AV. Patriotism. Very brief history of the idea. *Filosofskaia antropologiya* = Philosophical anthropology. 2018; 4; 1: 175–191. DOI: 10.21146/2414-3715-2018-4-1-175-191 (In Russian)
27. Pavlov DA. Patriotism: Religious and Civil Aspects Historical Analysis. *Zdorov'e i obrazovanie v XXI veke* = Health and Education in the XXI Century. 2017; 19; 1. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/patriotizm-religioznye-i-grazhdanskie-aspekty-istoricheskiiy-analiz> (accessed 22.09.2020). (In Russian)
28. Pavlova LA. Ethical and aesthetic ideals: syncretic approach. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* = News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2013; 15; 2 (2): 516–520. (In Russian)
29. Rachipa AV, Bur'kov VV, Alekseev AV. The idea of patriotism in the history of Russia. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* = Actual problems of the humanities and natural sciences. 2016; 4: 17–21. (In Russian)
30. Rudakov AV. On the problems of improving state policy in the field of patriotic education of citizens of the Russian Federation. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Istoriia i politicheskie nauki* = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Science. 2018; 1: 91–99. (In Russian)
31. Selezneva AV. Patriotism as a Political Value: Politics-Psychological Analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofii. Sotsiologii. Politologii* = Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2017; 38: 200–208. DOI: 10.17223/1998863H/38/20 (In Russian)
32. Sivolobova NA, Pogrebnyaya OS, Soina VM. Content and technologies of patriotic education of university students. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia* = World of science, culture, education. 2018; 6 (73): 107–108. (In Russian)
33. Streleckij YaI, Sidorenko NS. The phenomenon of Russian patriotism: social and philosophical analysis. *Obshchestvo: filosofii, istoriia, kul'tura* = Society: philosophy, history, culture. 2018; 6 (50): 16–20. (In Russian)
34. Tomilina SN. Pedagogical technology of state-patriotic education of students. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* = Siberian pedagogical journal. 2019; 3: 36–44. (In Russian)
35. Fardzinova SA. Participation of opinion leaders in the processes of improving social policy in the field of patriotic education at the municipal level. *Azimut nauchnykh issledovani: ekonomika i upravlenie* = Research Azimuth: Economics and Management. 2018; 7; 3 (24): 392–396. (In Russian)
36. Shul'gina TA, Ketova NA, Nepochatyh EP. On the issue of civic identity and patriotic attitudes of modern Russian youth. *Obshchestvo: sotsiologii, psikhologii, pedagogika* = Society: Sociology, Psychology, Pedagogy. 2018; 12. Available from: <https://doi.org/10.24158/spp.2018.12.2> (accessed 18.09.2020). (In Russian)

Submitted 01.11.2020, published 25.12.2020

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: функциональный аспект

Беломоева Ольга Герольдовна,

*доктор культурологии, профессор кафедры театрального искусства
и народной художественной культуры
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ), o_belomoeva@mail.ru*

Кондратенко Юрий Алексеевич,

*доктор искусствоведения, заведующий кафедрой театрального искусства
и народной художественной культуры
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ), yurkondr@gmail.com*

Введение. Феномен «традиция» является ключевым звеном в понимании специфики протекания культурных процессов современности. На фоне возникшего на рубеже XX–XXI вв. так называемого этнического возрождения, повышенного внимания народов, в том числе финно-угорских, к собственным культурным и историческим корням проблема сохранения и развития этнокультурной традиции приобрела новый импульс для осмысления. Этому способствует усиление интеграции культур внутри финно-угорского сообщества в условиях формирования новой социокультурной парадигмы.

Материалы и методы. Теоретическим материалом исследования послужили работы ученых в области изучения современного социокультурного процесса, в частности на примере культурного наследия финно-угорских народов. Достоверность и научная обоснованность результатов обеспечиваются социокультурным подходом, а также сравнительным и типологическим методами исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. В процессе бытия этнокультурной традиции в современном обществе большую роль в числе других обстоятельств играет процесс фестивализации культурного процесса. Для него характерно использование феномена этнокультуры как внешнего атрибута, функционирование которого сводится лишь к развлечению, созданию эффекта праздничности действия, что приводит к девальвации его ценности. Однако осуществленный анализ новой картины мира, сложившейся на рубеже XX–XXI вв., позволяет сделать вывод о том, что идея целостности мира, понимание пространства и времени, лежащие в ее основе, а также экологический и адаптивный потенциалы этнокультурной традиции остаются созвучными современному миру, и это дает основания для их сохранения и развития в современную эпоху. Данные выводы в полной мере относятся и к культурной практике финно-угорских народов на современном этапе.

Заключение. На основе исследованного материала сделан вывод об изменении функционирования финно-угорской этнокультурной традиции в соответствии с объективными условиями ее бытия.

Ключевые слова: этнокультура; традиция; картина мира; финно-угорские культуры; интеграция культур; фестивализация культурного процесса; функционирование этнокультуры.

Для цитирования: Беломоева О. Г., Кондратенко Ю. А. Этнокультурная традиция в современном мире: функциональный аспект // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 4. С. 447–456.

Введение

Феномен «традиция» является ключевым звеном в понимании специфики протекания культурных процессов современности. Культ трансформации, пронизывающий культуру рубежа XX–XXI вв., имеет своим содержанием прежде всего радикальное переосмысление всей системы ценностей (а значит, и понятия «традиция»), сложившейся на предыдущем этапе. Этот процесс затронул и

сферу традиционной этнической культуры, детерминированной биологическими, социальными и природными условиями формирования этноса [1]. Ее сущностные характеристики – приоритет традиционного над инновационным, коллективного над индивидуальным и др. – согласно общепринятой точке зрения вступают в противоречие с культурными трендами современности.

С другой стороны, отмеченный наукой рост национального самосознания также составляет одну из актуальных тенденций культуры. В частности, в данный период он мощно заявил о себе в финно-угорском мире, что выразилось в обращении этносов к своим истокам, архаической культуре древности, попытках осмыслить родственные связи, существующие между этносами, их активных и весьма плодотворных попытках позиционирования локальных культур в глобальном культурном пространстве.

В науке отчетливо проявилась тенденция изучения культурного наследия финно-угорских народов, которое включает в себя «материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности народов, входящих в финно-угорскую группу» [8, 96].

Финно-угорские народы создали, безусловно, уникальную культурную традицию, которая имеет длительную историю. На всем ее протяжении культурное наследие финно-угров развивалось в условиях активного диалога с культурами других этносов, не только аккумулируя лучшие их достижения, но и оказывая на них обратное воздействие, пополняя высокими достижениями мировую культуру. Как считают некоторые исследователи, «главная культурная ценность финно-угорской социокультурной среды заключается в том, что она универсальна и терпима к культуре других народов» [4, 117].

Начиная с 1990-х гг. по настоящее время в связи с новыми парадигмальными, внешне- и внутривосточными, социально-экономическими, идеологическими трансформациями происходит заметное усиление интеграции внутри финно-угорского сообщества. Ученые отмечают тенденцию образования национальных движений и организаций российских финно-угров, расширения их взаимодействия с зарубежными родственными народами, роста национального самосознания. Например, начало 1990-х гг. способствовало рождению таких национальных движений и организа-

ций, как «Коми котыр», «Марий ушем», «Масторава», «Спасение Югры», «Удмурт кенеш» и др. Активизировалось и взаимодействие родственных народов. В результате стало возможным говорить о транснациональной консолидации финно-угорских народов, их объединении «в единое международное движение, ставшее институтом гражданского общества, каналом народной дипломатии» [10].

Интеграция развивается, таким образом, на трех уровнях: региональном, общероссийском и международном. Если в предшествующую эпоху получил развитие главным образом первый уровень, то на рубеже XX–XXI вв. заметно интенсифицировались интеграционные процессы второго и третьего порядка. В этом следует усматривать прежде всего влияние глобализации, поставившей перед локальными культурами проблему позиционирования себя в глобальном культурном пространстве.

Процессы взаимодействия культур осуществляются различными учреждениями, составляющими организационную структуру финно-угорского движения. К международному уровню относятся Всемирный конгресс финно-угорских народов и его Консультативный комитет, Молодежная ассоциация финно-угорских народов. Общероссийский уровень представлен Ассоциацией финно-угорских народов, региональный – местными национальными организациями.

Движение финно-угорских народов выступает серьезным общественным явлением европейского масштаба, призванным сохранять и развивать их самобытную культуру, способствовать ее органичному встраиванию в современный глобальный мир. Это реальный фактор, позволяющий консолидировать финно-угорские народы в сферах культуры, науки, образования, а также в информационном пространстве. Как отмечает Н. И. Учайкина, в настоящее время «уникальную возможность организации единого научного, образовательного, социокультурного пространства на международном уровне» предоставляют инновационные информационные технологии [13, 22].

Следует отметить, что основной формой взаимодействия большинством исследователей признается именно интеграция культур как наиболее благоприятный вариант культурных контактов, способствующий дальнейшему плодотворному развитию каждого из участников процесса. Однако сегодня коррективы в развитие социокультурной ситуации, несомненно, начала вносить пандемия [7].

Все это свидетельствует о том, что в условиях новой социокультурной ситуации, рожденной глобализацией рубежа XX–XXI вв., проблема сохранения и развития этнотрадиции не только не была отодвинута на периферию культурной практики, но и, напротив, приобрела мощный импульс для осмысления, вышла на новый уровень, породила новые формы интеграции родственных культур.

Обзор литературы

Теоретической и методологической основой статьи послужили работы Ю. Б. Борева, Н. Г. Михайловой, Н. И. Учайкиной, посвященные проблемам взаимодействия традиции и инновации в культуре и искусстве. Публикации А. В. Березиной, И. М. Вельма, А. В. Каверина, Н. А. Кавериной, И. В. Лоткина, Н. Б. Семиной, В. В. Стебляка оказались полезны при анализе процессов развития этнокультурной традиции в условиях глобализации культур. Различные аспекты бытия финно-угорских культур в современную эпоху, рассмотренные Ю. А. Кондратенко, М. В. Логиновой, Т. Н. Малой, А. Б. Мясниковой, В. С. Святогоровой, Ю. А. Узловым, легли в основу исследования динамики их функционирования.

Материалы и методы

Материалом исследования явился процесс формирования новой социокультурной парадигмы на рубеже XX–XXI вв., породивший тенденцию трансформации культурных ценностей, проблему их адаптации к новым условиям и динамики функционирования.

Основу методологии исследования составил социокультурный подход, позволивший интегрировать материал гума-

нитарных исследований в различных областях науки. С помощью сравнительного и типологического методов была выявлена специфика функционирования этнокультурной традиции в современном мире на примере финно-угорских культур.

Результаты исследования и их обсуждение

Современность подтвердила значение традиции как связующей нити времен, ее роль как общественной ценности, которая может выступать и комплексом культурного наследия, и механизмом передачи социокультурного опыта от поколения к поколению (наследование).

Традиция – это память культуры, но она избирательна. Современные этнокультурные практики явственно показали, что настоящее принимает из прошлого лишь то, что для него важно и потому актуально. Традиция сохраняет в себе только то, что нужно сегодня, и в том виде, в котором этого требует современность. Особенно показателен в этом случае пример актуализации одной и той же традиции в разные эпохи: каждая из них интерпретирует ее по-своему. Достаточно вспомнить Античность. Если академизм, опираясь на ее художественное наследие, относился к классике как к отвлеченному нормативному идеалу, то неоклассика рубежа XIX–XX вв. воспринимала ее как носителя поэтического человеческого содержания, выражая свое лирически непосредственное отношение к ней.

В культуре и искусстве традиция продолжается и дает положительный результат не тогда, когда автор просто повторяет найденное прежде и устоявшееся, а когда осуществляется процесс преемственности, в котором главным созидательным фактором становится новаторство. По мнению Ю. Б. Борева, процесс преемственности способствует «приращению выразительности средств, углублению и развитию художественной концепции, расширению смысла, углублению идейно-эмоционального воздействия на личность, а в прикладных искусствах и архитектуре также совершенствованию функциональности» [2, 345]. Другими словами, взаи-

модействие традиции и новаторства – не-пременное условие создания артефакта, отвечающего современным требованиям. Ю. А. Узлов отмечает это и в отношении локальных культур: «...этнокультурные ценности представляют собой своеобразное сочетание традиционных и инновационных элементов, в которых концентрируется опыт жизнедеятельности этнического субъекта в цивилизации» [12].

По большому счету указанное взаимодействие может выражаться двояко. С одной стороны, если традиционной остается форма, то функциональная сторона должна быть отмечена чертами новаторства, с другой – традиционной может быть функция, но тогда черты новаторства должна приобрести форма. Учет данного обстоятельства делает само собой разумеющимся отказ от простого воспроизведения сложившейся некогда традиции. Этот процесс с недавних пор стал предметом особого исследования. Как подчеркивают авторы статьи «Проект “Современное искусство Мордовии: неотрадиционализм и формы его развития”», в реалиях сегодняшнего дня традиция демонстрирует в полной мере свой диалектический характер, следствием чего является возникновение неотрадиционализма как процесса «сознательного обращения к прошлому для адаптации к новым условиям» [5, 265].

Следует отметить, что в общественном сознании наших сограждан в последние годы сложилось отчетливое представление о том, что простое перенесение традиции из одной эпохи в другую невозможно. Процесс реконструкции традиции должен и может применяться сегодня в первую очередь для верного понимания ее сути, однако он не может быть единственным способом позиционирования этнотрадиции в нашу эпоху. В конце концов, не будем забывать о том, что традиции сформировались в совершенно ином контексте. Этнические культуры родились в доиндустриальную эпоху и остаются архаичными в своей основе. Они малоподвижны, анонимны, скорее закрыты, чем открыты, для взаимодействий и контактов. Современность же характеризуется как эпоха постиндустриальная, информационная;

ее культура программно космополитична, существует поверх национальных границ, ее формирование, как считают большинство ученых, идет рука об руку с процессами унификации.

В новых условиях этнокультурная традиция функционирует иначе, поскольку она утрачивает универсальную роль, которая предполагала выполнение нормативной, инструментальной, сигнификативной, коммуникативной [3], адаптивной и других функций. Традиция лишается глубинного содержания и используется как элемент, декорирующий новую ценностно-смысловую базу человеческой жизни. Особенно ярко это проявляется в феномене фестивализации культурного процесса.

Ф. Мюре, предложивший назвать современную эпоху гиперфестивальной эрой, трактует данный процесс как усиление праздничного компонента в обыденной жизни, где огромную роль начинает играть *Homo festivus* – Человек празднующий [11]. Он является порождением общества потребления, в котором сам акт потребления воспринимается как праздничное действие. При этом происходит десакрализация праздничного, а повседневное, в свою очередь, возводится на пьедестал.

Действительно, как показывает анализ социокультурной ситуации, в регионах, компактно представляющих культуру финно-угорских народов, проводится большое число разнообразных праздников, фестивалей и других мероприятий именно праздничного характера. В их основе лежит, как правило, этнокультурная традиция. Не только в самостоятельном или любительском творчестве, но и в профессиональном искусстве рождаются новые образы, навеянные традицией. Достаточно вспомнить феномен этнофутуризма, сформировавшийся на основе интеграции древней финно-угорской символики и современных форм профессионального искусства и получивший мощное развитие в Удмуртии, Мордовии, Марий Эл, Эстонии, Финляндии. Другой пример – феномен фолктанца, изначально возникший в рамках саранского фестиваля современного танца «Лиса» как эксперимент в региональ-

ном искусстве. Сегодня его можно рассматривать в качестве самостоятельного направления в современном танце, цель которого – переосмысление и актуализация содержания народной танцевальной традиции в рамках современных форм искусства.

Указанное обстоятельство играет, по нашему мнению, существенную роль в трансформации отношения к традиции. Дело в том, что в традиционной культуре праздник всегда был выделен из будничного ряда жизни. Связанный с какими-либо особенно значимыми для жизни этноса событиями (знаковыми датами календарного времени, священных событий – исторических или религиозных), он был явлением сакрально-ритуальным, мифопоэтическим. В контексте фестивализации праздник сменяется праздничностью, превращается в шоу, в котором традиция используется лишь как внешний атрибут, призванный придать зрелищу более привлекательный облик, усилить оригинальность, неожиданность подачи действия. В результате происходит девальвация ценности этнической традиции, она утрачивает ряд ранее присущих ей функций, например регулятивную, нормативную, сакральную и др., и в конечном счете утрачивается сама. Однако этот процесс неоднороден.

Дело в том, что современная эпоха, как уже отмечалось, демонстрирует повышенный интерес к этнокультурным традициям. Он проявляется в феномене так называемого этнического парадокса, когда в ответ на угрозу унификации культурного многообразия люди все чаще обращаются к ценностям родной культуры. Во многом это связано со стремительными темпами развития современной цивилизации. Оказавшись в круговороте событий, требующих от человека постоянной адаптации к изменениям окружающей среды, наш современник начинает искать для себя какие-либо островки стабильности, точки опоры, позволяющие ему правильное ориентироваться в потоке жизни. В числе таких точек опоры – традиционные ценности родной культуры, поскольку в них заложены некие константы, которые оста-

ются незыблемыми на протяжении столетий. Н. Г. Михайлова относит сюда такие идеи – ценности – смыслы, как представления о природе, космосе, месте человека в жизни; представления об идеалах мудрости, силы, героизма, красоты, добра и зла, о формах «правильного» и «неправильного» устройства жизни, о служении людям, Отечеству и др. [9]. Выработанные и отшлифованные многими поколениями, они заключают в себе истину, концентрированный опыт, накопленный человечеством на протяжении тысячелетней истории.

Классическим примером отражения данного процесса может служить спектакль Мордовского государственного национального драматического театра «Куй-горож» по пьесе Валентины Мишаниной. Поставленный в ноябре 2019 г., он уже стал обладателем гран-при нескольких театральных фестивалей. Постановщик спектакля Борис Манджиев превратил повествование народной мордовской сказки, по мотивам которой написана пьеса, в рассуждение о тех ценностях, которые позволяют человеку не утратить себя в наши дни. Этой цели служит не только содержание спектакля, но и его форма. В действии спектакля элементы традиционной культуры – костюм, бутафория – каждый раз трансформируются в более современную форму, как и центральный элемент сценографии – двери. Именно они передают идею о том, что мир прошлого – вход в настоящее, вход во внутренний мир каждого, исследование мотивов поведения современного человека. Приведенный пример демонстрирует, что адаптационный потенциал этнокультур становится все более значимым для современности. При этом опыт каждой из этнокультур, сформированная в их лоне картина мира уникальны, что чрезвычайно важно для современной эпохи с ее подчеркнутым интересом к индивидуальному, единичному.

Рубеж XX–XXI вв. сформулировал новое представление о целостности мира. Вместо привычной формулы «мир – единство многообразия» новая эпоха предложила концепцию «мир – многообразие единства», акцентировав тем самым идею разнообразия культурных миров и зало-

жив ее в основание теории и практики развития культурных процессов. Известное в науке смещение исследовательских интересов от макрообъектов и макропроцессов к микрообъектам и микропроцессам привело к тому, что прошлое (в том числе этнотрадиция) в настоящее время воспринимается как нечто неповторимое и невозполнимое в других условиях. Отсюда понятно внимание, которое сообщество в последние десятилетия проявляет по отношению к локальным культурам: именно они репрезентируют свою уникальность и позволяют продемонстрировать идею культурного многообразия мира, «мира как многообразия единства». Этнокультурная традиция финно-угров вносит неповторимый вклад в мировую культуру.

Концепция пульсации времени, то расширяющегося до включения в него всей истории человечества, то сокращающегося до мгновения, лежащая в основе новой картины мира, также создает условия для органичного присутствия этнической архаической традиции в современной культуре: «В условиях, когда время стало рассматриваться как целостность, объемлющая все настоящее, исторически близкое и далекое прошлое, традицию многие стремятся вспомнить, возродить, реконструировать, изобрести и даже придумать» [6, 104]. Пример этого – хореографический спектакль Натальи Атитановой «Восемь мордовских песен» на музыку фолк-группы «Торама» (2011 г.). Сюитная форма спектакля, каждая часть которого – отдельная мордовская песня, организована по циклическому принципу, что возвращает нас к архаическому времени земледельческих культур. Более того, архаична и композиция хореографического текста – хоровод. Все это, казалось бы, обращает нас к прошлому, во многом служит свидетельством прямолинейной «фестивализации традиции». Однако в контексте спектакля обращает на себя внимание другое. В его основе – идея о том, что современный человек несет в себе элементы мышления своей этнической культуры, но способ функционирования этих элементов принципиально иной. В настоящем традиционное становится некой устойчивой

ценностью, ориентиром не для коллектива (что свойственно традиционной культуре), а для индивида (что отвечает индивидуализации в современной культуре). Таким образом, наше прошлое присваивается и переосмысливается не на коллективном, а на индивидуальном уровне. «Восемь мордовских песен» – пример исследования этого процесса средствами современного искусства. Не внешняя фольклоризированная форма определяет здесь творческий метод, а внутреннее содержание сценического действия. В нем средствами современного искусства актуализируются некие глубинные, может быть даже архетипические, черты национальной культуры.

Причина актуализации этнокультурной традиции и потенциальная возможность ее позиционирования в современном обществе видятся также и во вселенскости, космичности, заложенных в содержании народного искусства. Сужение пространства планеты до масштабов локуса сродни способности народного искусства в своем микромире отразить макрокосм.

На наш взгляд, такое восприятие времени присутствует в идее спектакля «Песни арктических птиц» на музыку Эйноухани Раутаваара, который был поставлен в 2019 г. в Мордовской республиканской хореографической школе хореографом Ольгой Котт. Внешне спектакль не несет в себе абсолютно никаких этнических черт: его оформление и пластическое решение современны. Содержание же составляет повествование о жизни народа саамов. Сюжет одноактного балета прост: один из родов саамов долгой арктической зимой собрался вместе у священного камня сейда. Люди рассказывают друг другу старинные предания, и они оживают на глазах: это истории о сотворении мира, о легендарном герое Куйве и предках, о солнце. Финальная картина представляет собой встречу солнца, появление которого на горизонте означает начало арктического лета. Люди удаляются следом за ним, чтобы на очередной стоянке у другого сейда вновь оживить в своем воображении прошлое. Своеобразная актуализация создает модель целого времени, соединя-

ющего здесь и сейчас прошлое, настоящее и даже будущее.

Приведенный пример демонстрирует и тот факт, что этнокультурная традиция, родившаяся в древности, в то время, когда человек жил в максимальном контакте с ритмами природы, приобретает особую значимость в современную эпоху, не раз продемонстрировавшую человеку могущество природных стихий по сравнению с созданной им цивилизацией. Пиетет по отношению к природе, который заложен в народном художественном творчестве, актуален в мире, стоящем на грани экологической катастрофы. Известно, что главное место среди образов народного искусства, и особенно, как считают некоторые исследователи, искусства финно-угорских народов, всегда занимали образы природы. Способность человека традиционной культуры ко вчувствованию в мир сродни открытию современным человеком ценности бытия природы, забытого кровного родства с ней. Это также отчасти объясняет возросший сегодня интерес к ценностям этнических культур.

Заключение

Итак, можно выделить ряд причин актуализации этнокультурной традиции в современную эпоху. Однако процесс ее позиционирования в современности обладает спецификой, не предполагая простого пе-

реноса традиции в сегодняшний день. Сейчас никто не будет носить народный костюм в его традиционном виде, несмотря на его экологичность и эстетические качества. Никто не будет во всех деталях следовать исполнению обрядовых действий и т. п. В меняющемся мире меняется функционирование традиции: утилитарная, нормативная, социально-организационная функции уходят на периферию, при этом усиливается ее роль как средства адаптации человека к новым условиям, формирования культурной идентичности личности и, как следствие, обретения психологического комфорта. Традиция по-прежнему способствует познанию мира, воспитанию эстетических вкусов и идеалов, осуществлению процессов гуманизации окружающей среды. К числу негативных аспектов функционирования этнокультурной традиции относится выполнение ею развлекательной функции, причем в гипертрофированной форме, что ведет к «эксплуатации» ее внешних – праздничных, эффектных, экзотических, с точки зрения современного человека, декоративных – сторон. В связи с этим было бы не вполне корректно говорить об утрате этнокультурной традиции в современном мире: она развивается в соответствии с требованиями времени, либо меняя смысловое и функциональное наполнение, либо трансформируя свой привычный облик.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Березина А. В. Процесс нивелирования ценностей как причина ослабления этнического самосознания // Финно-угорский мир. 2016. № 1 (26). С. 95–100.
2. Боров Ю. Б. Эстетика. Москва: Политиздат, 1988. 496 с.
3. Вельм И. М. Общее и особенное в национальной культуре // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. № 1. С. 174–179.
4. Каверин А. В., Каверина Н. А. Этническая окружающая среда финно-угорских народов: проблемы и задачи воссоздания и охраны // Финно-угорский мир. 2015. № 2 (23). С. 114–118.
5. Кондратенко Ю. А., Логинова М. В. Проект «Современное искусство Мордовии: неотрадиционализм и формы его развития» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16, № 2 (2). С. 264–266.
6. Кондратенко Ю. А., Логинова М. В., Святогорова В. С. Этнонаправления в искусстве Мордовии // Финно-угорский мир. 2015. № 1 (22). С. 103–107.
7. Лоткин И. В., Стебляк В. В. Трансформация социокультурной среды в условиях мирового кризиса // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10, № 3А. С. 135–141.

8. Малая Т. Н. Роль некоммерческих организаций в сохранении культурного наследия финно-угорских народов // Финно-угорский мир. 2015. № 2 (23). С. 95–97.
9. Михайлова Н. Г. Народная культура как целостный феномен: культурологический подход // Традиционная культура. 2002. № 3. С. 8–15.
10. Мясникова А. Б. Этапы становления и развития финно-угорского мира // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2012. № 1. С. 52–58. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-stanovleniya-i-razvitiya-finno-ugorskogo-mira> (дата обращения: 02.09.2020).
11. Семина Н. Б. Homo festivus как герой современной культуры // Культурное многообразие: от прошлого к будущему: материалы II Рос. культурол. конгресса с междунар. участием. Санкт-Петербург, 2008. С. 156–157.
12. Узлов Ю. А. Этнокультура и ее трансформация в современном мире // Теория и практика общественного развития. 2009. Вып. 1. С. 97–101. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokultura-i-ee-transformatsiya-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 02.09.2020).
13. Учайкина Н. И. Традиции и новации: грани взаимодействия // Финно-угорский мир. 2014. № 4 (21). С. 22.

Поступила 14.09.2020, опубликована 25.12.2020

ETHNOCULTURAL TRADITION IN THE MODERN WORLD: functional aspect

Olga G. Belomoeva,

*Doctor of Cultural Studies, Professor of the Department of Theater Arts and Folk Art,
National Research Mordovia State University
(Saransk, Russia), o_belomoeva@mail.ru*

Yurii A. Kondratenko,

*Doctor of Arts, Head of the Department of Theater Arts and Folk Art,
National Research Mordovia State University
(Saransk, Russia), yurkondr@gmail.com*

Introduction. The phenomenon of “tradition” is a key link in understanding the specifics of the current cultural processes. The problem of preserving and developing the ethnocultural tradition has acquired a new impetus for comprehension against the background of the emergence at the turn of the XX–XXI centuries of the so-called ethnic revival, the increased attention of peoples, including the Finno-Ugric ones to their own cultural and historical roots. This is facilitated by the strengthening of the integration of cultures within the Finno-Ugric community in the context of the formation of a new socio-cultural paradigm.

Materials and Methods. The theoretical material of the study was the work of scholars in the field of studying the modern socio-cultural process, in particular on the example of the cultural heritage of the Finno-Ugric peoples. The reliability and research validity of the results is provided by the sociocultural approach, as well as by comparative and typological research methods.

Results and Discussion. In the process of being an ethnocultural tradition in modern society, the process of festivity of the cultural process plays an important role, among other circumstances. It is characterized by the use of the phenomenon of ethnoculture as an external attribute, the functioning of which is reduced only to entertainment, creating the effect of festivity of the action, which leads to the devaluation of its value. However, the analysis of the new picture of the world that took shape at the turn of the XX–XXI centuries allows us to conclude that the idea of the integrity of the world, the understanding of space and time that underlie it, as well as the ecological and adaptive potential of the ethnocultural tradition remain consonant with the modern world, and this gives grounds for their preservation and development in the modern era. These conclusions fully apply to the cultural practice of the Finno-Ugric peoples at the present stage.

Conclusion. On the basis of the studied material, a conclusion was made about the change in the functioning of the Finno-Ugric ethnocultural tradition in accordance with the objective conditions of its existence.

Key words: ethnoculture; tradition; picture of the world; Finno-Ugric cultures; integration of cultures; festival of the cultural process; functioning of ethnoculture.

For citation: Belomoeva OG, Kondratenko YuA. Ethnocultural tradition in the modern world: functional aspect. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020; 12; 4: 447–456. (In Russian)

REFERENCES

1. Berezina AV. The process of leveling values as the cause of the weakening of ethnic self-awareness. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2016; 1 (26): 95–100. (In Russian)
2. Borev YuB. Aesthetics. Moskva; 1988. (In Russian)
3. Velm IM. General and special in national culture. *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* = Year-book of Finno-Ugric studies. 2016; 1: 174–179. (In Russian)
4. Kaverin AV, Kaverina NA. Ethnic environment of the Finno-Ugric peoples: problems and tasks of reconstruction and protection. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2015; 2 (23): 114–118. (In Russian)
5. Kondratenko YuA, Loginova MV. Project “Contemporary art of Mordovia: neo-traditionalism and forms of its development”. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoi akademii nauk* = News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2014; 16; 2 (2): 264–266. (In Russian)
6. Kondratenko YuA, Loginova MV, Svyatogorova VS. Ethnon-government in the art of Mordovia. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2015; 1 (22): 103–107. (In Russian)
7. Lotkin IV, Steblyak VV. Transformation of the socio-cultural environment in the context of the global crisis. *Kul'tura i tsivilizatsiia* = Culture and civilization. 2020; 10; 3A: 135–141. (In Russian)
8. Malaya TN. The role of non-profit organizations in preserving the cultural heritage of the

- Finno-Ugric peoples. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2015; 2 (23): 95–97. (In Russian)
9. Mikhailova NG. Folk culture as a holistic phenomenon: a cultural approach. *Traditsionnaia kul'tura* = Traditional culture. 2002; 3: 8–15. (In Russian)
 10. Myasnikova AB. Stages of formation and development of the Finno-Ugric world. *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* = Bulletin of the Chuvash University. Humanitarian sciences. 2012; 1: 52–58. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-standovleniya-i-razvitiya-finno-ugorskogo-mira> (accessed 02.09.2020). (In Russian)
 11. Semina NB. Homo festivus as a hero of modern culture. *Kul'turnoe mnogoobrazie: ot proshlogo k budushchemu: materialy II Ros. kul'turolog. kongressa s mezhdunar. uchastiem* = Cultural diversity: from the past to the future. Materials II Russian culturology congress with international participation. 2008: 156–157. (In Russian)
 12. Uzlov YuA. Ethnoculture and its transformation in the modern world. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia* = Theory and practice of social development. 2009; 1: 97–101. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokultura-i-ee-transformatsiya-v-sovremennom-mire> (accessed 02.09.2020). (In Russian)
 13. Uchaikina NI. Traditions and innovations: facets of interaction. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2014; 4 (21): 22. (In Russian)

Submitted 14.09.2020, published 25.12.2020

МАРИЙСКИЙ ПРАЗДНИК ПЕЛЕДЫШ ПАЙРЕМ: перекресток духовных традиций

Шкалина Галина Евгеньевна,

*доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культуры и искусств
ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»
(г. Йошкар-Ола, РФ), galina_shkalina@mail.ru*

Введение. В традиционной праздничной культуре марийского народа есть особый праздник. Он появился в 1920 г. как дитя новой пролетарской культуры на основе архаичных марийских обрядов Агавайрем и Лышташ пайрем / Семьк и получил название Пеледыш пайрем («Праздник цветов»). Целью данной статьи является анализ уникального национального советского праздника, рожденного на перекрестке духовных традиций марийского народа и ставшего в XXI в. межрегиональным государственным праздником. В рамках исследования праздничная культура рассматривалась как диалог прошлого и настоящего в этнокультурной традиции, как ее динамика в условиях «советскости» и постсоветское время, как отражение трансформаций марийской этнической идентичности. Автором предложен культурологический дискурс для анализа праздника Пеледыш пайрем как формы и способа репрезентации культурной памяти марийского народа в XX–XXI вв.

Материалы и методы. Материалом для изучения заявленной проблемы стали источники, которые делают возможным рассмотрение современного марийского праздника Пеледыш пайрем в его смысловой динамике, детерминированной трансформациями в политической, экономической, социальной и культурной сферах. В результате применения культурологического анализа источников по данной теме, использования историко-сравнительного, герменевтического методов, семиотического подхода автор формулирует ответы на поставленные исследовательские вопросы.

Результаты исследования и их обсуждение. В любой национальной культуре существуют праздники как наиболее древний и постоянно воспроизводящийся ее элемент. В отдельные периоды истории они могут переживать упадок или оживление в зависимости от динамики системы ценностей. Пока жива ценность/идея, она оформляется в праздничном обряде, с упадком веры в нее потребность в празднике, реализующем эту идею, исчезает. Появляется новая идея – возникает и новый праздник. В истории культуры марийского народа так случилось с праздником Пеледыш пайрем – ровесником Марийской автономии. Первоначально он назывался Йошкар пеледыш пайрем («Праздник красного цветка» или «Красный праздник цветка»). Семантика красного цвета явно указывала на красный цветовой фон Октябрьской революции, на торжество нового общественного строя в новой России. Новый праздник с самого начала олицетворял трансформацию старинной очень значимой для народа мари праздничной традиции и приобрел новое символично-смысловое значение, новую знаковую и семиотичность.

Заключение. Анализ трансформации архаичных марийских праздников Агавайрем и Лышташ пайрем / Семьк в советский и постсоветский Пеледыш пайрем свидетельствует о том, что традиция образует коллективную память народа, обеспечивает его самоидентичность и преемственность в развитии. Традиция как социоестественная ментальность служит базовой ценностью, предопределяющей сбалансированную устойчивость культурной модели. Это, в свою очередь, способствует формированию в обществе современных культурпорождающих пространств.

Ключевые слова: Пеледыш пайрем; Агавайрем; Лышташ пайрем / Семьк; Праздник цветов; народ мари; культура; традиция.

Для цитирования: Шкалина Г. Е. Марийский праздник Пеледыш пайрем: перекресток духовных традиций // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 4. С. 457–467.

Введение

Народные праздники, как правило, обусловлены окружающей средой и хозяйственной деятельностью человека. Они имеют аграрно-магический смысл, функциональную направленность, отражают трансформацию обычаев и обрядов. Сложные проблемы мировидения и мировосприятия также читаются в «тексте» народных праздников. Праздники – расширенная форма воплощения обычаев и

обрядов, основанных на идее природо- и культуросообразности. В системе марийской традиционной культуры они составляют насыщенный и продуктивный слой. В них запечатлены многовековая мудрость, обрядовый фольклор, музыкально-хореографическое творчество народа.

В марийской праздничной культуре есть один праздник, который уже на протяжении 100 лет существует на пере-

крестке духовных традиций народа. Это *Пеледыш пайрем* («Праздник цветов»), вобравший в себя квинтэссенцию обрядов, идеологии, политики, авторства. По традиции революционного времени праздник в самом начале получил название *Йошкар пеледыш пайрем* («Праздник красного цветка» или «Красный праздник цветка»). Через три года с момента первого празднования Йошкар пеледыш пайрем получил официальный статус и стал новой формой коммуникации марийского народа как в сельской местности, так и в городском пространстве. Это была новая советская манифестация народа, который перестал называться *черемисы*, вернув себе исторический этноним *мари*. Столетний праздник, являясь ровесником Марийской автономии, презентует себя как синкретичный и одновременно полифоничный с точки зрения культурного взаимодействия прошлого и настоящего, советского и постсоветского, национального и светского.

Обзор литературы

Разработка выбранной темы потребовала обращения к различным группам источников и научных работ. Ее теоретико-методологическую основу составляют работы, рассматривающие те или иные аспекты такого многозначного феномена, как праздник, который, в свою очередь, включен в более широкое понятие «праздничная культура». Для понимания общих культурологических смыслов праздника в отечественной науке многое было сделано М. М. Бахтиным [1], В. С. Библером [2], Ю. М. Лотманом [5], С. А. Токаревым [11] и другими мыслителями.

Исследования массового праздника как феномена нового типа, характерного для советской эпохи, отражены, в частности, в работах Д. М. Генкина¹, В. А. Руднева [8], Л. А. Тульцевой [12].

Отдельные аспекты взаимосвязи праздника и культурной памяти раскрываются в трудах таких ученых, как Б. В. Дубин [4], Г. И. Зверева [6], Л. А. Шумихина [15].

Особую группу составляют работы, посвященные анализу как в целом традиционной культуры народа мари [14], так и его своеобразной праздничной культуры. Второе направление представлено исследованиями марийских историков О. В. Данилова [3], И. Н. Смирнова [9], этнографов Н. С. Попова [7] и др., фольклористов О. А. Калининой², К. А. Четкарева³, социологов В. С. Соловьева [10] и др.

Материалы и методы

Материалом для изучения заявленной проблемы стали источники, в которых рассматривается марийский праздник Пеледыш пайрем, возникший на фундаменте древнемарийской праздничной культуры в первые годы советской власти и продолжающий существование в настоящее время.

В рамках данного исследования анализируется проблема культурной памяти как непрерывного процесса, в котором народ аккумулирует и реконструирует знания о себе и своей идентичности. При этом сама праздничная культура интегрирует и консолидирует общество.

На протяжении XX в. и в начале XXI в. праздник претерпевает значительные изменения по сравнению с предшествующими эпохами, что обусловлено прежде всего социально-политическими факторами. В этом ключе важнейшим становится вопрос о причинах появления и последующего закрепления (или отрицания) праздника в обществе, а также о его роли в формировании коллективного представления о существующем миропорядке. Данный аспект еще недостаточно изучен современной наукой, а потому представляет особый интерес.

Наиболее значимыми для данного исследования являются историко-сравнительный, герменевтический методы и семиотический подход.

Применение историко-сравнительного метода связано с необходимостью проследить эволюцию праздника, выявить обусловленность праздников советского

¹ См.: Генкин Д. М. Массовые праздники: учеб. пособие. Москва, 1975.

² См.: Календарные праздники и обряды марийцев: сб. материалов / сост. О. А. Калинина. Йошкар-Ола, 2003. (Этнографическое наследие; вып. 1).

³ См.: Четкарев К. А. Языческие и христианские праздники марийцев // НФ МарНИИ. Оп. 5. Д. 17. Л. 26.

и постсоветского периодов традиционной праздничной культурой прошлого и исследовать традиционные и новационные составляющие праздника.

Семиотический подход, использующийся при рассмотрении конкретных праздничных дат, важен для анализа семантики праздничной культуры и символов праздника, связанных с историческим прошлым.

Герменевтический метод позволяет рассмотреть и осмыслить праздник как специфический текст культуры советской и постсоветской эпох, свидетельствующий о значимости культурной памяти в их бытии. Культурологическая интерпретация этого текста способствует пониманию взаимосвязи и взаимообусловленности праздника и культуры.

Результаты исследования и их обсуждение

Праздничная культура сопровождает человеческое общество с ранних стадий развития и является неотъемлемой частью культуры в целом. Праздник формирует социокультурную ситуацию и одновременно бытийствует в соответствии с ней. Этот двусторонний процесс идет непрерывно и тем самым обеспечивает перманентную актуальность праздника для общества. С учетом данной специфики праздника его изучение с точки зрения эволюции форм позволяет составить представление о культуре социума конкретного исторического периода. Анализ же эмоциональной и психологической составляющих праздника выявляет его личностные аспекты. Каждая эпоха имеет неповторимый культурный облик, специфический набор ценностей и норм, что непосредственно репрезентируется в празднике.

В марийской праздничной культуре есть один праздник, который в своем вековом существовании выделяется на фоне остальных происхождением и формами. Находясь на перекрестке духовных традиций народа, он вобрал в себя квинтэссенцию обрядов, идеологии, политики, авторства. Это Пеледыш пайрем («Праздник цветов»), ровесник Марийской автономии. По традиции того революционного

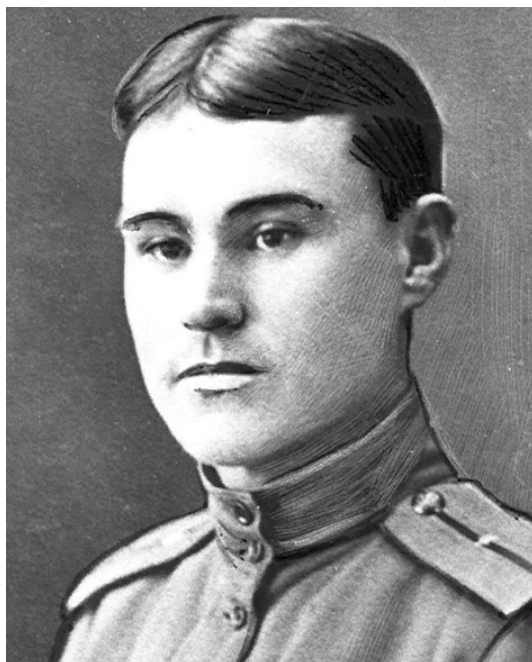

Рис. 1. Александр Фёдорович Конаков (1887–1922)

Fig. 1. Alexander Fedorovich Konakov (1887–1922)

времени праздник в самом начале получил название *Йошкар пеледыш пайрем* («Праздник красного цветка» или «Красный праздник цветка»). Новый марийский советский праздник впервые прошел в с. Сернур Уржумского уезда Вятской губернии 27 мая 1920 г. на фоне красных флагов с лозунгами и портретов руководителей большевистской партии. Он состоялся задолго до декрета Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров «Об образовании автономной области Марийского народа» с подписями В. Ульянова (Ленина), М. Калинина, А. Енукидзе, который появится только спустя пять месяцев. Однако в это историческое время победа красной революции была уже очевидна.

Инициатором и организатором нового праздника был Александр Федорович Конаков, марийский писатель, учитель, просветитель, талантливый общественный деятель. Он родился в 1887 г. в д. Купсола Сернурского района, окончил Кукарскую учительскую семинарию, затем Вятский учительский институт, служил прапорщиком в царской армии. После демобилизации преподавал естествознание и химию в Царевококшайской учительской семина-

рии, где вместе с композитором, основоположником марийской профессиональной музыки И. С. Ключниковым-Палантаем организовал драматический и хоровой кружки. Окончив Приволжские военно-хозяйственные курсы в Казани, в 1920 г. стал военкомом Сернурского кантона, по совместительству преподавал на педагогических курсах. Все это время А. Ф. Конаков писал стихи, рассказы, пьесы. Всего им было создано более десяти пьес, из которых “Поран” («Буран») и “Тулык ўдыр” («Сиротка») выходили отдельными изданиями в Казани. Примечательно, что драма “Тулык ўдыр” в 1920 г. была поставлена на сцене новорожденного Передвижного театра, ставшего в дальнейшем любимым народом Марийским национальным театром драмы имени М. Шкетана⁴.

Александр Конаков с энтузиазмом встретил Октябрьскую революцию, активно агитировал земляков за новую жизнь. В марте 1920 г. он был участником II губернского съезда национальностей Вятской губернии, где зародилась идея создания нового марийского праздника, ставшая кульминацией его революционной деятельности. Воплотить ее в жизнь писателю помогали преподаватели педагогических курсов И. Е. Романов, П. А. Соловьев, М. И. Веткин.

27 мая 1920 г. Сернур был украшен красными плакатами, лозунгами, флагами. Семантика всего красного говорила о торжестве нового общественного строя в новой России. В Сернурском народном доме состоялся митинг. Ответственные лица поздравили собравшихся с праздником Йошкар пеледыш пайрем, рассказали о первых успехах развития хозяйства, культуры, о новой жизни. Силами учащихся педагогических курсов был дан концерт.

После праздника в Сернуре 60 учащихся разделились на две группы и отправились по соседним деревням. Там они читали лекции, выступали с концертами, спектаклями, пропагандировали новый быт и культуру. Первая агитбригада пошла

в направлении Косолаповской волости и остановилась в д. Мурза. Сельчанам был показан спектакль по драме А. Ф. Конакова “Чачавий”, после этого исполнялись марийские песни, проводились беседы о новой жизни, новом празднике. С другой группой учащихся в поход вышел сам А. Ф. Конаков. В с. Старый Торъял агитбригаду по марийскому обычаю встретили хлебом-творогом. Здесь учащиеся показали драму М. Ф. Токмурзина “Эртыше” («Прошедшее»), исполняли песни, читали стихи. Митинги, лекции, спектакли, концерты, спортивные соревнования проводились в населенных пунктах Мари-Сола, Мари-Турек, Мари-Билямор и других селах и деревнях Уржумского уезда.

Так началась эволюция нового советского праздника на земле Онара. Постепенно он набирал силу, проникая в другие марийские кантоны.

В 1923 г. президиум Марийского облисполкома постановил праздник Пеледыш пайрем проводить повсеместно. В документе от 11 мая 1923 г. говорилось: «Учитывая культурную, политическую, общественно-политическую, а равно экономическую отсталость марийских трудящихся масс и принимая во внимание мнения, выраженные марийскими трудящимися в 1919–1920 гг. в Сернурском районе, в ознаменование данной властью Советов свободы культурного развития отсталых национальностей, президиум Мароблисполкома постановил:

1. Продолжить, начиная с 1923 г., праздник “Йошкар пеледыш пайрем”, начало которому положили трудящиеся Сернурского кантона... Объявить этот праздник народным революционным днем трудящихся Марийской автономной области.

2. ...Днем празднования установить первый день народного праздника “Семьк” [четверг], объявив этот день нерабочим по всей области.

3. Ныне, в 1923 г., день празднования – 24 мая.

4. В день 24 мая “Йошкар пеледыш пайрем” призвать трудящихся Маробласти к тесному сближению с Советской властью и Компартией, к дружному коллективному стремлению, к культурному возрождению

⁴ См.: Александров А. М., Беспалова Г. Е., Васин К. К. А. Конаков (1887–1922) // Писатели Марийской АССР: биобиблиогр. справ. Йошкар-Ола, 1976. С. 156.

и физическому оздоровлению. День должен пройти под знаком тесной солидарности трудящихся всех национальностей в деле культурно-политического строительства и осуществления мировой революции.

<...>

6. ...б) на поддержание кантонных экскурсий и расходы по проведению 24 мая отпустить из запасного фонда облисполкома 11 тыс. руб.» (цит. по: [12, 19]).

Из документа видно, что по марийской духовной традиции раньше в этот период отмечали *Семык*. Замена старого новым в условиях меняющейся жизни была обычным явлением для общественной активности первых послереволюционных лет. Однако надо помнить, что для мари *Семык* наряду с *Кугече* (ныне совпадает с Пасхой) и *Сўрем* (совпадает с Петровым днем) являлся наиболее почитаемым общенародным праздником. В некоторых местах для празднования *Семык* существовали специальные *Семык ото* (рощи). В этот день «в березовой роще разводится огонь, жрец читает молитвы, бросает для покойников в огонь куски блинов и льет из чашки пиво»⁵. Накануне каждый хозяин «угощает» умерших родственников дома: «утром ставит на стол пресное молоко и сырны лепешки, а в полдень на лавку утку и яйца, приговаривая “Не евши, не пивши, голодные не ходите, живите богато и счастливо”» [13, 54]. В Козьмодемьянском уезде в *Семык* сжигали старую одежду, «назначая ее, конечно, в дар умершим»⁶.

Как свидетельствует сохранившаяся традиция, *Семык* у мари относился к праздничному комплексу *кон пайрем* (родительский день, праздник умерших). В нем были сосредоточены сложные и разнообразны обряды, связанные с культом предков, растительности, семейными отношениями. Значение праздника согласовывается с архаическим праздником первого зеленого листочка уже в летнем понимании; в некоторых местах он называется *Лышташ пайрем* («Праздник листьев»), что указывает на древнейший пласт духовной традиции, тогда как Се-

⁵ Казанские епархиальные известия. 1876. С. 43.

⁶ Там же.

Рис. 2. Иллюстрация к репортажу о проведении Праздника цветов в газете «Марийская правда» советского периода

Fig. 2. Illustration for a report on the celebration of the Flower Festival in the newspaper “Mariyskaya Pravda” of the Soviet period

мык – это более позднее название, связанное с отсчетом недель от праздника *Кугече* и пришедшее в разговорник финноязычных племен от соседей-славян. Марийский *Семык* традиционно отмечался через семь недель после *Кугече*, всегда в среду. Готовиться к нему начинали заранее – убирали мусор, наводили порядок во дворе, в огороде, чистили утварь и т. д.

Праздником *Семык* начинался цикл летних праздников, и основной его идеей были поминование умерших родственников, прошение у них благословения на благополучие, удачу во всех хозяйственных делах в летнее время.

Спустя три года с момента появления новый марийский Праздник красного цветка впервые состоялся в Краснококшайске (ныне Йошкар-Ола). Торжество готовилось заранее с участием С. Г. Чавайна, М. Шкетана, Т. Ефремова, партийных работников. Оно сопровождалось спортивными соревнованиями, исполнением песен, плясок. В Марийском театре была поставлена пьеса С. Г. Чавайна “Ямблат кўвар” («Мост Ямблата»). Пеледыш пайрем получил официальный статус и стал новой формой коммуникации марийского этноса как в сельской местности, так и в городском пространстве. В начале советской эпохи это была качественно новая манифестация волжско-финского народа, который после I Всемарийского съезда в

1917 г. (г. Бирск, Уфимская губерния) перестал называться *черемисы*, вернув себе исконный этноним *мари*. Областная газета “Йошкар кече” («Красный день») писала тогда: «Праздник должен быть общим. “Я не буду помогать, я не приду” – тако-го не должно быть. Почему “красного цветка”? Потому, что красный – цвет революции: Красная Армия, красное знамя, красные победили белых»⁷. Пламенный призыв был услышан: на торжество пришли не только горожане, но и жители отдаленных деревень.

Газета “Марий илыш” («Марийская жизнь») переформатировала на новый лад традиционную молитву дедов и отцов, что впоследствии было удостоено внимания академического издания по этнографии: «Если вам дорого будущее вашего народа; белая, как снег, ваша одежда; быстрый, как молния, ваш ум; яркие, как звезды, ваши глаза; сила Онара в теле вашем; гибкий, как воск, ваш язык; прекрасные, как щебетанье птиц, песни ваши; неясная, как крылья бабочки, ваша душа; если вы хотите, чтобы народ мари воспрянул, как звезда; поднялся, как месяц; засиял, как солнце, проведите в Сернуре Пеледыш пайрем» (цит. по: [12, 135]).

В 1925 г. Йошкар пеледыш пайрем прошел в молельной роще вблизи Сернур, что большевикам, атеистам по своим убеждениям, представлялось вполне допустимым. К тому времени А. Ф. Конакова уже не было в живых. Он скончался в 1922 г. из-за болезни в возрасте 34 лет. (Сегодня именем А. Ф. Конакова названы улицы в Сернуре, Йошкар-Оле, д. Кукнур. Сернурский историко-литературный музей также носит имя автора идеи праздника Йошкар пеледыш пайрем.)

В 1927 г. с 8 по 10 июня торжество вновь проходило в столице Марийской автономной области Краснококшайске. Для его подготовки была создана специальная комиссия, разработавшая план мероприятия. Предусматривалось участие делегаций из деревень Марийской автономии. В первые два дня были проведены дет-

ские спортивные, игровые и концертные программы, кульминацией которых стали шествие и торжественный митинг на «базарной площади с участием партийных, профессиональных, комсомольских, пионерских организаций и крестьян из деревень»⁸. Прозвучали приветственные выступления руководства, после чего на центральном стадионе состоялись массовые спортивные выступления, национальные игры. Свой спектакль показал зрителям Марийский театр, была представлена также концертная программа.

В 1928 г. Краснококшайск получил новое имя – Йошкар-Ола. День празднования Йошкар пеледыш пайрем был объявлен нерабочим. В его организации участвовал звездный состав марийской интеллигенции: Сергей Чавайн, Яков Майоров (М. Шкетан), Осып Шабдар, Тихон Ефремов, Иван Ключников-Палантай, Владимир Мухин-Сави и др. Это была художественная и интеллектуальная элита нации, получившая хорошее образование и воспитание. Большую роль в ее становлении сыграла Казань – культурно-исторический и университетский центр Поволжья, соответствовавший коренному значению этимона: *казан* ‘котел’. В этом «котле» в течение многих веков «варились» европейские и восточные традиции, идеологии, аккумуляровались созидательные силы разных народов региона, усиливая инновационные свойства культурного мышления. Именно в Казани родилась национальная интеллигенция волго-камских народов – первые революционеры, профессиональные деятели культуры, основоположники национальной литературы, музыкального искусства, ставшие олицетворением высших этических и художественных представлений своих этносов. Этнохудожественное, этнополитическое творчество марийских Чавайнов, Глезденевых, Мухиных, Конаковых и многих других уподобляется мессианской роли библейских пророков, поскольку они, получив «европейскую инъекцию», выводили марийскую культуру в пространство мировой Ойкумены. Каждый из них как

⁷Цит. по: Праздник с «красной» историей: «Пеледыш пайрем» в Марий Эл отмечают уже 98 лет. URL: <https://www.idelreal.org/a/29291947.html> (дата обращения: 01.10.2020).

⁸Марийская деревня. 1927. 8 июня.

Рис. 3. Марийское жречество благословляет Пеледыш пайрем

Fig. 3. The Mari priesthood blesses Peledysh Payrem

носитель этнокультурной традиции создавал неповторимый узор в многоцветье волго-камской культуры, в том числе политической, имея собственные коммуникативные характеристики. Все они разделили героическую и трагическую судьбу своего народа в конце 20–30-х гг. XX в.

С Казанской губернией связано имя талантливого русского поэта Николая Заболоцкого, автора поэтических строк «в государстве ромашек, у края, где ручей, задыхаясь, поет...»⁹. В литературе о нем допускается, что эти образы навеяны неповторимой природой сернурской земли, где Н. Заболоцкий провел детские годы. Метафора «государство ромашек» своеобразно отозвалась в революционной деятельности сернурских активистов. Как свидетельствуют некоторые устные источники, митинги в честь Праздника красного цветка нередко украшались флажками с изображением белых ромашек.

Так за короткое время Йошкар пеледыш пайрем получил в Марийском крае широкое распространение и стал популярным

праздником. Но в 1930 г. летнее торжество было отменено. Начавшееся десятилетие в истории страны характеризовалось укреплением авторитарного режима И. В. Сталина, осуществлением коллективизации и индустриализации, происходившими за счет снижения жизненного уровня населения. Борьба с «кулаками», «буржуазными националистами» прервала постреволюционную праздничную традицию.

В середине 1930-х гг. вопрос о возрождении марийского праздника снова возник благодаря ходатайству Ч. И. Врублевского, первого секретаря обкома партии Марийской автономной области. История запечатлела его слова: «Все вы знаете, что существовал национальный весенний праздник Йошкар пеледыш пайрем, который в течение многих лет праздновался и, говорят, из года в год он приобретал все большее значение в жизни колхозников... Было внесено предложение, чтобы не праздновать этот праздник. Что получилось? В то время, когда наша соседка Чувашия имеет национальный праздник

⁹ См.: Николай Заболоцкий. Я воспитан природой суровой. URL: <https://rustih.ru/nikolaj-zabolockij-ya-vospitan-prirodoj-surovoj/> (дата обращения: 02.10.2020).

Акатуй, Татария имеет Сабантуй... мы в Марийской области даже своего праздника не имеем»¹⁰. Так, уже в условиях МАССР, в 1936 г. было принято решение об официальном признании традиционного народного весеннего праздника *Агавайрем* («Праздник сохи»).

Действительно, Сабантуй, Акатуй, Агавайрем – аналогичные весенние праздники пашни (сохи) у татар, чувашей, мари. Их архаическая сущность – «свадьба» сохи (плуга) и земли как женского космического начала с фундирующей идеей плодородия. К ним по смыслу и значению близки Каргатуй и Гербер у башкир и удмуртов. Древние волго-камские народы с развитым земледелием и скотоводством в этот день совершали моления в священной роще и проводили различные обряды с куриными яйцами: дарили молодущкам, вышедшим замуж со времени прошлогоднего праздника, зарывали их в землю во время сева, катали на гумне, кидали через верхушку священного дерева и т. п. Молодежь устраивала соревнования по бегу, скачки на лошадах, прыжки через костры. Источники свидетельствуют о том, что в самых древних пластах марийского праздника Агавайрем использовался народный инструмент *шўвыр* для исполнения сакральных мелодий во время обхода музыкантом *шўвырзё* весеннего поля. Данный магический обряд «читается» как необходимость вызвать вибрацию земли для должного приема ею нового посева.

Надо полагать, что в 1936 г. молодая Марийская автономная советская социалистическая республика с разрешения высоких инстанций широко отпраздновала свое рождение очень значимым для народа весенним древнемарийским праздником. Однако в наступившем 1937 г. многие из организаторов и активных участников как первого советского марийского праздника Йошкар пеледыш пайрем, так и последующего реанимированного архаического Агавайрем стали жертвами Великого Террора. Не избежал этой участи и Чеслав Врублевский, поляк по национальности, уроженец Риги.

Годы «оттепели» дали второе дыхание празднику после четвертьвекового перерыва в 1936–1960 гг. и привнесли изменение в его название – *Пеледыш пайрем* (без красного словесного облачения), с которым он торжественно отмечается и в XXI в. Вновь на сернурской земле по инициативе заведующего районным отделом культуры В. Губина прошел Праздник цветов, в котором приняли участие представители республиканской власти. Мероприятие было идеологически выдержано, и в 1965 г. Марийский обком КПСС вынес постановление о придании празднику Пеледыш пайрем официального статуса. Решено было проводить его в третье воскресенье июня, после окончания весенне-полевых работ. В парках, на берегах рек и озер, на лесных полянах оборудовали места для выступления коллективов художественной самодеятельности, подготавливали спортивные площадки, в населенных пунктах ремонтировали дороги, обновляли ворота, красили дома и палисадники, сажали цветы¹¹.

1970-е гг. ознаменовались новым подходом к проведению Пеледыш пайрем: первоначально каждая деревня собиралась на праздник, затем его отмечали в районных центрах, местом кульминации становилась Йошкар-Ола. Примечательно, что общение людей, объявление артистов со сцены, награждение передовиков сельского хозяйства, концертные программы с участием профессиональных артистов и фольклорных коллективов проходили исключительно на марийском языке.

В постперестроечное время, с 1996 по 2008 г., Пеледыш пайрем в Республике Марий Эл, имея республиканский статус, проводился одновременно с другими национальными праздниками – «Русская березка» и «Сабантуй». По сообщению Энциклопедии Республики Марий Эл, «общереспубликанский праздник приурочен ко Дню России и ежегодно отмечается 12 июня. Праздник прославляет мирный труд, людей, служит укреплению национального самосознания, его единению, утверждает идею сохранения языка, песен,

¹⁰ Цит. по: Праздник с «красной» историей (дата обращения: 01.10.2020).

¹¹ См.: Бирючева О. Праздник цветов – для людей // Марийская правда. 2006. 25 мая.

Рис. 4. Выступление Государственного ансамбля песни и танца Марий Эл на церемонии открытия Пеледыш пайрем
 Fig. 4. Performance of the State Song and Dance Ensemble of Mari El at the opening ceremony of Peledysh Payrem

танцев, народного костюма, пропагандирует дружбу между народами»¹².

В 2009 г. марийские общественные организации, представители общественности развернули дискуссию по поводу нового формата праздника. Автор статьи также участвовала в составлении концепции проведения общемарийского межрегионального национального праздника Пеледыш пайрем, придания ему статуса государственного праздника Республики Марий Эл. С тех пор Пеледыш пайрем ежегодно отмечается в третью субботу июня. В Йошкар-Оле он начинается ранним утром в Дубовой роще с совершения обряда Агавайрем для желающих, а затем переходит в праздничное шествие по улицам города от Дворца культуры им. В. И. Ленина до центральной площади. Представители разных районов республики в этнических костюмах, делегации марийских диаспор из Башкортостана, Татарстана, Чувашии, Удмуртии, Нижегородской, Кировской, Свердловской областей, Ханты-Мансийского АО идут в единой колонне,

которую возглавляет знаменосец с флагом Всемарийского совета “Мер Канаш”. После торжественного открытия праздника на главной площади города организуются концерты, игры, конкурсы, спортивные состязания и многое другое. В сельской местности установлена единая форма проведения праздника, состоящая из двух частей – торжественно-официальной и развлекательной. В торжественную входит открытие праздника с поднятием флагов и подведением итогов весенне-полевых работ. Развлекательная включает в себя концерты, спортивные состязания, различные веселые конкурсы, аттракционы, игры¹³. В настоящее время Пеледыш пайрем является неотъемлемой составляющей национальной культуры народа мари.

Заключение

В целом изучение праздничной культуры XX–XXI вв. в нашей стране подводит к выводу о том, что ее смысловая динамика детерминирована трансформациями в политической, экономической, со-

¹² Энциклопедия Республики Марий Эл / отв. ред. Н. И. Сараева. Йошкар-Ола, 2009. С. 614.

¹³ URL: <https://fb.ru/article/333852/peledysh-payrem-opisanie-i-istoriya-prazdnika> (дата обращения: 02.10.2020).

циальной и культурной сферах. В данном случае праздник как интегрирующая система выступает в качестве соединительного звена культуры в условиях кризиса культурной идентичности, который наблюдался как после Октябрьской революции 1917 г., так и после распада СССР. Об этом же свидетельствует появление новых праздников, не имеющих ранее культурной основы. С другой стороны, праздник как форма культурной памяти, закреплённая в культурной традиции, формирует символически переработанный образ прошлого и одновременно выполняет функцию репрезентации содержания и трансляции смыслов культурной памяти.

Анализ трансформации архаичных марийских праздников Агавайрем и Лышташ пайрем / Семьк в советский и постсоветский Пеледыш пайрем показывает, что традиция образует коллективную память народа, обеспечивает его само-

тождественность и преемственность в развитии. Традиция как социоестественная ментальность служит базовой ценностью, предопределяющей сбалансированную устойчивость культурной модели. Это, в свою очередь, способствует формированию в обществе современных культурпорождающих пространств.

Пеледыш пайрем – советская и постсоветская форма манифестации марийской нации, выражение ее культурной идентичности, перекресток многовековых духовных традиций, где прошлое встречается с настоящим, а человек получает «сладостное чувство» единения с Природой и сородичами. Столетний праздник, являясь ровесником Марийской автономии, презентует себя как синкретичный и одновременно полифоничный с точки зрения культурного взаимодействия прошлого и настоящего, советского и постсоветского, религиозного и светского, универсального и феноменального.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. Москва: Худож. лит., 1990. 543 с.
2. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. Москва: Политиздат, 1990. 413 с.
3. Данилов О. В. Языческие культы древнего населения Марийского Поволжья. Йошкар-Ола: [Б. и.], 2016. 336 с.
4. Дубин Б. В. Символы – институты – исследования: Новые очерки социологии культуры. Saarbrücken: Lambert, 2013. 259 с.
5. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. Москва: Гнозис; Изд. группа «Прогресс», 1992. 272 с.
6. Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире: исследовательские подходы и интерпретации / сост. и отв. ред. Г. И. Зверева. Москва: Аспект Пресс, 2003. 187 с.
7. Попов Н. С. Народные верования и знания // Марийцы: ист.-этногр. очерки. 2-е изд., доп. Йошкар-Ола, 2013. С. 287–325.
8. Руднев В. А. Советские обычаи и обряды. Ленинград: Лениздат, 1974. 154 с.
9. Смирнов И. Н. Черемисы: ист.-этногр. очерк. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1889. 265 с.
10. Токарев С. А. Религия в истории народов мира. Москва: Политиздат, 1964. 559 с.
11. Соловьев В. С. Пеледыш пайрем. Праздник цветов: (Национальный праздник марийского народа). Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1966. 52 с.
12. Тульцева Л. А. Современные праздники и обряды народов СССР. Москва: Наука, 1985. 191 с.
13. Шестаков Н. М. Быт черемис Уржумского уезда. Казань: Унив. тип., 1866. 53 с. (Циркуляр по Казанскому учебному округу; № 17).
14. Шкалина Г. Е. Традиционная культура народа мари. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2003. 205 с.
15. Шумихина Л. А. Генезис русской духовности = Cenesis of russian spirituality. Екатеринбург: УрО РАН, 1998. 400 с.

Поступила 08.10.2020, опубликована 25.12.2020

MARI HOLIDAY OF PELEDYSH PAYREM: crossroads of spiritual traditions

Galina E. Shkalina,

*Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Culture and Arts,
Mari State University*

(Yoshkar-Ola, Russia), galina_shkalina@mail.ru

Introduction. There is a special holiday in the traditional festive culture of the Mari people. It appeared in 1920 as a result of a new proletarian culture based on the archaic Mari rites: Agavayrem and Lyshtash Payrem / Semyk and it was called Peledysh Payrem ("Flower Festival"). The purpose of this article is to analyze the unique national Soviet holiday, which was established at the crossroads of the spiritual traditions of the Mari people. In XXI century, it became the interregional public holiday. The research considers festive culture as a dialogue between the past and the present in the ethnocultural tradition, as its dynamics in the conditions of "Sovietness" and post-Soviet times, as a reflection of the transformations of the Mari ethnic identity. The author proposes a culturological discourse for analyzing the Peledysh Payrem holiday as representation of the cultural memory of the Mari people in the XX–XXI centuries.

Materials and Methods. The sources that made it possible to consider the modern Mari holiday Peledysh Payrem in its semantic dynamics, determined by transformations in the political, economic, social and cultural spheres, and became the material for studying the stated problem. The author formulates the answers to the research questions posed as a result of the application of a cultural analysis of the sources on this topic, the use of historical-comparative, hermeneutic methods, and a semiotic approach.

Results and Discussion. In any national culture, there are holidays as its most ancient and constantly reproduced element. In certain periods of history, they may experience decline or revival, depending on the dynamics of the value system. While the value / idea is alive, it can be represented in festive rites. With the decline of faith, the need for a holiday disappears. A new idea appears and a new holiday appears. In the history of the culture of the Mari people, this happened with the holiday Peledysh Payrem, the peer of the Mari autonomy. Initially it was called Yoshkar Peledysh Payrem ("Red Flower Festival" or "Red Flower Festival"). The semantics of the red color clearly indicated the red color background of the October Revolution, the triumph of the new social system in the new Russia. From the very beginning, the new holiday personified the transformation of the old festive tradition, very significant for the Mari people, and acquired a new symbolic and semantic meaning, new symbolism and semiotics.

Conclusion. An analysis of the transformation of the archaic Mari holidays Agavayrem and Lyshtash Payrem / Semyk into the Soviet and post-Soviet Peledysh Payrem indicates that tradition forms the collective memory of the people, ensures its self-identity and continuity in development. Tradition as a socio-natural mentality serves as a basic value that predetermines the balanced stability of the cultural model. This, in turn, contributes to the formation of modern culture-generating spaces in society.

Key words: Peledysh Payrem; Agavayrem; Lyshtash Payrem / Semyk; Flower Festival; the Mari people; culture; tradition.

For citation: Shkalina GE. Mari holiday of Peledysh Payrem: crossroads of spiritual traditions. *Finno-ugorskii mir = Finno-Ugric World*. 2020; 12; 4: 457–467. (In Russian)

REFERENCES

1. Bakhtin MM. Creativity of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance. Moskva; 1990. (In Russian)
2. Bibler VS. From science teaching – to the logic of culture: Two philosophical introduction to the twenty-first century. Moskva; 1990. (In Russian)
3. Danilov OV. Pagan cults of the ancient population of the Mari Volga region. Ioshkar-Ola; 2016. (In Russian)
4. Dubin BV. Symbols – institutions – research. New essays on the sociology of culture. Saarbrücken; 2013 (In Russian)
5. Lotman YuM. Culture and explosion. Moskva; 1992. (In Russian)
6. Multiculturalism and ethnocultural processes in a changing world. Research approaches and interpretations. Moskva; 2003. (In Russian)
7. Popov NS. Folk beliefs and knowledge. *Mariitsy: ist.-etnogr. ocherki* = Mari. Historical and ethnographic essays. Ioshkar-Ola; 2013: 287–325. (In Russian)
8. Rudnev VA. Soviet customs and rituals. Lenin-grad; 1974. (In Russian)
9. Smirnov IN. Cheremisy. Historical and ethnographic essay. Kazan; 1889. (In Russian)
10. Tokarev SA. Religion in the history of the peoples of the world. Moskva; 1964. (In Russian)
11. Solovyov VS. Peledysh Payrem. Flower Festival: (National holiday of the Mari people). Ioshkar-Ola; 1966. (In Russian)
12. Tultseva LA. Modern holidays and rituals of the peoples of the USSR. Moskva; 1985. (In Russian)
13. Shestakov NM. Life of the Cheremis of the Urzhum district. Kazan; 1866. (In Russian)
14. Shkalina GE. Traditional culture of the Mari people. Ioshkar-Ola; 2003. (In Russian)
15. Shumikhina LA. Genesis of Russian spirituality. Ekaterinburg; 1998. (In Russian)

Submitted 08.10.2020, published 25.12.2020

**ГАЛИНЕ
НИКИТЬЕВНЕ
БОЯРИНОВОЙ – 60**

**GALINA N. BOYARINOVA
IS CELEBRATING
60th ANNIVERSARY**

В 2020 г. марийское научное сообщество отмечает юбилей одного из ведущих литературоведов Республики Марий Эл – Г. Н. Бояриновой, кандидата филологических наук (2000), доцента (2003), заслуженного работника образования Республики Марий Эл (2014).

Галина Никитьевна родилась 26 июня 1960 г. в д. Большая Кемсола Новоторъяльского района Марийской АССР в крестьянской семье. Семья была большая: отец Никита Иванович, мать Анна Сидоровна, бабушка Мария Алексеевна, брат Иван, сестры Зоя, Люда, Нина и она сама, Галина. Воспитанием детей занималась в основном бабушка, женщина в меру строгая и добрая. Многому их научила: работать, уважать старших, помогать младшим, серьезно относиться к учебе.

Школьные годы – пора приобретения знаний, умений и навыков. По признанию Галины Никитьевны, в школе она «любила все предметы, кроме физики и пения (первый, видимо, не хотела понимать, второй – не было дара петь). Семья небольшая, изба небольшая, приходилось искать место для чтения. Любимое место – на печке, тепло, никто не мешает».

После окончания Староторъяльской средней школы Г. Н. Бояринова поступила в Марийский государственный педагогический институт им. Н. К. Крупской на отделение русского языка и ли-

тературы, марийского языка и литературы филологического факультета. В 1982 г., с отличием окончив вуз, стала работать учителем русского языка и литературы в Куженерской, а затем в Новоторъяльской средней школе. Была ассистентом кафедры русского языка и литературы в национальной школе Марийского института усовершенствования учителей, научным сотрудником Марийского филиала Научно-исследовательского института национальных школ. С 1993 г. работает в Марийском государственном университете.

В 2000 г. в Чувашском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации Г. Н. Бояриновой на тему «Проблема характера в современной марийской драматургии». Научным руководителем работы выступил доктор филологических наук, профессор А. Е. Китиков. В диссертации на конкретном художественном материале осуществлен целостный подход к изучению проблемы конфликта и характера в национальной драматургии, выявлены определяющие тенденции, своеобразие стиливых направлений, жанровых форм, представлены художественно-эстетическое богатство и изобразительные возможности марийской драматургии.

Область научных интересов Г. Н. Бояриновой – история марийской литературы и ее современное состояние, поэтика

жанров, методика преподавания марийской литературы. Ею опубликовано свыше 150 научных, научно-методических трудов. Галина Никитьевна является ведущим специалистом в Республике Марий Эл по программно-методическому обеспечению марийского литературного образования в школе и вузе, автором программы по марийской литературе для учащихся образовательных школ (2004, 2011). Она также один из авторов учебника-хрестоматии по марийской литературе для 9 класса (1994, 2011), учебника «Марий литератур» для 10–11 классов (1995), книги для старшеклассников «Марий сылнымут аршаш» («Антология марийской литературы») (2001), хрестоматии по марийской литературе для 11 класса в двух частях (2007, 2009), хрестоматии для 10 класса (2010), выпущенных под грифом Министерства образования и науки Республики Марий Эл.

Г. Н. Бояриновой принадлежит авторство методических пособий для учителей «Драмым тунемына» («Изучаем драму»; 1996), «Школышто түрлө жанран сочиненийым возыктымаш» («Обучение разным жанрам сочинений в школе»; 2004). Эти пособия широко используются в школьном и вузовском преподавании марийской литературы, истории культуры марийского народа как в Республике Марий Эл, так и за ее пределами в местах с

компактным проживанием мари.

Самое активное участие Галина Никитьевна принимала в разработке контрольно-измерительных материалов по марийской литературе для выпускных итоговых экзаменов (2002–2004), стояла у истоков этого нововведения. Ею были изданы учебно-методическое пособие по подготовке к ЕГЭ «Марий литератур: Иктешлыше кугыжаныш экзаменын ышталтме ойыртемы да содержанияже» («Марийская литература: Содержание и структура единого государственного экзамена») (в соавторстве, 2003), учебно-методическое пособие для учителей «Марий литератур дене ЕГЭ» («ЕГЭ по марийской литературе»; 2008).

Ученый тесно сотрудничает с Министерством образования и науки Республики Марий Эл, Марийским институтом образования. Является членом республиканской экспертной комиссии по подготовке учебников и учебно-методических пособий для общеобразовательных школ, активно

участвует в обсуждении и рецензировании рукописей авторов, готовит контрольные материалы для выпускных экзаменов в общеобразовательной школе. В составе лекторской группы Министерства образования и науки республики для оказания методической помощи учителям марийского языка и литературы выезжает в места компактного проживания мари: в Кировскую область, Республику Башкортостан, Республику Удмуртия, Республику Татарстан. Ежегодно участвует в составе жюри на республиканских и межрегиональных олимпиадах по марийскому языку и литературе, проводит экспертизу материалов для олимпиад.

Г. Н. Бояринова регулярно выступает с лекциями перед учителями в Марийском институте образования по актуальным проблемам теории и методики преподавания литературы, оказывает практическую помощь учителям-мароведам общеобразовательных школ Республики Марий Эл. Она активный участник республиканских конференций и

семинаров по проблемам марийского литературоведения и методики преподавания литературы в школе. За хорошую работу отмечена Почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации (2013), почетными грамотами Марийского государственного университета (2002), Министерства образования Республики Марий Эл (1995, 2001, 2007, 2008, 2009, 2010), Государственного собрания Республики Марий Эл (2010, 2015), памятной медалью «Служение народу. 125 лет Сергею Чавайну» (2013), памятной медалью «Вячеслав Абукаев-Эмгак» (2018).

В настоящее время Галина Никитьевна дает знания по истории марийской литературы, методике преподавания марийской литературы и другим дисциплинам литературоведческого характера студентам (бакалаврам и магистрам) Марийского государственного университета. Мы, коллеги, поздравляем ее с юбилеем и желаем ярым порсын гай кужу ўмырым, еш пиалым да чыла сайым гына.

Максимов Валерий Николаевич,

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры марийского языка и литературы,
заведующий НОЦ языковых технологий «Марий йылме»
ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»
(г. Йошкар-Ола, РФ), sernur@rambler.ru*

Valerij N. Maksimov,

*Candidate Sc. (Philology), Associate Professor,
Department of the Mari Language and Literature,
Head of the Research Center of Language Technologies "Mari language"
Mari State University
(Yoshkar-Ola, Russia), sernur@rambler.ru*

14 декабря 2020 г. выдающемуся эстонскому прозаику, поэту, драматургу, сценаристу и общественному деятелю Арво Юлиусовичу Валликиви, более известному читателям и зрителям под псевдонимом Арво Валтон (Arvo Valton), исполнилось 85 лет¹. Он родился в пос. Марьямаа уезда Рапламаа Эстонской Республики. В 1945 г., во время сталинских репрессий, его отец был арестован и отправлен на Колыму, в 1949 г. в Новосибирскую область была выслана и мать с двумя детьми. Семья воссоединилась лишь в 1952 г. в Магаданской области, когда отец освободился из лагеря, но еще оставался ссыльным. Здесь будущий писатель окончил среднюю школу. Вернувшись на родину в 1954 г., поступил в Таллинский политехнический институт, после чего десять лет проработал инженером. Попутно заочно окончил сценарное отделение ВГИКа в Москве, в 1965 г. вступил в Союз писателей Эстонии.

В эти же годы началась кинематографическая и литературная деятельность Арво Валтона, чье многогранное творчество хорошо знают во многих странах мира. По его сценариям поставлено девять

фильмов в России, Украине, Финляндии, Швейцарии и, конечно, Эстонии. Среди наиболее известных – «Моя жена – бабушка» (“Minu naine sai vanaemkas”), «Во времена волчьих законов» (“Hundiseaduse aegu”), а также фильм «Последняя реликвия» (“Viimane reliikvia”), который, по мнению эстонских кинокритиков и журналистов, вошел в десятку лучших фильмов этой страны и стал культовым для эстонского общества².

Арво Валтон проявил себя практически во всех литературных жанрах: написал множество рассказов, романов, стихов, афоризмов, пьес, произведений других жанров, выступал как литературный критик. Исследователи отмечают, что он «стоял во главе обновленной эстонской прозы 60–70-х годов. Много экспериментировал в самых разных жанрах и стилях (от реализма до сюрреализма). В его произведениях присутствуют и мистика Востока, и фантастика “Модерна”, и трагические мотивы столетия»³. Он автор более 60 прозаических и поэтических книг, которые переведены на десятки языков мира. Большая Российская энциклопедия отмечает «жанрово-стилевое разнообразие» творчества Арво

Валтона⁴. Об этом свидетельствуют гротескно-сатирическое произведение «Восемь японок» (“Kaheksa jaapanlannat”), книга социально-бытовых рассказов «Мустамяская любовь» (“Mustamäe armastus”), сборник исторических и философских новелл-притч «Старые счеы» (“Vana arveldus”), сборники афоризмов «Двери скрипят по ночам» (“Uksed kriuksuvad öösiti”), «Мишень как щит» (“Märklaud kilbiks”), научно-популярная книга для детей «По стране оболов» (“Retk ooboluste riiki”), сборник сказок «Принцесса времени» (“Ajaprintsess”), во многом автобиографический роман «Угнетенность и надежда» и много других замечательных книг разных жанров, неизменно написанных на высоком профессиональном уровне.

В нашей стране наиболее широко известен исторический роман Арво Валтона о Чингисхане «Пути сходятся в вечности» (“Tee lõpmatuse teise otsa”), где показано противостояние (и сотрудничество) великого завоевателя и даосского мудреца Чан Чуня, на философском уровне рассматривается «тема бессмертия, противостояния активного зла и созерцательного добра»⁵. К сегодняшнему дню писате-

¹ В статье использован материал публикаций: Абрамов В. К. Антология эрзя-мордовской прозы // Финно-угорский мир. 2014. № 1 (18). С. 121–122; Его же. Арво Валтону 80 лет // Там же. 2015. № 4 (25). С. 115; Его же. Пьесы финно-угорских драматургов России за рубежом // Там же. 2017. № 1 (30). С. 127.

² URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Кинематограф_Эстонии (дата обращения: 07.12.2020).

³ Наследие финно-угорских народов. Кто есть кто в финно-угорском мире. URL: http://portal.do.mrsu.ru/community_events_people/people/?id=2320 (дата обращения: 08.12.2020).

⁴ Большая Российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/literature/text/1897334> (дата обращения: 08.12.2020).

⁵ Большой энциклопедический словарь. URL: <http://www.slovopedia.com/2/194/213707.html> (дата обращения: 09.12.2020).

лем подготовлено собрание сочинений, насчитывающее 24 тома, но можно быть уверенным, что оно будет продолжено. Залогом этого являются талант автора и его удивительная работоспособность.

Обычно у человека преимущественно развивается какая-либо одна ипостась: либо творческая, когда писатель, ученый погружен в основном в собственные труды, исследования и недостаточно активен, например, в административной или общественной областях, либо организационная, когда он проявляет большие способности и таланты как организатор, руководитель, но не как творец-индивидуалист. Совмещение таких, во многом противоположных способностей – чрезвычайно редко встречающееся явление. В полной мере оно присуще Арво Валтону. В 1989–1992 гг. он работал заместителем председателя Союза писателей Эстонии, т. е. способствовал литературному процессу в республике не только как писатель, но и как его организатор. В 1992–1995 гг., после восстановления независимости Эстонии, избирался в парламент страны (Рийгикогу), с 2000 г. возглавлял Союз кинематографистов Эстонии.

Постоянная общественная деятельность – еще одна отличительная черта Арво Юлиусовича. С 1980-х гг. он активно выступает за сохранение окружающей среды, является одним из наиболее последовательных борцов за развитие эстонской культуры, за соблюдение прав финно-угорских народов.

Как известно, во второй половине XX в. в СССР проводилась утопическая политика создания «единого советского народа». На

практике она заключалась в русификации других народов страны, часто путем увеличения на их территориях численности русского населения. Такая политика нанесла огромный вред самому русскому народу, буквально обескровив коренные русские земли, но особенно от нее пострадали сравнительно небольшие народы. В частности, если в начале 1941 г., по данным официальной статистики, в Эстонии население состояло на 90,8 % из эстонцев и на 7,3 % из русских, то в 1979 г. соотношение серьезно изменилось: доля эстонцев снизилась до 64,7 %, а доля русских выросла до 30,3 %. В 1970-х гг. советские власти начали проводить политику вытеснения эстонского языка из сферы документооборота и использования в СМИ. Это вызвало широкое недовольство, которое осенью 1980 г. выразили в открытом письме сорок наиболее выдающихся представителей эстонской интеллигенции и культуры. В тексте звучал

призыв к советским властям уважать эстонские язык и культуру, а также остановить русификацию республики. Письмо подписал и Арво Валтон⁶.

Особая страница творческой биографии писателя связана с переводами книг литераторов – представителей небольших финно-угорских народов России, чем он занимается с начала 1990-х гг. В 1996 г. на IV конгрессе Ассоциации финно-угорских писателей Арво Валтон был избран ее президентом и стал осуществлять эту деятельность не только как переводчик, но и как организатор. За прошедшие годы им выпущены десятки переводных книг, в том числе почти все эпосы финно-угорских народов России. Учрежден Фонд финно-угорских литератур, целью которого является поддержка молодых авторов, пишущих на родном языке. Писатель внес в этот Фонд свою национальную премию и провел большую организаторскую работу по сбору средств. Он утверждал: «Для народов, у

⁶ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/письмо_сорока (дата обращения: 09.12.2020).

которых нет образования и делопроизводства на родном языке, художественная литература особенно важна для сохранения языка и национального самоопределения... Финно-угорская литература и культура для меня – дело миссии и любви»⁷.

Это действительно благородная миссия и подвижничество: выдающийся и успешный деятель часто в ущерб собственным творческим планам занимается переводами прозы и стихов небольших народов России, чтобы помочь им в продвижении своих литератур к европейскому читателю. Им публиковались серии «Классики финно-угорской поэзии», «Женская поэзия финно-угорских народов» и «Великая литература малых народов». Начало сериям положила книга «До зари», в которой были представлены коми поэты Иван Куратов и Нёбдинса Виттор, мариец Сергей Чавайн, удмурты Кузубай Герд и Ашалычи Оки. Отдельными сборниками издавались стихи ненца Проккопия Явтысыя и многих других.

Понятно, что автор этих строк внимательнее всего следил за переводами Арво Юлиусовича с мордовских языков. В 1998 г. в серии «Женская поэзия финно-угорских народов» вышел сборник, включавший стихи мордовских поэтов Полины Алешиной, Мариин Малькиной, Маризы Кемаль, Анны Сульдиной⁸. Затем пришло время мордовской прозы. В 2012 г. в переводе на эстонский язык был издан сборник произведений авторов, пишущих на мокша-мордовском языке⁹,

что было отмечено мордовскими средствами массовой информации, хотя, на наш взгляд, недостаточно широко для столь важного события. В 2013 г. на эстонском языке вышел сборник, который с полным правом можно назвать антологией эрзя-мордовской прозы¹⁰.

Сборник содержит фольклорные произведения, а также практически все прозаические жанры, освоены мордовской литературой: роман и повесть, рассказ и эссе, афоризм и др. Жанровое разнообразие совмещено с тематическим – в книге отражены произведения как исторического плана, в том числе из глубокой истории мордвы, так и раскрывающие в социальном и психологическом аспектах современное состояние мордовского общества и его не столь далекое прошлое.

По времени создания представленных произведений и жизни их авторов сборник условно можно разбить на пять разделов. Первый из них, фольклорный, включает шесть сказок (составитель не стал искусственно делить их на эрзянские и мокшанские, поскольку они общемордовские): «Сабан-богатырь», «Три брата», «Стенька Разин» и др., а также отрывки из «Мордовской свадьбы» – фольклорного памятника, литературно обработанного выдающимся просветителем М. Е. Евсевьевым (1864–1931). Во втором разделе заявлены писатели, начинавшие литературу на родном языке: Яков Григошин (1888–1939) с рассказом «Внук Вирыза», Алексей Дунышин (1904–1931) – «Грех Никиты»,

Тимофей Раптанов (1906–1936) – «Два брата» и Федор Чесноков (1896–1938) с рассказами «Вперед течет Сура» и «Их связал новый век». Третий раздел посвящен ведущим писателям второй половины XX в.: Кузьма Абрамов (1914–2008) представлен рассказами «Русые косы», «Солдат», «О привидениях», отрывками из исторического романа «Пургаз»; Василий Коломасов (1909–1987) – выдержками из романа «Лавгинов»; Александр Мартынов (1913–1989), более известный как поэт, – отрывками из романа «Дети своих отцов». Следующий раздел отражает современное состояние мордовской литературы, ее эрзянской составляющей. Здесь мы встречаем произведения современных авторов: Тамары Барговой, Андрея Брыжинского (1948–2013), Михаила Брыжинского, Николая Ишуткина, Отяжа Кизая (1951–2007), Петра Ключагина, Татьяны Разгуляевой, Леонида Седойкина, Евгения Четвергова. В последнем разделе показаны молодые писатели, те, с которыми связано будущее мордовской литературы. Это Виталий Картышкин, Татьяна Моторкина, Ольга Сусорева. Следует отметить, что составитель не ограничился прозаиками, живущими в Мордовии. В книге нашлось место и виднейшему литератору мордовской диаспоры самарцу Числаву Журавлеву (1935–2018).

Перевод на иностранный язык литературных произведений любого народа – в творческом отношении дело сложное, составление же антологий – сложное вдвойне, поскольку переводчик

⁷ Писатель Арво Валтон выступил в Москве. URL: <http://mariuver.com/2015/11/29/valton-moskve> (дата обращения: 09.12.2020).

⁸ См.: Neli mordvalannat. Tallinn, 1998.

⁹ См.: Labi kolme porgu: valik moksa proosat: 23 lugu 11-lt autorilt 1930-ndatest aastatest tänaseni. Tallinn, 2012.

¹⁰ См.: Kuupaiste valis: valik ersa proosat: 45 lugu 22-lt autorilt 1930-ndatest aastatest tänaseni. Tallinn, 2013.

сталкивается с другим национальным мышлением, сознанием конкретного писателя, различными стилями, эмоциями, преобладающими лексиконами многих авторов и все это пытается отразить в одной книге. Только выдающийся специалист – специалист уровня Арво Валтона – способен на такое.

К столетию со дня рождения Кузьмы Абрамова был переведен и издан его роман «Пургаз» (“Purgaz”), к столетию – роман «За волю» (“Priiuse eest”), причем в отличие от русского перевода без каких-либо сокращений¹¹. Это были первые мордовские романы, изданные за рубежом в переводе на иностранный язык.

В последующие годы в переводе Арво Валтона вышли сборники пьес российских финно-угорских драматургов. Первый был издан в Венгрии современным председателем Ассоциации финно-угорских писателей, хорошо известным в России финно-угроведом Яношем Пустаи¹². Открывает книгу драма Сергея Чавайна «Акпатыр», повествующая об участии марийского народа в Крестьянской войне 1773–1775 гг. Трагедия Игнатия Гаврилова «Камит Усманов» посвящена предводителю повстанческого отряда, действовавшего в Удмуртии в 1820–1825 гг. Пьеса Юрия Соловьева «Иван Кырла» рассказывает о сложной жизни этого марийского поэта и артиста (1909–1943). В конце помещена драма Кузьмы Абрамова о судьбе одной мордовской семьи в 1917–1941 гг. «День вчерашний», название которой и дало имя всей книге.

В сборнике, изданном уже в Эстонии¹³, увидели свет произведения не только названных выше драматургов, но и новых авторов. Коми писатель Нёбдинса Виттор (Виктор Савин) представлен комической антирелигиозной пьесой «Неприкаянная душа» (“Rahutu hing”), впервые поставленной на сцене еще в 1927 г. Переводчик Арво Валтон и издатель сборника Рихо Райанд посчитали, что она не утратила актуальности и сегодня. Одноактная комедия марийского драматурга М. Шкетана (Якова Майорова) «Две с половиной свадьбы» (“Kaks ja pool pulma”), уже знакомая эстонскому зрителю, в данном сборнике приведена в переводе Арво Валтона. Сатирическая фантазмагория «Похмелье» (“Pohmelus”) отражает одну из творческих ипостасей марийского литератора Николая Рыбакова. Эпическая трагедия в стихах удмуртского поэта и драматурга Петра Захарова «Эбга» (“Ebga”) ранее была показана на Международном фестивале финно-угорских театров в Финляндии. Теперь она зазвучала и на эстонском языке. В сборник включена шутивная пьеса «Спой песню, карел» (“Löö laulu, karjalane”) Лео Нарья, который одним из первых в Карелии начал писать на карельском языке (ранее все писали на финском). О жизни крестьян дореволюционной Карелии рассказывает пьеса Сергея Пронина (Сеппо Кантерво) «Коробейники» (“Harjuskid”). Его творчество хорошо известно в Финляндии и Эстонии. Пьесы Алексея Попова «Женись, сынок, женись» (“Võta naine, poeg”) и Валентины Мишаниной «Ступе-

ни» (“Astmed”) затрагивают острые современные темы: матримониальных отношений и социального расщепления нашего общества. Пьеса Валентины Мишаниной «Босиком по облакам» (“Paljajalu piluedel”) посвящена душевным переживаниям летчика-мордвина, спасшего пассажиров при аварийной посадке. Неожиданное название пьесы стало заголовком всей книги.

Как видно из произведений сборника, его составитель постарался отразить творчество различных поколений финно-угорских драматургов России, от старейших до современных, и главные жанры, освоенные ими. Из четырнадцати пьес двенадцать были переведены на эстонский язык Арво Валтоном. Вышеуказанные сборники стали еще одним важным вкладом финно-угров в мировую культуру.

Каждый финно-угорский писатель знает, как непросто в современных рыночных условиях издать серьезную книгу на национальном языке, которая из-за ограниченной численности читательской массы никогда не окупит себя, но которая необходима для культурного развития этой самой массы. Можно только догадываться о том, какие трудности должен преодолеть составитель и переводчик, издающий книгу писателей другого народа, когда этих писателей в его стране знает лишь узкий круг специалистов-филологов. Только с энергией Арво Валтона можно было «пробить» такие издания. Без сомнения, своим подвижничеством и неутомимостью в переводе и публикации произведений финно-угорских писателей он заслужил глу-

¹¹ См.: Purgaz: ajalooline romaan / tolkinud Arvo Valto, kunstnik Andres Varustin. Tallinn, 2014; Priiuse eest: ajalooline romaan / tolkinud Arvo Valton, kunstnik Andres Varustin. Tallinn, 2019.

¹² См.: Eilne päev / valinud ja tõlkinud: Arvo Valton. Vespem, 2015.

¹³ См.: Paljajalu piluedel. Tallinn, 2016.

бокую благодарность всех финно-угров нашей страны. Выход в Эстонии – европейской стране, развитой и в экономическом, и в общекультурном отношении, – таких объемных сборников и романов является выдающимся событием в культурной жизни финно-угорских народов Российской Федерации.

Продвигая на европейский уровень произведения финно-угорских литераторов, Арво Валтон не оставляет полностью писательский труд. Увлечшись жизнью эстонского народа прошлых веков, он открыл новую серию книг под рубрикой «Средневековые истории». В этой серии уже вышли книги «Старец из

озера Юлемисте» (“Ülemiste vanake”) и «Марьямааская легенда» (“Märjamaa legend”), опубликованные в переводе на русский язык в 2018 г.¹⁴ Сейчас писатель работает над очередной книгой. Пожелаем юбиляру крепкого здоровья, бодрого настроения, долгих лет жизни и новых творческих успехов!

¹⁴ См.: Валтон Арво. Старец из озера Юлемисте: роман-сказка / пер. с эст. А. Туровского; рис. Я. Таммсаара. Таллин, 2018; Его же. Марьямааская легенда. Повествование о событиях, имевших место в Ляэнемаа во время Ливонской войны в годы 1560–1574 / пер. с эст. Б. Туха. Таллин, 2018.

Абрамов Владимир Кузьмич,

*доктор исторических наук, профессор, член исполкома
Межрегиональной общественной организации мордовского
(мокшанского и эрзянского) народа
(г. Саранск, РФ), abramovvk@mail.ru*

Vladimir K. Abramov,

*Doctor of History, Professor, Member of the Executive Committee
of Interregional Public Organization of Mordovian
(Moksha and Erzya) People
(Saransk, Russia), abramovvk@mail.ru*

ПАМЯТИ
«НАРОДНОГО
МИНИСТРА»
А. С. ЛУЗГИНА

TO THE MEMORY
OF "PEOPLE'S
MINISTER"
A. S. LUZGIN

27 ноября 2020 г. ушел из жизни видный политический и общественный деятель, крупный ученый-этнограф и финно-угровед доктор исторических наук, профессор Александр Степанович Лузгин.

Александр Степанович родился 8 января 1949 г. в пос. Торбеево Торбеевского района Мордовской АССР в крестьянской семье. Окончив в 1966 г. среднюю школу в родном поселке, пошел на завод: сначала трудился на одном из предприятий Торбеева, а затем повышал рабочую квалификацию на Саранском заводе автосамосвалов в качестве слесаря-инструментальщика. 1968–1972 гг. – учеба на филологическом факультете Мордовского государственного педагогического института, первые научные изыскания, лыжный спорт, комсомольская работа, руководство студенческим строительным отрядом, первая награда – медаль «За трудовую доблесть». Став дипломированным специалистом, в 1973 г. поступил в очную аспирантуру Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров МАССР (ныне – НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия) на специальность «Этнография». В 1974 г. был призван в ряды Советской армии и прошел армейскую школу от звонка до звонка.

С 1978 г. – научный сотрудник сектора археологии и этнографии НИИ. В 1981 г. в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР (г. Москва) состоялась защита его кандидатской диссертации «Материальная культура русского сельского населения Мордовской АССР». С 1986 г. – лектор, консультант по межнациональным отношениям областного комитета КПСС, ответственный работник Совета Министров Мордовской АССР.

В 1992 г. А. С. Лузгин был назначен директором Мордовского книжного издательства, которое возглавлял до 1998 г. После этого началась его министерская карьера: 1998–2003 гг. – министр печати и информации Республики Мордовия; 2003–2010 гг. – председатель Государственного комитета Республики Мордовия по национальной политике; 2010–2013 гг. – министр по национальной политике Республики Мордовия. Находясь на столь важных и ответственных постах, он принял активное участие в подготовке ряда значимых для республики издательских проектов, таких как энциклопедия «Мордовия» (в 2 т.), справочно-энциклопедическое издание «Все о Мордовии» и др. Был одним из разработчиков республиканской программы национального развития и межнационального сотрудничества народов Республики Мордовия.

За время работы Александра Степановича «народным министром» (с марта 2003 г. по сентябрь 2013 г.) в Саранске были проведены два съезда мордовского народа и два съезда финно-угорских народов России, были сформированы национально-культурные автономии народов, проживающих в республике, созданы 25 национально-культурных автономий мордовского народа в регионах России, состоялись I Международный фестиваль культур финно-угорских народов «Шумбрат, Финно-Угрия!» и праздник 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства.

А. С. Лузгин стал одним из вдохновителей и организаторов проведения Дней Республики Мордовия в регионах Российской Федерации, которые в рамках подготовки к 1000-летию прошли в 35 регионах от Калининграда до Камчатки. Под его руководством был разработан этнокультурный проект «Волга – река мира. Диалог культур волжских народов», направленный на укрепление духовного единства народов многонациональной России и ставший ежегодной международной экспедицией-фестивалем. На базе выставочного комплекса «Мордовэкспонтер» была организована Всероссийская выставка-ярмарка художественных промыслов и ремесел финно-угорских народов «Тев»,

проходящая в Саранске на регулярной основе.

С 2013 г. А. С. Лузгин – председатель исполкома Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа. В этом качестве его хорошо знают во всех национально-культурных автономиях Российской Федерации, во всех мордовских диаспорах, существующих в Канаде и США, Австралии и Армении, Казахстане и Грузии, Таджикистане и Франции, с которыми исполком поддерживает тесную связь.

Административную и общественную деятельность Александр Степанович успешно совмещал с научно-педагогической. Он стал инициатором разработки важного для республики исследовательского направления «Промыслы и ремесла в социально-эконо-

мической жизни населения Мордовии». По этой теме в 2002 г. в Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарёва защитил диссертацию «Промысловая деятельность крестьян Мордовии во второй половине XIX – начале XX века (этнокультурные аспекты)» на соискание ученой степени доктора исторических наук. Его монографии «Промыслы Мордовии», «Жизнь промыслов», «Промыслы и мастеровые люди Мордовии», «Народные промыслы мордовского края», «Мордовия мастеровая» получили высокую оценку научной общественности и рядовых читателей. В течение ряда лет избирался профессором Института национальной культуры университета, был руководителем нескольких кандидатских диссертаций.

За многолетнюю плодотворную деятельность

А. С. Лузгин был удостоен званий «Заслуженный работник органов государственной власти Республики Мордовия», лауреата Государственной премии Республики Мордовия в области литературы, культуры и публицистики, награжден орденом Славы Республики Мордовия III степени, медалями «За трудовую доблесть», «За заслуги. В ознаменование 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства», Почетной Грамотой Республики Мордовия, Почетной Грамотой Министерства регионального развития Российской Федерации.

Редакция журнала присоединяется к соболезнованиям родным и близким Александра Степановича и скорбит по поводу безвременной кончины одного из своих незаурядных авторов.

Кочеваткин Александр Михайлович,

*кандидат филологических наук,
начальник отдела по вопросам межнациональных отношений
Министерства культуры, национальной политики и архивного
дела Республики Мордовия
(г. Саранск, РФ), alekoch@mail.ru*

Alexander M. Kochevatkin,

*Candidate Sc. {Philology},
Head of the Department for Inter-Ethnic Relations,
Ministry of Culture, National Policy
and Archives of the Republic of Mordovia
(Saransk, Russia), alekoch@mail.ru*

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА К. Н. САНУКОВА

TO THE BLESSED MEMORY OF PROFESSOR K. N. SANUKOV

14 октября 2020 г. на 86-м году ушел из жизни один из известнейших ученых финно-угорского мира, доктор исторических наук, профессор, действительный член Российской академии гуманитарных наук, почетный профессор Марийского государственного университета Ксенофонт Никанорович Сануков.

На счету К. Н. Санукова – более 30 международных научных конференций, в том числе в США, Венгрии, Финляндии, Эстонии, Великобритании, Швеции, Голландии, Польше, Германии, Австралии, Украине. Его научные работы по истории финно-угорских народов опубликованы на английском, немецком, финском, венгерском, эстонском языках. Он приглашался для чтения лекций в университеты Венгрии, Финляндии, Шотландии, научную стажировку проходил в Институте Кеннана в Вашингтоне. Тематика его исследований и выступлений касалась в первую очередь проблем изучения финно-угорских народов, их истории.

Развернувшееся в середине 1980-х гг., в условиях «перестройки», движение к общности и солидарности родственных народов охватило не только научную среду, но и культуру, общественную жизнь. В 1986 г. К. Н. Сануков был избран председателем правления Общества «Марий Эл – Венгрия». Пропаганда знаний о финно-угорском мире

стала заметным явлением в литературе, публицистике.

Финно-угорское движение получило организационное оформление в виде проведения всероссийских съездов и всемирных конгрессов, создания различных ассоциаций. Все это заняло значительное место в научной, публицистической и общественной деятельности К. Н. Санукова. В 1989 г. в числе официальных членов марийской делегации он участвовал в работе первой международной встречи финно-угорских писателей, организованной в Йошкар-Оле, где говорил о накопившихся серьезных проблемах финно-угорских народов. Это односторонность финно-угроведения (только лингвистические материалы); сохранение и развитие национального самосознания; проблема языка и многое другое. Он выразил надежду, что международная встреча будет важным шагом на пути расширения функций финно-угроведения.

На всероссийских конференциях финно-угроведов по инициативе К. Н. Санукова с 1994 г. стала работать историческая секция. Подобный подход был перенесен и на всемирные конгрессы. Летом 1993 г. Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева выступил с предложением о создании в Йошкар-Оле Научного центра финно-

угроведения и проведения в ноябре 1994 г. Всероссийской научной конференции финно-угроведов. В первой половине 1994 г. К. Н. Сануков (главный редактор) и Ю. А. Зеленева (ответственный секретарь) подготовили и издали научный журнал «Финно-угроведение», презентация которого состоялась в Таллине на Втором конгрессе по истории финно-угорских народов.

Финно-угорская тематика заняла особое место в творчестве К. Н. Санукова в последние десятилетия. В Марийском государственном университете он вел разработанный им специальный курс «История финно-угорских народов», издал учебно-методическое пособие «Проблемы истории и возрождения финно-угорских народов России», опубликовал монографии «Финно-угорские народы России: прошлое и настоящее», «Финно-угры и финно-угроведение». Заслуга ученого – рассмотрение общих проблем финно-угорских народов.

Занимаясь историческими и этническими проблемами международного и всероссийского уровня, профессор всегда уделял пристальное внимание истории родного Марийского края.

К. Н. Сануков родился 5 февраля 1935 г. в крестьянской семье в д. Носёлы Горномарийского района Марийской АССР на просторах главной водной артерии России – Волги.

Приволжская сторона с ее историческими преданиями и фольклором во многом повлияли на выбор жизненного пути Ксенофонта Никаноровича. В 1953 г., окончив Козьмодемьянское педагогическое училище, он поступил на историко-филологический факультет Марийского государственного педагогического института им. Н. К. Крупской, где на втором курсе стал Сталинским стипендиатом. За пять лет учебы у него в зачетке не было ни одной четверки.

По окончании вуза талантливый юноша остался работать в нем ассистентом кафедры истории. В последующем был редактором республиканской молодежной газеты «Молодой коммунист», научным сотрудником сектора истории Марийского научно-исследовательского института, лектором и заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации Марийского обкома КПСС. В 1970 г. в Институте истории СССР Академии наук СССР К. Н. Сануков защитил кандидатскую диссертацию на тему «Развитие промышленности Марийской АССР в 1956–1965 гг.». Его научным наставником многие годы являлся доктор исторических наук, профессор В. Ф. Пашуков.

Молодой ученый продолжал заниматься научно-исследовательской и педагогической деятельностью в Марийском политехническом институте им. А. М. Горького, Ульяновском сельскохозяйственном институте, Рыбинском авиационном технологическом институте. Но жизненные пути вели его в Йошкар-Олу. С апреля 1982 г. по ноябрь 1986 г. К. Н. Сануков был директором Марийского научно-исследовательского института языка, литерату-

ры и истории им. В. М. Васильева, своим примером воодушевляя коллег к активному научному поиску. В 1986 г. в Институте истории СССР он защитил докторскую диссертацию «Рабочий класс – ведущая сила экономического сотрудничества народов СССР (1960–1970-е годы)».

С 1991 г. научная и учебно-педагогическая деятельность профессора связана с Марийским государственным университетом. В 1993–2003 гг. он заведовал кафедрой региональной истории, в дальнейшем был профессором кафедры отечественной истории. Это был наиболее продуктивный во всех отношениях период его деятельности. В круг научных интересов К. Н. Санукова входили проблемы национальных отношений и национальной политики, финно-угорская тематика, история родного края. Он был членом авторского коллектива и редакционной коллегии обобщающих трудов «Очерки истории Марийской АССР», «Очерки истории Марийской организации КПСС», «История Марийской АССР». Являлся научным руководителем, автором предисловия, ответственным редактором книги «Йошкар-Ола. История города в документах и материалах», ответственным редактором сборника документов «Исполнительная власть Республики Марий Эл» и других изданий.

Ксенофонт Никанорович внес значительный вклад в развитие исторического образования в Марийском государственном университете и подготовку высококвалифицированных специалистов. Им разработаны программа и методические указания по курсу «История Республики Марий Эл», изданы учебные пособия «История марийского на-

рода» (на русском и марийском языках) и «История Марий Эл» (в соавторстве с А. Г. Ивановым).

В Марийском государственном университете сложилась научная школа профессора К. Н. Санукова по изучению истории Марий Эл. Под его научным руководством аспиранты и соискатели защитили кандидатские диссертации, отличающиеся новизной исторического мышления, скрупулезной работой с историческими источниками, новаторским методологическим подходом к сложным проблемам прошлого и настоящего. Ученый являлся членом объединенного диссертационного совета ДМ.212.301.05 по специальности 07.00.02 – Отечественная история при Чувашском государственном университете им. И. Н. Ульянова.

Основным направлением научной деятельности Ксенофонта Никаноровича в последние два десятилетия стало изучение проблем политической истории России и ее регионов XX – начала XXI в. Им опубликованы сотни статей по этой теме, монографии «Из истории Марий Эл: трагедия 30-х годов», «Марийская автономия», «Вопросы региональной историографии», «Из истории Марий Эл: страницы известные и неизвестные» и др.

Особое место в научной и общественной деятельности К. Н. Санукова занимает тема политических репрессий. Он был инициатором создания и первым председателем Марийской организации общества «Мемориал», под его научным руководством осуществлялась подготовка издания «Трагедия народа: книга памяти жертв политических репрессий Республики Марий Эл», в которое вошли и его очерки.

5 января 2020 г. в Марийском государственном университете состоялся академический коллоквиум, посвященный 85-летию профессора К. Н. Санукова. Программа коллоквиума отражала многогранное творчество юбиляра: «Профессор К. Н. Сануков: ученый, педагог, общественный деятель» (А. Г. Иванов, заведующий кафедрой отечественной истории Марийского государственного университета, доктор исторических наук, профессор), «Профессор К. Н. Сануков – организатор науки» (Е. П. Кузьмин, директор Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, кандидат исторических наук), «Научная школа К. Н. Санукова» (С. К. Свечников, старший научный сотрудник Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева, кандидат исторических наук), «Профессор Сануков и развитие финно-угроведения» (Н. Н. Гаврилов, кандидат философских наук), «Педагогическая деятельность К. Н. Санукова» (Г. Н. Айплатов, доктор исторических наук), «Исследователь национально-государственного строительства и “трагедии народа”» (Р. И. Чузаев, директор института национальной культуры и межкультурной коммуникации Марийского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент), «История Марий Эл в лицах в творчестве К. Н. Санукова» (А. Г. Ошаев, декан историко-филологического факультета Марийского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент).

Большое место в научном и публицистическом творчестве исследователя занимает биографический жанр. В одной из работ он

пояснял свой выбор: «Познавая биографии людей, трудолюбием и талантом которых делалась и делается история, мы ощущаем “связь времен”, преемственность поколений». Широкое признание общественности получили книги К. Н. Санукова о выдающихся земляках: «Комиссар», «Товарищ Влас», «Судьба художника», «Председатель исполкома», «Путь в науку и в науке», «Просветитель П. П. Глезденев», «Валериан Михалович Васильев», «Наши земляки: пути и судьбы», «Лумло лум-влак», «С. Г. Чавайн». «Владимир Мухин-Сави», «Никон Игнатьев», «Кырык сиреш шачыныт» и др.

Жизненный девиз Ксенофонта Никаноровича – служить людям, служить народу прекрасного Марийского края, быть достойным сыном великой и могучей России. Он поистине заслуживает народное звание «любимого сына марийского народа».

Научно-педагогическая деятельность К. Н. Сануко-

ва получила высокую оценку. Ему присвоены почетные звания «Заслуженный деятель науки Марийской АССР», «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации», «Лауреат Государственной премии Республики Марий Эл», «Почетный гражданин г. Йошкар-Олы»; он награжден орденом «За заслуги перед Марий Эл», медалями орденов «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени и «За заслуги перед Марий Эл», медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «М. А. Шолохову 100 лет. 1905–2005. За гуманизм и служение России» и др.

Профессор К. Н. Сануков пользовался заслуженным авторитетом у преподавателей и студентов. В памяти учеников и коллег Ксенофонт Никанорович навсегда останется как человек, преданный науке, мудрый и интеллигентный педагог.

Светлая память!

Ошаев Алексей Григорьевич,

*кандидат исторических наук,
декан историко-филологического факультета
ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»
(г. Йошкар-Ола, РФ), aleksei.oshaev@mail.ru*

Чузаев Родион Иванович,

*кандидат исторических наук,
директор института национальной культуры
и межкультурной коммуникации
ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»
(г. Йошкар-Ола, РФ), chuzaevr@mail.ru*

Aleksey G. Oshaev,

*Candidate Sc. {History},
Dean of the Faculty of History and Philology,
Mari State University
(Yoshkar-Ola, Russia), aleksei.oshaev@mail.ru*

Rodion I. Chuzaev,

*Candidate Sc. {History}, Director of the Institute of National Culture
and Intercultural Communication,
Mari State University
(Yoshkar-Ola, Russia), chuzaevr@mail.ru*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Рецензируемый научный журнал «**Финно-угорский мир Finno-Ugric World**» основан в 2008 г. и считает своей миссией всемерное распространение знаний о финно-угорских народах, популяризацию языков, литературы, народной культуры и искусств, истории родного края.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников согласно Номенклатуре специальностей научных работников. Осуществляется научное рецензирование поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки.

К рассмотрению принимаются оригинальные работы (научные статьи, обзоры, рецензии и отзывы), тематически связанные с проблемами финно-угорского мира. Набор материалов осуществляется по следующим научным направлениям: рубрика «Филологические науки» – **10.02.00 Языкознание**; «Исторические науки» – **07.00.00 Исторические науки и археология**; «Культурология» – **24.00.00 Культурология**.

Учредителем и издателем журнала является федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва».

С 2012 г. журнал входит в утверждённый Министерством образования и науки Российской Федерации **Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук**.

Главный редактор: **Макаркин Николай Петрович**, доктор экономических наук, профессор, президент ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения.

Научные редакторы: **Мосина Наталья Михайловна**, доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорской филологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Филологические науки»; **Корнишина Галина Альбертовна**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Исторические науки»; **Бояркин Николай Иванович**, доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Культурология».

В состав редакционного и экспертного советов входят ученые, организаторы науки, представители государственной власти, национальных общественных объединений, деятели культуры и искусств финно-угорских регионов Российской Федерации, Финляндии, Венгрии и Эстонии.

На обложке: 1 стр. – рисунок «*Лопарская баба*» из книги «*Этнографическое описание народов России*», 1803, ч. 1;

4 стр. – творческая работа П. Миничкина «*Великое кормление мордовского народа*», 2020, бумага, акварель

INFORMATION FOR AUTHORS

The peer-reviewed academic journal “**Finno-Ugric World**” was founded in 2008. It seeks to develop Finno-Ugric studies, Finno-Ugric languages, literature, folk culture and arts, and the history of the native land.

The names and content of the journal’s sections correspond to the groups of specialties of academic staff in accordance with the Nomenclature of Specialties of Academic Personnel. The journal follows a double-blind peer review process to maintain its high standard of the editorial expert assessment.

The journal seeks papers and book reviews on various aspects of Finno-Ugric Studies. It covers the following research areas: “Philology” – **10.02.00 Linguistics**; “History” – **07.00.00 History and Archeology**; “Cultural Studies” – **24.00.00 Cultural Studies**.

The founder and publisher of the journal is Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Ogarev Mordovia State University”.

Since 2012, the journal is included in the “**List of Russian peer-reviewed academic journals approved by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to publish research results of Dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences**”.

Editor-in-Chief: **Nikolai P. Makarkin**, Doctor of Economics, Professor, President of National Research Ogarev Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies

Editorial Board: **Natalia M. Mosina**, Doctor of Philology, Professor, Department of Finno-Ugric Philology, National Research Ogarev Mordovia State University; section “Philology”; **Galina A. Kornishina**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, National Research Ogarev Mordovia State University; section “History”; **Nikolai I. Boiarkin**, Doctor of Art History, Professor, Leading Researcher of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Ogarev Mordovia State University; section “Cultural Studies”.

The editorial board includes scholars, academics, representatives of State Bodies, National Public Associations, and representatives of culture and arts of the Finno-Ugric regions of the Russian Federation, Finland, Hungary and Estonia.